

Джон Норвич

ИСТОРИЯ

The History of Byzantium

ВИЗАНТИИ

несомненно, лучшая книга по истории
«Второго Рима»!

И С Т О Р И Я В О Д Н О М Т О М Е

Джон Норвич
История Византии

«АСТ»

1997

УДК 94(4) "04/14"
ББК 63.3(0)4

Норвич Д.

История Византии / Д. Норвич — «АСТ», 1997

ISBN 978-5-17-094752-2

Византийская империя. «Второй Рим». Великое государство, колыбель православия, очаг высокой культуры? Тирания, безжалостно управлявшая множеством покоренных народов, давившая в подданных всякий намек на свободомыслие и жажду независимости? Путешественники с восхищением писали о блеске и роскоши «Второго Рима» и с ужасом упоминали о жестокости интриг императорского двора, о многочисленных религиозных и политических распрях, терзавших империю, о феноменально скандальных для Средневековья нравах знатных византийцев... Византийская империя познала и времена богатства и могущества, и дни упадка и разрушения. День, когда Византия перестала существовать, известен точно: 29 мая 1453 года. Так ли это? Что стало причиной падения Византийской империи? Об этом рассказывает в своей уникальной книге сэр Джон Джулиус Норвич.

УДК 94(4) "04/14"

ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-17-094752-2

© Норвич Д., 1997

© АСТ, 1997

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Часть I	11
1	11
2	24
3	31
4	36
5	52
6	65
7	74
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Джон Норвич

История Византии

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Felicity Bryan Ltd. и Andrew Nurnberg.

© John Julius Norwich, 1997, 1982

© Перевод. Н. Забилоцкий, 2009

© Перевод. И. Летберг, 2009

© Перевод. Н. Омелянович, 2009

© Перевод. Ю. Федоренко, 2009

© Издание на русском языке AST Publishers, 2011

Предисловие

Византийская империя с момента основания Константином Великим 11 мая 330 г. до взятия ее столицы Константинополя османским султаном Мехмедом II во вторник 29 мая 1453 г. просуществовала в общей сложности 1123 года и 18 дней – период, более протяженный, чем тот, что отделяет нас от времени завоевания норманнами Англии в 1066 г. Для всех, за исключением астрономов и геологов, такой период должен представляться весьма значительным – и если кто-то сочтет меня безрассудно дерзким из-за того, что я попытался вместить основные события этого времени в одну книгу, то я не стану возражать. Когда двенадцать лет назад я начал писать историю Византии, у меня не было подобного замысла – я лишь следовал замечательному совету Червонного Короля из «Алисы в Стране Чудес»: «Начни сначала и продолжай, пока не дойдешь до конца. Как дойдешь – кончай!» В результате с 1988 по 1995 г. вышло в свет три книги общим объемом примерно тысяча двести страниц.

В первой из этих книг излагается история Византийской империи с момента ее основания до того времени, когда коронацией Карла Великого в Риме на Рождество в 800 г. было положено начало «Священной Римской империи». Во второй книге речь идет о правлении блестящей Македонской династии – до времени апогея ее власти при Василии II Болгаробойце, но завершается повествование рассказом о первом из трех крупнейших поражений, которые были нанесены Византии, в данном случае турками-сельджуками при Манцикерте в 1071 г. В третьей и последней книге показано, какие роковые последствия имело это поражение: империя потеряла большую часть территории Малой Азии – основного источника людских ресурсов, – государство обнищало и ослабло, в результате чего пало жертвой Четвертого крестового похода. Это варварское нашествие и последующие пятьдесят семь лет латинского правления явились тем вторым ударом, от которого Византии так никогда и не удалось оправиться. История последних двух столетий империи, особенно на фоне впечатляющего подъема турецкого дома Османов, представляет собой тягостную картину. И лишь заключительная глава, при всей своей трагичности, снова поднимает читателю дух – что обязательно должны делать все героические сказания.

Но сможет ли обычный читатель добраться до этой главы, одолев тысячу двести страниц? Подобный подвиг в наши дни мало кому по силам, и мне подали разумную с виду идею: многие из тех, кого может расхолодить объем трилогии, с воодушевлением приняли бы ту же самую историю, если она будет сжата в один том. В результате появилась книга, которую вы сейчас держите в руках. Сокращение повествования до одной трети было трудоемкой и мучительной операцией, которая зачастую отдавала детоубийством: многие из моих любимых детищ – анекдотов и весьма удачных шуток – оказались за бортом повествования. Но если сокращенному изданию удастся пробудить интерес у какого-то количества читателей к странному, жестокому, однако бесконечно увлекательному миру Византии, то я не буду сожалеть ни об удаленном материале, ни о затраченном времени.

Как я указываю во введении, изначально написанном для трехтомного издания, мой труд не претендует на академическую научность – я как бы скользил на коньках по поверхности изучаемого предмета. Готовя настоящее сжатое издание, я испытывал такое ощущение, будто поменял коньки на катер на воздушной подушке. Но как бы там ни было, история Византии изложена в этой книге целиком и полностью, ничто из имеющего первостепенную важность не опущено. А если же вдруг темп повествования окажется для вас чрезмерным, а череда приводимых фактов чересчур плотной – что ж, вы можете обратиться к моей трилогии.

*Джон Джулиус Норвич
октябрь 1996 г.*

Введение

«Относительно Византийской империи вердикт исторической науки таков: это государственное образование являет собой самую низкую и презренную форму, которую когда-либо принимала цивилизация... История не знает иных цивилизаций, имевших сколько-нибудь продолжительное существование, которые были бы в столь полной мере лишены всех форм и элементов величия... Ее пороки суть пороки людей, которые утратили храбрость, не научившись добродетелям... Рабы, и добровольные рабы – как в своих деяниях, так и в своих мыслях, – погруженные в чувственную сферу и предающиеся самым фривольным удовольствиям... История Византийской империи – это монотонная история интриг священников, евнухов и женщин, полная отравлений, заговоров, повсеместной неблагодарности, постоянных братоубийств».

Эта довольно удивительная диатриба взята из «Истории европейской морали» У.Э.Х. Леки, изданной в 1869 г. Удивительна она хотя бы потому, что последнее предложение в приводимой цитате представляет византийскую историю не столько «монотонной», сколько весьма даже занимательной. Однако суть высказывания автора от того не меняется и остается фактом, что в течение последних двухсот с лишним лет так называемая поздняя Римская империя подавалась в печати в самом ужасном свете. Длительная кампания диффамации, по-видимому, получила свой первоначальный импульс в XVIII в. от Эдуарда Гиббона¹, который, как и все англичане его времени, имевшие классическое образование, видел в образе Византии предательство всего самого лучшего, что было достигнуто в Древней Греции и Риме в гуманитарной сфере. Лишь после Второй мировой войны, когда простота, скорость и относительный комфорт путешествий в Левант сделали наконец византийские памятники более доступными для обозрения, Восточной Римской империи стали воздавать должное и признавать ее – хотя и очень специфическим образом – как достойного наследника двух могущественных цивилизаций, исчезнувших до ее возникновения. Но старые установки отмирали с трудом. На протяжении пяти лет моей учебы в одной из самых старых и самых привилегированных частных школ Византия казалась жертвой заговора молчания. Я не могу вспомнить, чтобы она вообще упоминалась на занятиях, не говоря уже о том, чтобы ее хотя бы поверхностно изучали. Мое неведение было настолько полным, что я с трудом мог бы охарактеризовать это историческое государственное образование даже в самых общих терминах до тех пор, пока не поступил в Оксфорд. Я подозреваю, что и сейчас многие люди имеют такое же смутное представление о данном предмете; как раз для них и была написана эта книга.

Ее идея впервые возникла много лет назад – и не у меня, а у моего друга Боба Готлиба, который в то время редактировал журнал «Нью-Йоркер». Меня, помнится, несколько обескуражила объемность вставшей передо мной задачи, тем не менее я без колебаний взялся за дело. К тому моменту меня на протяжении уже более чем четверти века занимал византийский мир, а годы, которые я посвятил британской дипломатической службе – из них два с половиной я провел в Белграде, а три в Бейруте, когда он еще был одним из самых изумительных и комфортных мест в мире, – лишь усилили мою привязанность к Восточному Средиземноморью. В общем, все говорило в пользу того, чтобы я воплотил идею Боба Готлиба в жизнь.

Взявшись за написание своей первой книги – ради чего в 1964 г. покинул дипломатическую службу, – я посетил место, которое более чем какое-либо другое проникнуто духом Византии: речь идет о горе Афон.

¹ Гиббон, Эдуард (1737–1794) – знаменитый английский историк. – *Здесь и далее примеч. пер. (за искл. оговоренных случаев).*

Затем мне довелось в течение нескольких счастливых лет трудиться над книгой о Венеции, которая сначала являлась провинцией, а позднее – боковым отростком империи. В венецианском соборе Св. Марка – созданном, к слову, по образцу построенной Константином церкви Св. Апостолов, – и соборе Торчелло имеются византийские мозаики, достойные стоять в одном ряду с константинопольскими. Но насколько отличными друг от друга были два эти города – Константинополь и Венеция! Защищенная от terra firma² спокойными водами лагуны, Венеция до самого конца своего независимого (в большей или меньшей мере) существования в статусе города-государства оставалась не затронутой внешними катаклизмами. Константинополь же находился под постоянной угрозой извне. Нашествие следовало за нашествием, осада – за осадой, но город вновь и вновь спасал героизм императора и его подданных. Венецианцы являлись холодными и безжалостными циниками, для которых на свете не было ничего важнее, нежели коммерческие интересы. Византийцев в первую очередь вела по жизни вера: для них Христос, Его Мать и все святые были столь же живыми, реальными личностями, сколь и члены их собственных семей. Наконец Венеция управлялась безликими комиссиями: группами выбранных людей, облаченных в черное; работали они в обстановке секретности, состав комиссий постоянно менялся, решения принимались коллективно, так что устранялась любая возможность явного выдвижения какой-то яркой личности. Византия же возглавлялась императором, равноапостольным лицом, наместником Бога на земле, который в своей ладони держал жизнь каждого из подданных. Некоторые из этих императоров становились героями, другие оказывались чудовищами, но никто из них не был скучным функционером.

По одной только этой причине данную книгу было интересно писать. Но кроме того, мне хотелось, чтобы она, по мере моих скромных возможностей, отдавала дань заслугам Византии. Наша западная цивилизация никогда не признавала надлежащим образом свою задолженность перед Восточной империей. А ведь не будь этого великого бастиона христианства, то что ждало бы Европу в столкновении с армиями царя Персии в VII в. или с войском багдадского халифа в VIII в.? На каком языке говорили бы мы сегодня и какому богу бы поклонялись? В культурной области наши долги перед Византией также чрезвычайно велики. После варварских нашествий и падения Рима свет учености был почти полностью погашен в Западной Европе за исключением нескольких мерцающих огоньков монастырей; на берегах же Босфора он продолжал сиять, и древнее классическое наследие продолжало там сохраняться. Значительная часть того, что мы знаем об античности – особенно в таких областях, как греческая и римская литература и римское право, – была бы навсегда утрачена, если бы не ученые и переписчики Константинополя.

Однако эти безмерные заслуги на Западе считались чем-то само собой разумеющимся и в итоге были вообще забыты. В наши дни мы имеем перед собой лишь одно постоянное напоминание о гении византийцев: блеск их искусства. Никогда в истории христианства – и есть даже искушение добавить, что и в истории других мировых религий, – ни одной художественной школе не удавалось в столь полной мере ввести в свои работы духовное начало. Византийские теологи настаивали на том, чтобы религиозные художники и мозаисты ставили своей целью отображение образа Бога. Это было требование не малого порядка, но мы видим, что в церквях и монастырях империи оно с успехом претворялось в жизнь.

Наконец я хочу подчеркнуть, что эта книга не претендует на академическую ученость. Любой профессиональный византинист найдет здесь мало такого, чего бы он уже не знал, – при том что, вероятно, он обнаружит много таких утверждений или мнений, с которыми не согласится. К сожалению, те четыре года изучения древнегреческого языка в упомянутой мной частной школе не позволили мне овладеть им хотя бы в такой мере, чтобы читать самые

² Terra firma – зд.: материковая часть суши (лат.).

простые греческие тексты без словаря. Поэтому мне пришлось опираться почти исключительно на те первоисточники, которые существуют в переводах или кратких изложениях. С другой стороны, в позднейшие века количество вспомогательных источников становится столь обильным, что основная трудность заключалась не в получении информации, а в ее отборе. Так или иначе, я не буду делать вид, что занимаюсь чем-то иным, нежели бесхитрым катанием на коньках по поверхности своего предмета.

Но я никогда и не предполагал пролить новый свет на Византию и ее историю. Все, что я пытался сделать, это хоть в какой-то степени разрушить тот заговор молчания, из-за которого многие из нас практически не имеют никаких знаний о христианской империи, существовавшей столь длительное время и исповедовавшей высшие духовные ценности. И рассказать мне об этом хотелось настолько интересно и настолько точно, насколько сие в моих силах. Я не могу быть уверен, что читатель, перевернув последнюю страницу, отложит книгу с тем же сожалением, какое я испытал по завершении длительной, однако же исключительно увлекательной работы над ней. Но он по меньшей мере не сможет отрицать, что эта история была достойна того, чтобы ее рассказать.

Часть I Ранние века

1

Константин Великий (до 337)

В начале было слово – одно из тех географических наименований, что обрели в истории магический резонанс. Даже если бы Византия никогда не существовала, она, несомненно, запечатлелась бы в нашем сознании благодаря одной лишь музыке своего названия, вызывая в воображении те же картины, которые существовали в реальности, – обилие золота, малахита и порфира; величественные церемонии и обряды; парчовые наряды, тяжелые от рубинов и изумрудов; роскошная мозаика в залах, затуманенных ладаном.

Далее – место, тоже во всех отношениях возвышенное. Находясь буквально на пороге Азии, занимая самую восточную оконечность широкого треугольного мыса, оно омывается с южной стороны Мраморным морем, а с северо-востока – глубокой судоходной бухтой длиной примерно пять миль, известной еще с древности как Золотой Рог. Это место было создано природой в виде великолепной гавани и неприступной крепости – крупные фортификации для города потребовалось возводить лишь со стороны суши, поскольку само Мраморное море защищено двумя длинными и узкими проливами: Босфором с востока и Геллеспонтом (или Дарданеллами) с запада.

Наконец – человек: Константин I, римский император. Ни один из правителей за всю мировую историю не заслуживал в большей мере титула «великий», нежели этот государь. В течение всего лишь пятнадцати лет Константин принял два решения, каждое из которых, даже в отдельности, призвано было изменить будущее цивилизованного мира. Первое – принятие христианства в качестве официальной религии Римской империи. Второе – перенос столицы этой империи в новый город, который Константин выстроил на месте старого Византия и который на протяжении следующих шестнадцати столетий был известен под названием Константинополь. Оба эти решения и их последствия позволили ему притязать на роль самого влиятельного человека во всей мировой истории – не считая Иисуса Христа, Будды и пророка Мухаммеда, – и с него начнется наша история.

Он родился в 274 г. Его отец Констанций – по прозвищу Хлор, «Бледный» – является одним из самых блестящих и успешных полководцев в Римской империи; его мать Елена была дочерью скромного хозяина постоялого двора из Вифинии, римской провинции в Малой Азии. Некоторые историки высказывали предположение, что в девичью пору она являлась одним из дополнительных удовольствий, которое заведение ее отца предоставляло своим клиентам за небольшую доплату. Лишь много позднее, когда ее сын достиг вершин власти, она стала самой почитаемой женщиной в империи. А в 327 г., когда ей было уже больше семидесяти лет, эта обратившаяся в христианство и воспринявшая его со всем пылом женщина совершила знаменитое паломничество в Святую землю, где она чудесным образом раскопала Честной Крест Господень, через что достигла святости.

В 293 г. император Диоклетиан решил поделить императорскую власть на четыре части: Восток он оставил себе, а три других региона передал старому товарищу по оружию Максимиану, суровому, профессиональному воину из Фракии по имени Галерий и Констанцию Хлору. Максимиан, как и Диоклетиан, получил титул августа – верховного импера-

тора; последние двое получили титул цезарей³ – заместителей и преемников августов. Недостатки такого переустройства должны были быть очевидны уже в то время, и сколько бы ни повторял Диоклетиан, что империя продолжала оставаться единой и неделимой, ее раскол был неизбежен. Все шло достаточно гладко в течение нескольких лет – тех, что Константин провел при дворе Диоклетиана, но в 305 г. произошло событие, беспрецедентное в истории Римской империи, – добровольное отречение императора. После двадцати лет пребывания на троне Диоклетиан покинул его, вынудив и Максимиана, крайне не желавшего этого, отречься вместе с ним.

Галерий и Констанций Хлор – который к тому времени покинул Елену, с тем чтобы жениться на падчерице Максимиана, Феодоре, – были провозглашены августами, но относительно определения их заместителей, двух новых цезарей, возникли ожесточенные споры между различными заинтересованными сторонами. Константин, находившийся в то время в резиденции Галерия в Никомедии, стал всерьез опасаться за свою жизнь и бежал к отцу в Булонь, где тот готовился к очередной экспедиции в Британию. Отец и сын вместе пересекли Ла-Манш, но вскоре после этого, 25 июля 306 г., Констанций умер в Йорке. Тогда местные легионы набросили пурпурную императорскую тогу на плечи Константина, подняли его на щиты и приветствовали громкими возгласами, отозвавшимися гулким эхом по всей стране.

Нуждаясь, однако, в официальном признании, Константин послал Галерию в Никомедию наряду с извещением о смерти своего отца, портрет самого себя с обозначенными на нем атрибутами августа Запада. Но Галерий категорически отказался признавать молодого бунтаря – каковым Константин, безусловно, являлся – в качестве августа. Он был готов, пусть и неохотно, признать его цезарем, но и только. Для Константина на данный момент этого было достаточно.

В течение следующих шести лет он оставался в Галлии и Британии, управляя этими провинциями в целом мудро и достойно. Несмотря на свои высокие нравственные установки, он в 307 г. бросил жену, с тем чтобы заключить намного более значимый союз – с Фаустой, дочерью старого императора Максимиана. Последний к этому времени отказался от вынужденного отречения, снова облачился в порфиру и начал действовать в одной связке со своим сыном Максенцием – в итоге вся Италия оказалась у их ног. Очевидно, что этот брак оказался выгоден в дипломатическом отношении для обеих сторон.

Мы не можем сказать, сколь долго удовлетворяло бы Константина правление сравнительно отдаленным уголком империи, но в апреле 311 г. ситуация существенно изменилась – в городе Сирмие, лежащем на берегу реки Сава, умер император Галерий. В результате верховная власть в государстве официально оказалась поделена между тремя правителями: Лицинием, одним из закадычных приятелей почившего императора, руководившим Иллирией, Фракией и дунайскими провинциями; племянником августа Максимином Дазой, которого Галерий в 305 г. назначил цезарем и который ныне владел восточной частью империи, и самим Константином. Но был и четвертый – не принадлежавший формально к числу властителей императорского ранга, но достаточно могущественный и считавший себя несправедливо обделенным верховной властью. Речь идет о Максенции – правителе Рима, зяте Галерия и сыне прежнего императора Максимиана. Максенций давно уже затаил ненависть к своему блестящему молодому зятю Константину. Обвинив его в смерти своего отца, погибшего в Галлии, Максенций стал явно готовиться к походу на запад. Было очевидно, что война неизбежна, но, прежде чем выступить против своего противника, Константину следовало

³ Цезарь (кесарь) – один из самых высоких титулов, первоначально – «младшего» императора, с V в. давался в знак исключительно отличия и наследникам трона; с VII в. титул «цезарь» перестал быть преимущественно императорским, но остался достаточно высоким.

заручиться поддержкой Лициния. Тот не имел никаких возражений против плана отвоевания Италии Константином. Соглашение между властителями было скреплено обручением Лициния со сводной сестрой Константина Констанцией.

Когда Константин начал свое длительное продвижение к столице, Максенций оставался в Риме. И лишь после того как войско его зятя подошло к городу, Максенций выдвинулся ему навстречу. Две армии встретились 27 октября 312 г. в местечке Сакса-Рубра (Красные Скалы) на Фламиниевой дороге, примерно в семи-восьми милях к северо-востоку от Рима. Именно здесь, как гласит легенда, перед самой битвой или, возможно, даже во время нее Константину явилось видение. Римский историк Евсевий описывает это следующим образом:

«Самый удивительный знак явился к нему с небес... Он сказал, что примерно в полдень, когда солнце начинало убывать, он увидел своими собственными глазами светящийся крест на небе, над солнцем, – на нем была надпись: «Сим победиши» («Noc Vince»). Он сам был изумлен, и также вся его армия».

Вдохновленный столь очевидным указанием на божественную милость, Константин разбил наголову армию Максенция. Та обратилась в бегство в сторону Мульвийского моста, перекинутого через Тибр. Еще до сражения Максенций рядом с этим мостом возвел другой – на понтонах. По нему в случае необходимости он полагал осуществить организованное отступление и затем быстро разрушить переправу, чтобы предотвратить преследование. Солдаты Максенция добрались до этого моста, и им удалось бы спастись, если бы инженеры от страха не потеряли головы и не вынули болты, скреплявшие конструкцию, слишком рано. Мост рухнул, и сотни людей оказались в стремительном потоке воды. Те, кто еще не пересек реку, бросились к старому Мульвийскому мосту, теперь ставшему для них единственным шансом на спасение, но, как и предполагал Максенций, этот мост оказался слишком узким. Многие погибли в давке или были сброшены в реку их собственными товарищами. В числе последних оказался и сам Максенций, чье тело было позднее найдено прибитым к берегу.

Сражение у Мульвийского моста превратило Константина в полного хозяина всей Европы. Кроме того, после этой битвы он хотя и не обратился в христианство, но по крайней мере проявил себя в качестве защитника и покровителя своих христианских подданных. Уезжая из Рима, он даровал папе римскому Мельхиаду дворец семейства Латерани, в котором императрица Фауста останавливалась во время своих приездов в эти места. На протяжении следующей тысячи лет сей дворец принадлежал папству. Рядом с ним по распоряжению императора и за его счет была построена первая из базилик в Риме – церковь Св. Иоанна Латеранского, которая и по сей день является кафедральным собором города.

До какой степени видение Креста, которое, как утверждается, явилось императору вблизи Мульвийского моста, стало не только одним из поворотных моментов его жизни, но также и водоразделом всей мировой истории? Прежде чем ответить на этот вопрос, мы должны спросить себя: что же действительно произошло? Согласно христианскому ученому и ритору Лактанцию, наставнику Криспа, сына Константина, «Константин во сне получил наказ начертать небесный знак на щитах своих солдат и лишь после этого вступать в сражение. Он сделал так, как ему было повелено, и начертал на их щитах букву «X» и провел через нее перпендикулярную линию, закруглив ее наверху, так что получилась монограмма Христа».

Лактанций более ничего не говорит по этому поводу. Нет упоминания о видении, только о сне. Нет даже предположения, что Спаситель или Крест могли в принципе являться императору. Что касается «небесного знака», то это была просто монограмма из X и P, первых двух греческих букв в имени Христа, которые давно уже являлись знаковыми в различных христианских текстах. И, возможно, еще более значительным является тот факт, что другой наш ценный источник, Евсевий, не упоминает ни о сне, ни о видении в описании

сражения, которое он дает в своей «Церковной истории», написанной примерно в 325 г. И лишь в «Жизни Константина», написанной им много лет спустя, он упоминает о видении.

Какие же заключения следует нам сделать из всего вышесказанного? Во-первых, конечно, не было никакого видения, ведь о нем нет ни одного свидетельства вплоть до появления «Жизни Константина». Сам император, по-видимому, никогда никому не говорил об этом, кроме как одному Евсевию. Потом, есть примечательное заявление самого Евсевия, будто «целая армия... наблюдала чудо». Трудно поверить, что 98 тысяч человек держали в тайне столь знаменательное событие.

С другой стороны, очень похоже на то, что перед сражением император обрел некий серьезный духовный опыт. Он уже достаточно давно пребывал в состоянии религиозной неуверенности и все более склонялся к монотеизму: после 310 г. на монетах, которые чеканили при его дворе, был изображен только один бог – Sol Invictus (Непобедимое Солнце). Между прочим, император заявлял, что ему являлось видение этого бога. Однако вера сия, по-видимому, также не принесла Константину удовлетворения. Короче говоря, к октябрю 312 г. император был вполне готов к обращению и, похоже, на его молитвы пришел ответ. Если мы примем эту гипотезу, то историю Евсевия понять будет гораздо проще. У Константина всегда было сильное ощущение своей божественной миссии. А в его эпоху существование чудес и небесных знамений являлось само собой разумеющейся данностью. С течением времени он мог считать, что ему действительно явилось божественное предзнаменование перед решающей битвой у Мульвийского моста, о чем император и сообщил Евсевию.

В начале января 313 г. Константин покинул Рим и отправился в Милан, где ранее условился встретиться с Лицинием. Их переговоры имели вполне дружеский характер. Лициний, по-видимому, согласился с тем, что за Константином должны остаться завоеванные им территории. Далее Лициний должным образом женился на Констанции. В отношении христиан только что установившие родственные связи зять и шурин составили окончательный текст эдикта, обеспечивающего христианству полное признание на всей территории империи:

«Я, Константин август, и я, Лициний август, имея намерение явить уважение и почтение к божеству, предоставляем христианам и всем прочим право свободно отправлять любую форму культа, какую только они пожелают, так чтобы, какое бы божество ни пребывало на небесах, оно было милостивым к нам и ко всем тем, кто находится под нашей властью».

На момент издания Миланского эдикта оба императора были друзьями, но оставались таковыми недолго. Константин возымел намерение положить конец случившемуся при Диоклетиане катастрофическому разделению империи и начать править ею самостоятельно. Первая война с Лицинием разразилась в 314 г., следующая – девять лет спустя, когда две армии сошлись в яростной битве при Адрианополе во Фракии. В обоих случаях Константин вышел победителем; к концу 323 г. Лициний был захвачен в плен и вскоре казнен.

Во время гражданской войны Константин выказывал все большее предпочтение христианской религии. В течение нескольких лет он издавал законы, благоприятствовавшие ее развитию. В частности, клир был освобожден от обычных муниципальных обязанностей, а епископальным судам было дано право функционировать в качестве апелляционных судов, рассматривающих гражданские дела. Принятие ряда других законов также в определенной степени было обусловлено возросшим христианским влиянием: здесь можно назвать закон от 319 г., запрещающий убийство рабов, и – самый знаменитый из всех – закон от 321 г., объявляющий воскресенье, «почетный день солнца», днем отдыха.

Но ни в одном из этих законотворческих актов само имя Христа не упоминалось, а христианской вере видимых предпочтений не отдавалось. Наконец, когда разрозненные части империи надежным образом воссоединились под его властью, Константин посчитал, что

настал момент действовать в открытую. Не должно быть принуждения: язычники могут исповедовать старую веру, если они того пожелают. С другой стороны, не должно быть ересей. Если церкви суждено выступить в качестве духовной основы империи, то как она могла быть разделена? А церковь была разделена. На протяжении уже нескольких лет Константин безрезультатно боролся против двух схизматических групп – донатистов в Северной Африке и мелетиа в Египте. Теперь же появилась еще и третья – угрожавшая посеять куда больший раздор в христианстве, чем две другие, вместе взятые.

Эта группа объединилась вокруг пресвитера Ария Александрийского, человека премногочисленной учености и весьма представительной внешности. Суть его учения сводилась к следующему: Иисус Христос был создан Богом Отцом как инструмент для спасения мира – то есть Сын находился в подчиненном положении по отношению к Отцу и его природа была скорее человеческая, чем божественная. В глазах стоявшего над Арием архиепископа Александра такая доктрина выглядела очень опасной; в итоге в 320 г. ее автор предстал перед судом ста епископов и был отлучен от церкви как еретик. Но надо иметь в виду, что в те времена теологические дискуссии вызвали неподдельный интерес не только в среде клира и ученых, но и во всем обществе. На городских улицах раздавались листовки; на рыночных площадях произносились подстрекательские речи; на стенах зданий мелом писались разного рода призывы и лозунги. В результате учение Ария начало распространяться по империи со сверхъестественной быстротой.

К концу 324 г. Константин нашел решение проблемы. Не будет более синодов местных епископов, их место займет Вселенский церковный собор. Он должен был проходить в Никее и обладать такой мерой власти, что и Арию, и Александру пришлось бы принять его установления. Помимо всего прочего Никея могла гордиться замечательным императорским дворцом; именно в нем с 20 мая по 19 июня 325 г. и прошел великий собор. На нем было незначительное число представителей Запада, где учение Ария не вызвало особого интереса, а вот с Востока прибыло внушительное число делегатов – по-видимому около 300 или даже более того, – и многие из них в свое время подверглись серьезным преследованиям за веру. Открывал собор лично Константин – будто некий небесный Божий ангел, облаченный в одеяние, которое блестело, словно излучая свет. Особое великолепие одежде придавали золото и драгоценные камни. Когда перед ним поставили низкий стул, то он помедлил садиться – подождал, когда епископы подадут ему соответствующий знак. Вслед за ним уселись собравшиеся.

На самом деле все эти теологические тонкости совершенно не интересовали Константина – самым главным для него было положить конец спорам. И император сыграл важную роль в развернувшихся дебатах – Константин настойчиво делал упор на исключительной важности единства церкви. Стараясь произвести большее впечатление на слушателей, он в своем выступлении даже перешел с латыни на греческий язык, который император сам не слишком хорошо знал, но который был более близок его аудитории. Именно он предложил вставить в Символ веры, который должен был принять собор, ключевое слово «хомоусиос» («единосущий»), описывающее отношения Сына с Отцом, что являлось, по сути, осуждением арианства. Со свойственным ему хитроумием Константин при этом указал, что данное слово следовало интерпретировать лишь «в его божественном и мистическом смысле» – иначе говоря, оно могло значить ровно то, что каждый пожелал бы в него вложить. В результате почти все сторонники Ария согласились подписать окончательный документ, лишь два делегата высказались против. Ария с его приверженцами формально осудили, его писания подвергли анафеме, и было повелено их сжечь. Ему также запретили возвращаться в Александрию. Ссылка Ария в Иллирию не продлилась, однако, долго. Благодаря настойчивым обращениям к верховной власти арианских епископов он вскоре оказался в Никомедии,

где последующие события продемонстрировали, что дерзновенный путь Ария еще никоим образом не закончился.

Для Константина Первый Вселенский собор христианской церкви завершился полным триумфом. Все основные решения собора были сформулированы в желательном для императора виде; при этом одобрение их епископами оказалось почти единогласным. Константину удалось осуществить союз Восточной и Западной церквей и обеспечить в нем собственное моральное верховенство. В общем, он имел веские причины поздравить самого себя. Когда наконец настало время епископам разъезжаться, то каждый увез с собой подарок, врученный ему императором лично. По словам Евсевия, на них это произвело глубокое впечатление – чего Константин и добивался.

В начале января 326 г. император отправился в Рим. Римляне были глубоко оскорблены его решением провести *vicennalia*⁴ в Никее, поэтому он вознамерился повторить празднование в Риме, дабы смягчить недовольство столичных жителей. В путешествии Константина сопровождали несколько членов его семьи: мать Елена, жена-императрица Фауста, сводная сестра Констанция, ее пасынок Лициниан и сын-первенец – цезарь Крисп. Однако поездка не оказалась слишком радостной, поскольку отношения между ними были, мягко говоря, натянутыми.

Елена, к примеру, никогда не забывала, что Фауста была дочерью императора Максимиана, приемного отца той Феодоры, что увела сорок лет назад ее мужа Констанция Хлора. Фауста, со своей стороны, негодовала по поводу того, что в последние годы Константин возвысил свою мать до ранга самой Фаусты, то есть до положения августы. Констанция безутешно вспоминала своего мужа Лициния, умершего менее чем за два года до описываемых событий; пасынок ее понимал, что его собственные надежды на власть истаяли, в то время как Крисп пользовался почестями, которые в равной степени должны были причитаться и Лициниану. Что касается Криспа, то уже в течение определенного времени он сознавал, что в его отце растет чувство ревности к нему, вызванное ростом симпатии к Криспу в армии и среди гражданского населения при одновременном падении популярности самого императора.

Однако все эти нюансы семейных отношений вряд ли повлияли на события, которые развернулись, когда члены императорской фамилии в феврале достигли Сердики. Неожиданно были арестованы Крисп и Лициниан, несколько дней спустя их предали смерти. Через короткое время за ними последовала императрица Фауста, которая погибла в купальне – была ли она обварена паром, заколота или удушена, мы никогда не узнаем.

Что же подвигло Константина на расправу со своими ближайшими родственниками, а в последующее время и со многими друзьями? Есть серьезная вероятность того, что Крисп и Лициниан замыслили заговор, намереваясь свергнуть императора. Заговор был своевременно раскрыт, и Константин действовал с обычной для себя решительностью. Вскоре были разоблачены и другие приближенные Константина, замешанные в этом деле и разделившие судьбу заговорщиков. Но отчего, однако, император разделался со своей женой? Не участвовала ли Фауста в интриге против своего мужа, ведь ее отец Максимиан погиб от рук Константина? Но Максимиан умер за шестнадцать лет до описываемых событий, а Фауста за это время родила от Константина пятерых детей. Ясно, что августа провинилась перед мужем в чем-то ином.

Вот что пишет историк Зосим, который, как считают, жил в следующем веке: «Криспа подозревали в том, что он имел прелюбодейные отношения со своей мачехой Фаустой, и поэтому был казнен». Если данная версия и близка к истине, то она все равно вызывает вопросы. Допустим, Крисп и Фауста действительно состояли в интимной связи, но тогда

⁴ *Vicennalia* – зд.: празднование двадцатилетия правления (лат.).

почему они не были казнены одновременно? Возможно, Крисп делал предложения Фаусте, которая гневно отвергла его домогательства и сообщила об этом отцу; но если так, то почему она вообще была казнена? Весьма вероятен следующий вариант развития событий: у Криспа не имелось никаких планов в отношении Фаусты, и он был несправедливо обвинен ею – возможно, как предполагает Гиббон, потому, что именно Крисп ее отверг, а Константин, обнаружив лживость обвинений супруги лишь после смерти своего сына, распорядился, чтобы ее постигла подобная же участь.

Новости о стратегических событиях в императорской семье достигли Рима еще до того, как туда прибыл Константин, и отнюдь не уменьшили чувство раздражения, которое его фигура давно уже внушала столичным жителям, особенно в среде простых людей. Как римляне они испытывали все большее беспокойство в связи с сообщениями о возведенном императором блистательном городе на Босфоре; как республиканцы – или по крайней мере как наследники республиканской традиции – они испытывали возмущение от того, что Константин вел себя не столько как римский император, сколько как восточный властелин; и как верные сторонники традиционной религии они порицали его уход от старых богов и принятие им презренной христианской веры, которая ассоциировалась у римлян с уличной чернью и отбросами общества. В столице его принимали со всеми должными церемониями, но не особенно стремились замаскировать свои истинные чувства, точно так же как он едва ли старался скрыть свои.

Так или иначе, Константин проявил большое усердие, взявшись превратить Рим в христианский город. Он возвел еще одну грандиозную базилику (ныне известную как Сан-Паоло фуори ле Мура), посвященную на этот раз святому Павлу, на дороге в Остию, на месте захоронения святого, а также базилику (ныне именуемую Сан-Себастьяно) в честь святых апостолов на Аппиевой дороге. Однако самым известным его творением стала базилика, которую император повелел выстроить на том месте, где, как считается, упокоен святой Петр, – на Ватиканском холме.

Бурная строительная деятельность Константина в Риме служит очевидным доказательством того, что он видел город главным святилищем христианской веры – за исключением лишь Иерусалима. С другой стороны, император никогда не любил Рим и не стремился оставаться в нем дольше, чем того требовали дела. Сердце Константина принадлежало Востоку.

Когда Константин впервые обратил свой взор на Византий, городу насчитывалось уже почти тысяча лет: маленькое поселение существовало на этом месте в VII в. до н. э., там имелся свой акрополь на возвышенности, на том месте, где сейчас стоят собор Св. Софии и дворец Топкапы. Когда новый город Константинополь стал центром римского мира, возникли различные истории, связанные с его основанием. Так, император якобы стал лично прочерчивать линию будущих городских стен своим копьём; его спутники выразили удивление ее длиной и спросили, когда же он остановится. На что Константин ответил: «Я буду продолжать до тех пор, пока идущий впереди меня, не прикажет мне остановиться», намекая, что им руководит некая небесная сила.

Почти несомненно то, что подвигнул Константина сделать этот город столицей государства его второй визит в Рим, чьи республиканские и языческие традиции явно не вписывались в образ новой христианской империи. В интеллектуальном и культурном плане Рим все менее соприкасался с новым мышлением эллинистического мира. Римские академии и библиотеки не могли более состязаться с александрийскими, антиохийскими или пергамскими. В экономической сфере прослеживалась подобная же тенденция. В Риме и на большей части Апеннинского полуострова росли масштабы малярии и население сокращалось;

несравнимо большими были природные и человеческие ресурсы *pars orientalis*⁵, и это не могло игнорировать ни одно правительство.

В стратегическом отношении недостатки старой столицы выглядели еще более серьезными. Основные опасности для империи, формировавшие ее политические приоритеты, ныне концентрировались у ее восточных границ: сарматы вдоль нижнего течения Дуная, остготы к северу от Черного моря и персы, представлявшие наибольшую угрозу, чья великая империя Сасанидов к тому времени протянулась от бывших римских провинций Армении и Месопотамии до гор Гиндукуша. Центр Римской империи – а по сути, всего цивилизованного мира – безвозвратно сместился на Восток. Италия стала тихой заводью.

Центральным местом нового города Константина стал Милион, или Первый Мильный Камень. Он состоял из четырех триумфальных арок, образующих площадь, которую венчал купол, на нем была установлена самая почитаемая христианская реликвия – Честной Крест Господень, привезенный императрицей Еленой из Иерусалима за год или два до этого. От Милиона отмерялись все расстояния в империи; по сути, это был центр мира. Несколько восточнее от него, на том месте, где в прежние времена находилась гробница Афродиты, выросла первая значительная христианская церковь новой столицы, посвященная не отдельному святому или мученику, но Святому Божьему Миру (Св. Эйрене⁶). Через несколько лет рядом с этой церковью вырос, и даже отчасти затенил ее, величественный собор Св. Софии, но на момент, который здесь описывается, его еще не существовало. Примерно в четверти мили от церкви, в направлении Мраморного моря, находился огромный ипподром, выстроенный Константином. На проходившей по его центру спине⁷ находился один из самых древних эллинистических трофеев города – так называемая Змеиная колонна, привезенная Константином из Дельф, где она была воздвигнута в храме Аполлона представителями тридцати одного греческого города в благодарность за их победу над персами в битве при Платеях в 479 г. до н. э.⁸ Вдоль восточной части ипподрома тянулось прямоугольное здание императорского дворца: спиральная лестница в нем вела к обширному комплексу приемных залов, правительственных кабинетов, купален, казарм и плацев для проведения парадов.

К западу от Милиона шла широкая улица Меса, начало которой положил еще император Север. На ней Константин выстроил величественный форум овальной формы, весь выложенный мрамором. В его центральной части располагалась порфировая колонна высотой сто футов, привезенная из египетского Гелиополя. Колонна была установлена на двадцатифутовом цоколе. Внутри ее хранился ряд замечательных реликвий, в том числе топорик, при помощи которого Ной построил ковчег, корзины с остатками хлебов, которыми Христос накормил множество людей, кувшин с благовониями Марии Магдалины и скульптура Афины, привезенная Энеем из Трои. На вершине колонны стояла статуя с телом Аполлона работы Фидия и головой императора Константина, увенчанной металлическим нимбом, как бы испускавшим солнечные лучи. Правая рука статуи держала скипетр, тогда как в левой находилась сфера, в которую был помещен фрагмент Креста Господня. Эклектичное сочетание христианских и языческих элементов здесь было подчинено новой высшей сущности – императору Константину⁹.

⁵ *Pars orientalis* – Восточный край (лат.).

⁶ Мир (греч.). В русских текстах утвердилось именование упомянутого храма как церкви Св. Ирины. Этимология имени Ирина как раз восходит к греческому слову «эйрене». Далее в тексте этот храм будет именоваться как церковь Св. Ирины.

⁷ Спина – низкая стена в центре бегового поля ипподрома; была декорирована памятниками и скульптурами.

⁸ Считается, что головы трех сплетшихся бронзовых змей были отрублены пьяным представителем польского посольства в Блистательной Порте в 1700 г. – Примеч. авт.

⁹ Колонна Константина существует до сих пор, но после того как в 1106 г. статуя императора была свалена штормовым ветром, представляет собой жалкое зрелище. – Примеч. авт.

Вокруг дворца, церкви Св. Ирины и ипподрома денно и нощно велись работы, в которых задействованы десятки тысяч чернорабочих и ремесленников. В результате массового разграбления многих городов Европы и Азии, в ходе которого они оказались лишены красивейших статуй и других произведений искусства, Константинополь уже начал обретать облик утонченного и благородного города. По замыслу Константина, он был освящен в ходе специальной церемонии, ставшей наивысшей точкой в праздновании серебряного юбилея правления императора. Константин присутствовал на торжественной литургии в церкви Св. Ирины, языческое же население молилось за его благополучие в тех храмах, которые он дозволил им посещать. Именно с этой литургии, на которой было формально закреплено посвящение города Святой Деве, начинается настоящая история Константинополя, а с ним и всей Византийской империи. Это было в понедельник 11 мая 330 г. Еще пять лет назад Византий являлся маленьким греческим городком; теперь же, возрожденный и переименованный, он стал «Новым Римом» – его официальное именование гордо высечено на специальном каменном столпе.

В старом Риме люди, конечно же, сохраняли все свои прежние привилегии. Торговля продолжала там идти так же, как и раньше, – порт в Остии функционировал в режиме полной загрузки. Но несколько старых сенаторских семейств Рима уже начали перемещаться в сторону Босфора, соблазненные перспективой обретения великолепных дворцов в Константинополе и обширных владений во Фракии, Вифинии и Понте; к их услугам в новой столице появилось более крупное и намного более роскошное здание сената.

Между тем продолжалось методичное разграбление всех городов империи – изымались произведения искусства, которые должны были пойти на украшение новой быстрорастущей столицы. Предпочтение отдавалось храмовым статуям древних богов, поскольку, перенося их из традиционных мест поклонения в публичные, неосвященные, причем в целях более эстетических, нежели религиозных, Константин наносил внушительный удар по старой языческой вере.

В 327 г. императрица Елена в возрасте семидесяти двух лет отправилась в Святую землю, где епископ Иерусалимский Макарий провел ее по основным местам поклонения. Там, согласно преданию, она обнаружила Честной Крест Господень. Дабы удостовериться, что это не один из крестов, на которых были распяты два разбойника, Елена возложила его на умирающую женщину и та чудесным образом исцелилась. Вскоре после того как реликвия прибыла в новую столицу, Константин послал фрагмент священного Креста в Рим, дабы он был помещен во дворец, в котором императрица Елена всегда останавливалась во время своих приездов в город, – теперь же император распорядился превратить сей дворец в церковь. До сих пор известная под названием Санта-Кроче ин Джерузалементе, эта церковь с тех времен остается неразрывно связана с образом святой Елены.

Между тем в церкви Гроба Господня в Иерусалиме скале, окружающей гробницу, была придана такая форма, что образовался большой внутренний двор. С восточной стороны здесь была пристроена новая базилика Константина. Ее внешние стены состояли из тонко полированного камня, внутренняя часть здания облицована многоцветным мрамором. Здание венчала позолоченная и кессонированная кровля. До нашего времени сохранилось весьма незначительное число величественных сооружений такого типа. Пожары и землетрясения нанесли им тяжелый урон, остальное довершило время протяженностью в шестнадцать с половиной веков. Однако существует весьма заметное число подобных строений, чье появление на свет так или иначе обязано этому императору и его матери, поскольку путешествие Елены к святым местам захватило воображение всего христианского мира. Нам неизвестны ни продолжительность ее пребывания в Леванте, ни обстоятельства смерти. Возможно, она, став первым засвидетельствованным в истории христианским паломником, и умерла в Святой земле.

И все же, проводя триумфальные церемонии, которыми открывал новую столицу – и новую эру для Римской империи, – Константин не мог не осознавать, что в одном жизненно важном деле он потерпел неудачу. Несмотря на все то, что им было сделано для единения христианской церкви, она по-прежнему оставалась расколотой, и большая часть вины за это лежала на самих христианских иерархах. Многие из них собственной жизнью доказали, что за веру готовы пойти в ссылку или даже на муки. Однако своими вечными спорами и перебранками, фанатизмом и нетерпимостью христианские лидеры подавали весьма плохой пример для подражания пастве. Приходится констатировать, что бесчисленные поколения их преемников в этом смысле мало чему научились.

В 328 г. умер архиепископ Александр, и в Александрии на смену ему пришел его бывший секретарь, дьякон Афанасий. Оба они присутствовали на Никейском соборе, где Афанасий выказал себя даже более способным и находчивым, чем учитель. В последующие годы Афанасию суждено было стать ведущим клириком своего времени, одной из вершинных фигур во всей истории христианской церкви – его возвели в святые. (Его на протяжении длительного времени ошибочно считали автором «Афанасьева Символа веры»¹⁰, который до сих пор так и называется.)

У Ария и его приверженцев не было более опасного противника. Однако на какое-то время их звезда вновь взошла. Арий никогда не терял поддержки императорской семьи – особенно со стороны матери императора и его сводной сестры Констанции; азиатские епископы в подавляющем большинстве также имели проарианские симпатии. Уже в 327 г. они убедили Константина отозвать Ария из ссылки и устроить ему аудиенцию. Император, на которого произвели впечатление как интеллектуальный блеск и очевидная искренность этого человека, так и уверения в том, что Арий принял все положения Никейского собора, собственноручно написал письмо архиепископу Александру, требуя, чтобы Арию было разрешено вернуться в Египет. Константин, по-видимому, неподдельно удивился, когда архиепископ не выказал готовности исполнить это предписание.

Постепенно император стал склоняться к выводу, что Афанасий в большей степени, чем Арий, представлял собой главное препятствие на пути к церковному единству. В 335 г. Константин решил отметить тридцатилетие своего правления освящением заново отстроенной церкви Гроба Господня в Иерусалиме. Здесь он также предложил устроить широкое собрание, на котором будут присутствовать епископы со всей империи. Константин рассчитывал на то, что в их среде возобладает гармония по ключевым доктринальным вопросам. Император также дал указание епископам, чтобы на своем пути в Иерусалим они провели собор в Тире, с тем чтобы, как он обезоруживающе сформулировал, «очистить церковь от богохульства и облегчить мои заботы». В июле собор был созван, и тут выяснилось, что на нем присутствовали почти исключительно арианские епископы. Таким образом, он стал не столько собранием выдающихся клириков, сколько судом над Афанасием. Вспомнили все старые обвинения против него, выдвинули и новые; вызвали множество свидетелей, и каждый готов был поклясться, что опальный архиепископ совершил все возможные преступления, обозначенные в церковном кодексе. И тогда Афанасий, полагая – возможно, с полным основанием, – что его жизнь в опасности, бежал в Константинополь. В отсутствие он был низложен, после чего собор закончил работу и епископы продолжили путешествие в Иерусалим. Прибыв в столицу, Афанасий отправился прямо во дворец, но ему было отказано в аудиенции. Напротив, разъяренный Константин отослал его в Августу Тревир, современный Трир.

¹⁰ «Афанасьев Символ веры» – один из трех «вселенских Символов веры» наряду с Никео-Константинопольским и Апостольским принятыми в Римско-католической церкви.

Затем император вернулся к идее восстановить положение Ария в Александрии. Однако здесь он потерпел неудачу. Каждая попытка Ария вернуться приводила к массовому недовольству в городе, а во главе этого всеобщего протеста встал сам великий святой Антоний, которому на тот момент было восемьдесят шесть лет, – он оставил свое пустынножительство, с тем чтобы бороться за дело православия.

Наконец Константина убедили вызвать Ария в Константинополь для дальнейшего расследования его вероисповедания. И во время этого расследования, как позднее писал Афанасий своей египетской пастве, «Арий, ощущая прилив бодрости в результате поддержки его со стороны своих последователей, вступил в какой-то беззаботный и бездумный разговор, когда неожиданно он почувствовал, что ему надо выйти по нужде; и там он вдруг упал головой вперед, разбившись прямо в том месте, и сразу испустил дух».

Эта история, конечно, может вызвать сомнение, поскольку изложена главным врагом Ария, но существуют и иные свидетельства непривлекательных обстоятельств его кончины. Естественно, что все, кто ненавидел Ария, заговорили о божественном возмездии. Тем не менее все это не положило конец ни религиозной полемике, ни ссылке Афанасия, которая продолжалась до самой смерти Константина в 337 г. Мечте императора о духовной гармонии во всем христианском мире не суждено было сбыться на протяжении его жизни, и надо сказать, что его мечта не осуществилась и по сей день.

Нам не так много известно о проведении tricennalia¹¹ в Иерусалиме; в Константинополе же в отличие от празднеств, которыми было отмечено освящение города, празднование было уже исключительно христианским. (В период с 331 по 334 г. Константин закрыл все языческие храмы в империи.) В ходе этих торжеств император объявил о выдвижении двух своих племянников на ключевые посты в государстве. Старшего, Делмация, провозгласили цезарем. Младший, Ганнибалиан, был обручен со своей двоюродной сестрой, императорской дочерью Константиной, и вместе с невестой послан править в Понт, дикий гористый край с дождливым климатом на южном побережье Черного моря.

Титулы цезарей ранее уже получили три сына Константина от Фаусты, причем самый младший, Констант, удостоился этой чести в десятилетнем возрасте. Император намеренно увеличивал число цезарей, чтобы принизить престижность их статуса и положения, – убежденный в своем божественном предопределении, он не хотел всерьез делиться властью. Но такая политика привела к тому, что ему пришлось взвалить на свои плечи гигантский объем работы. Первые месяцы 337 г. Константин провел в Малой Азии, мобилизуя армию для отражения весьма вероятной агрессии со стороны молодого персидского правителя Шапура. При этом он продемонстрировал исключительную энергию, выносливость и стойкость, поразившую даже бывалых воинов. Незадолго до Пасхи император вернулся в Константинополь – там предстояло завершить последние отделочные работы на строительстве церкви Св. Апостолов.

Возможно, Константин уже подозревал, что болен, поскольку по приезде отдал распоряжение устроить для него усыпальницу в этой церкви, но лишь после Пасхи его здоровье начало серьезно сдавать. Он пытался исцелиться, посещая бани в Геленополе, городе, который Константин заново отстроил в честь своей матери. В этом же городе, по словам Евсевия, «преклонив колени в церкви, он в первый раз получил молитвенное возложение рук на него», то есть стал новообращенным. Потом император отправился в столицу, но, достигнув окрестностей Никомедии, обнаружил, что далее двигаться уже не может. Не мог он также и откладывать важный шаг, который давно задумал.

¹¹ Tricennalia – зд.: празднование тридцатилетия правления (лат.).

И вот наконец Константин Великий, на протяжении нескольких лет самочинно именовавший себя епископом христианской церкви, был крещен епископом Никомедийским Евсевием. И когда это было сделано, он, как описывает его Евсевий, «облачился в императорские одежды, белые и сияющие словно свет, и возлег на ложе чистойшей белизны, отказавшись вовсе снова облачаться в пурпур».

Напрашивается вопрос: почему Константин откладывал свое крещение до тех пор, пока не оказался на смертном одре? Самый очевидный – и наиболее вероятный – ответ дал Гиббон:

«Предполагалось, что таинство крещения содержало в себе полное и абсолютное искупление греха; душа немедленным образом восстанавливалась до состояния своей изначальной чистоты, и ей давалось обетование спасения за пределами этого внешнего мира. Среди прозелитов христианства было много таких, которые считали неразумным ускорять совершение этого целительного ритуала, который не мог быть повторен, истратить на скорую руку эту неоценимую привилегию, к которой никогда уже нельзя было вернуться вновь».

Константин, чье правление продолжалось тридцать один год, умер в 337 г. Это случилось 22 мая, на Троицу. Его тело поместили в золотой гроб, задрапированный пурпурной тканью, и перевезли в Константинополь, где оно было выставлено для прощания на высоком помосте в главном зале дворца. Там оно оставалось примерно три с половиной месяца (в ожидании того дня, когда кто-то из молодых цезарей займет вакантный трон), на протяжении которых продолжался дворцовый церемониал в честь и во имя Константина, как если бы его смерть и не наступала.

Что касается престолонаследника, то армия была первой, кто дал знать о своих предпочтениях. Хотя титул августа и продолжал оставаться выборным – по крайней мере теоретически, – солдаты объявляли, что они не примут никого, кроме сыновей Константина, которые должны править совместно. После смерти Криспа осталось трое сыновей, рожденных от Фаусты: цезарь в Галлии Константин, цезарь на Востоке Констанций и цезарь в Италии Констант¹². Естественно, что наибольшую расторопность проявил Констанций, ближе всех находившийся к месту основных событий. Этот двадцатилетний молодой человек первым прибыл в столицу после смерти своего отца и стал распорядителем на его похоронах.

То было воистину необычайное действо. Впереди похоронной процессии шел Констанций, за ним двигались отряды солдат в полном боевом облачении; затем появилось само тело в золотом гробу в окружении роты копьеносцев и тяжеловооруженной пехоты. Дойдя до Большого дворца, процессия обогнула северо-восточный конец ипподрома и направилась к Милиону, а оттуда вдоль улицы Месы – к недавно построенной церкви Св. Апостолов.

«Он фактически сам выбрал это место, – сообщает Евсевий. – Он рассчитывал на то, что после своей смерти его тело разделит почести с самими апостолами. Соответствующим образом он распорядился, чтобы в этой церкви были поставлены двенадцать саркофагов – точно священные столпы – в честь и в память двенадцати апостолов, в центре же должен был быть поставлен его собственный, так что с каждой стороны от него находилось бы по шесть саркофагов апостолов».

На протяжении последних лет жизни Константин называл себя Изапостолом (Равным апостолам); теперь же, после смерти, он как бы воплотил этот титул в материальную конструкцию. Впрочем, такая диспозиция – по каждую сторону от его гробницы находилось

¹² Огорчительная нехватка воображения, продемонстрированная Константином при выборе имен своим сыновьям, вызывала значительное замешательство среди историков, не говоря уже о читателях их сочинений. Последним может послужить утешением тот факт, что подобная ситуация в дальнейшем в среде исторических персонажей не повторялась. – Примеч. авт.

по шесть саркофагов апостолов – заставляет предположить, что он видел себя еще большей фигурой, чем они: возможно, даже заместителем Бога на земле.

Но ему не пришлось занимать это место упокоения долгое время. В своей столице, как и в ряде других городов империи, он всегда старался построить слишком много при очень высоком темпе работ. Из-за этого на стройках постоянно не хватало квалифицированных специалистов и возникла опасная тенденция к экономии стройматериалов. Уже через четверть века по завершении строительства здание церкви Св. Апостолов начало давать поводы для беспокойства. А когда нависла опасность обрушения большого золотого купола, патриарх Македоний отдал распоряжение, чтобы тело императора было перенесено в целях безопасности в близлежащую церковь Св. Акакия Мученика. Здание, однако, вопреки опасениям патриарха не рухнуло и продержалось на протяжении двух столетий, пока в 550 г. не было полностью перестроено императором Юстинианом. А вот от тех двенадцати апостольских саркофагов и гробницы великого императора не осталось и следа.

2

Юлиан Отступник (337–363)

Молодой цезарь Констанций вел себя в Константинополе вполне пристойно, но только до того момента как императора Константина положили в огромную апостольскую гробницу, а сам Констанций и два его брата были провозглашены августи. Тут он разошелся вовсю. Был запущен слух, будто после смерти Константина в его зажатой ладони обнаружился исписанный клочок пергамента, где император обвинял двух своих сводных братьев, Юлия Констанция и Делмация, что те, мол, отравили его и сыновьям следует за него отомстить.

Вся эта история кажется попросту смехотворной, однако последствия ее стали ужасающими. Юлий Констанций был безжалостно убит вместе со своим старшим сыном. То же самое произошло с Делмацием и обоими его сыновьями, цезарями Делмацием и Ганнибалианом, царем Понтийским. Вскоре после этого подобная же участь постигла обоих зятьев Константина.

В начале лета 338 г. три правящих августа собрались вместе, с тем чтобы поделить свое огромное наследство. Констанцию отошел Восток, включая Малую Азию и Египет. Его старшему брату Константину II достались Галлия, Британия и Испания, а самому младшему брату, Константу, хотя ему было лишь пятнадцать лет, отошла самая большая часть территории: Африка, Италия, дунайские провинции, Македония и Фракия. Констант получил власть и над столицей, но в 339 г. уступил город своему брату Констанцию в обмен на его поддержку в борьбе против Константина II.

Скорее всего три августа рано или поздно должны были между собой поссориться. Инициативу здесь проявил Константин. Он, будучи старшим среди братьев, не считал их равней себе и попытался утвердить свое верховенство. В 340 г. Константин, собрав войско, вторгся во владения Константа, в Италию, со стороны Галлии, но младший брат оказался хитрее и устроил со своими солдатами засаду в окрестностях Аквилеи. Константин был разгромлен и убит, тело его сбросили в реку Альзу. С того времени осталось только два августа, а Констант, которому исполнилось лишь семнадцать лет, сосредоточил в своих руках верховную власть на Западе.

К сожалению, характер Константа был не лучше, чем у его покойного брата; Секст Аврелий Виктор, римский наместник в Паннонии, описал его как «правителя несказанной развращенности». Констант фактически перестал проявлять заботу в отношении игравших исключительно важную стратегическую роль легионов, стоявших в долине Рейна и в верховье Дуная, отдав предпочтение забавам со своими белокуроыми германскими пленниками. В результате к 350 г. армия находилась на грани мятежа. И вот во время пиршества, которое давал один из главных министров Константа, некий языческий офицер по имени Магненций неожиданно надел императорскую порфиру и провозгласил себя императором: его товарищи поддержали узурпатора. Услышав эти новости, Констант пустился в бегство, но был быстро схвачен и казнен. Против Магненция немедленно выступил Констанций с большой армией. В сентябре 351 г. узурпатор был наголову разгромлен, а два года спустя покончил с собой, бросившись на свой меч.

Констанций утвердился в качестве единственного правителя Римской империи. Однако быстро выяснилось, что он не в состоянии единолично управлять такой огромной территорией. Все большее беспокойство доставляли германские конфедерации за Рейном. В рядах его собственной армии один за другим возникали заговоры. На Востоке продолжалась Персидская война. К осени 355 г. он окончательно осознал, что ему необходим помощник, то есть цезарь. Поскольку таковой мог быть выбран только из числа самых близких чле-

нов императорской семьи, на тот момент вырисовывалась лишь одна реальная кандидатура. Философ и ученый, он не имел ни военного, ни даже административного опыта, но это был умный, серьезный и трудолюбивый человек, и его верность императору никогда не ставилась под вопрос. Речь идет о двадцатитрехлетнем кузене августа, Флавии Клавдии Юлиане, более известном последующим поколениям как Юлиан Отступник.

Отец Юлиана, Юлий Констанций, был младшим из двух сыновей, которых родила императору Констанцию Хлору его вторая жена Феодора, – эта ветвь императорской семьи оказалась отодвинутой на задворки после возвышения Константином I предшественницы Феодоры Елены до высочайшего ранга августы. Значительную часть жизни Юлий Констанций провел в изгнании, но вскоре после смерти Елены Константин позвал его назад в Константинополь вместе со второй женой и детьми; там в 332 г. и родился его третий сын Юлиан. Мать ребенка умерла несколько недель спустя, и маленький мальчик вместе с двумя сводными братьями, значительно превосходившими его по возрасту, и сводной сестрой воспитывался сменяющимися друг друга няньками и опекунами. Когда ему исполнилось всего лишь пять лет, был убит его отец, став жертвой той семейной кровавой бани, что устроил Констанций. Стал ли Юлиан свидетелем убийства – неизвестно, но он постепенно начал понимать, кто несет ответственность за это преступление, и его первоначальное уважение к двоюродному брату сменилось на неугасающую ненависть.

Для Констанция же молодой Юлиан представлял собой не более чем незначительный источник раздражения. Сначала император отослал его к Евсевию в Никомедию, а потом, когда Юлиану исполнилось одиннадцать лет, в далекую Каппадокию; компанией при этом мальчику служили одни только книги. В 349 г., будучи уже очень хорошо подкован как в классической, так и в христианской литературе, он получил разрешение серьезно заняться науками. Следующие шесть лет были счастливейшими в его жизни – Юлиан провел их путешествуя по всему греческому миру, переходя от одной философской школы к другой, слушая величайших мыслителей, ученых и риториков своего времени. Из числа непосредственных учителей Юлиана более всего привлекал Либаний, который отвергал христианство и оставался гордым язычником, открыто исповедовавшим свою веру. Вскоре и Юлиан стал отдавать предпочтение богам античности, хотя пройдет еще десять лет, прежде чем он открыто признается в своем вероисповедании.

Соученик Юлиана в Афинах Григорий Назианзин так вспоминал его:

«Не было вообще никаких признаков сильного характера в этой странно изогнутой шее, в этих ссутуленных, подрагивающих плечах, этих диких глазах, мечущих быстрые взгляды, этой шатающейся походке, этой надменной манере шумно выдыхать через рельефный нос, этих смешных выражениях лица, этом нервном, неконтролируемом смехе, этой вечно кивающей голове и этой запинаящейся речи».

Будучи одним из ведущих христианских теологов империи, Назианзин, по всеобщему признанию, судил о Юлиане предвзято. Однако портрет, который он рисует, по крайней мере отчасти, подтверждается другими описаниями, дошедшими до нас. Юлиан не был красавцем. Он имел плотную и приземистую фигуру. Ясные темные глаза у него удачно сочетались с прямыми бровями, но все лицо портили огромный рот и свисающая нижняя губа.

Совершенно лишенный властных амбиций, Юлиан не просил ни о чем большем, кроме как о том, чтобы ему было позволено оставаться в Афинах с его учителями и его книгами, но он не мог послушаться повеления императора и прибыл в Милан. После мучительного ожидания, длившегося несколько дней, Юлиан был должным образом принят Констанцием, который ему сообщил, что отныне он цезарь. Молодого человека подстригли, побрили, а его нескладное тело втиснули в военную форму. 6 ноября Юлиана представили войску, которое шумно приветствовало его.

Юлиан всему учился быстро. И в большей степени ему, чем его осторожным полководцам, принадлежит заслуга в проведении ураганной военной кампании летом 356 г. Армия Юлиана прошла от Вены до Кёльна, который он вернул империи. На следующий год вблизи Страсбурга 13 000 его легионеров сокрушили франкскую армию численностью более чем 30 000 человек. В результате враг оставил на поле боя около 6000 человек убитыми, Юлиан же потерял только 247 солдат. Последовало еще несколько побед, и к концу десятилетия власть империи на Западе была полностью восстановлена.

А вот на Востоке, где непосредственно правил Констанций, ситуация была куда менее благополучная. В 359 г. император получил письмо от персидского шаха:

«Шапур, Шахиншах, брат Солнца и Луны, посылает приветствие...

Правители вашего государства были свидетелями того, что вся территория, прилегающая к реке Стримон и заключенная в границах Македонии, некогда принадлежала моим предкам; но, поскольку мою душу тешит умеренность, я удовольствуюсь получением Месопотамии и Армении, которые были обманным путем отторгнуты от владений моего деда. Я предупреждаю вас, что, если мой посол вернется с пустыми руками, я выступлю против вас со всей своей армией, как только закончится зима».

Констанций, осознавая, что ныне он столкнулся с самым значительным вызовом за все время своего правления, в январе 360 г. направил посла в Париж, требуя огромных военных подкреплений. Но Юлиан ранее обещал своим галльским отрядам, что они никогда не будут посланы на Восток, поскольку его воины не без оснований опасались, что если они отправятся туда, то уже никогда не увидят своих семей. И тогда их ближайшие родственники не только окажутся в нужде, но и превратятся в легкую добычу для беспощадных варваров, которые, конечно же, вновь наводнят западные территории империи, оставшиеся без надлежащей защиты.

Мы никогда уже не узнаем, что происходило в парижской штаб-квартире Юлиана в те роковые дни. Согласно его собственному рассказу, он, несмотря ни на что, был настроен повиноваться указу императора, но легионеры имели на этот счет совсем другое мнение. Вскоре он увидел, что ему придется столкнуться с открытым мятежом. Но даже тогда, утверждал Юлиан, призывая в свидетели всех своих античных богов, он не имел представления, что творится в умах его солдат. Готовились они провозгласить Юлиана августом или же собирались разорвать на куски? И вот его секретарь, дрожа от страха, пришел доложить, что армия направляется к дворцу. «Всматриваясь в окно, – писал Юлиан, – я начал молиться Зевсу. И когда массовое буйство захлестнуло уже сам дворец, я обратился к нему с мольбой дать мне знак; и он дал мне его, повелев уступить воле армии. И даже тогда я сопротивлялся столь долго, сколько мог, отказываясь принять предлагавшийся венец. Но поскольку я один не мог контролировать столь многое и поскольку боги истощили мою решимость, где-то на третьем часу случилось так, что какой-то солдат дал мне диадему и я надел ее на голову».

Но действительно ли так упорно Юлиан противился воле своих солдат? За те четыре с половиной года, что он провел в Галлии, возросли его мужество, уверенность в своих силах и, очень вероятно, амбиции. К этому времени Юлиан, по-видимому, также пришел к убеждению, что он божественной волей предназначен восстановить старую религию в империи. Тем более что он получил – или думал, что получил, – знак от Зевса. Поэтому вряд ли он противился принятию диадемы. Правда, выясняется, что никакой диадемы и не существовало. Аммиан Марцеллин, один из охранников императора и наверняка свидетель этих бурных событий, пишет, что солдаты сначала предложили короновать Юлиана ожерельем его жены, а потом налобной повязкой лошади, но в обоих случаях цезарь ответил отказом. Наконец один солдат снял большую золотую цепочку со своей шеи и водрузил ее на голову Юлиана. Инаугурация состоялась. Пути назад быть не могло.

Юлиан счел необходимым известить кузена о том, что произошло, и предложить ему некое компромиссное соглашение. Посланники Юлиана обнаружили Констанция в Каппадокии. Тот, получив от них письмо мятежного цезаря, пришел в страшный гнев. Однако, будучи на тот момент связанным военными операциями на Востоке, все, что он мог сделать открыто, это послать Юлиану суровое предупреждение. Втайне же Констанций начал подстрекать варварские племена к возобновлению атак в долине Рейна. И лишь четыре года спустя, воспользовавшись передышкой в персидской кампании, он сумел подготовить наступательную операцию против двоюродного брата.

Юлиан никак не мог решить, что ему следует предпринять: встретить Констанция на полпути, в долине Дуная, где он мог присовокупить к своей армии расквартированные там войска, в лояльности которых он был не слишком уверен, или же ждать противника в Галлии, на собственной земле, с безусловно верными ему легионами. И снова, как нам о том сообщают хронисты, боги дали ему знак. Во исполнение их воли, Юлиан принес быка в жертву Беллоне, богине войны, собрал свою армию в Вене и выступил на Восток. Юлиан продвинулся только до Наисса (Ниша) на территории современной Сербии, когда из столицы пришло неожиданное сообщение: Констанций умер, а Юлиан уже признан императором всеми армиями на Востоке. Выяснилось, что Констанция в Тарсе свалила лихорадка и 3 ноября 361 г., в возрасте сорока четырех лет, его не стало.

Юлиан поторопился отправиться в Константинополь. Когда тело его предшественника доставили в столицу, он облачился в траурную одежду и распорядился объявить траур во всем городе. Стоя на пристани, новый император наблюдал за выгрузкой гроба. Потом он возглавил похоронную процессию, направившуюся к церкви Св. Апостолов, и, не стыдясь, плакал во время погребения убийцы своего отца. Только после того как похоронная церемония завершилась, он принял символы имперской власти и более никогда в жизни не посещал христианских церквей.

По восшествии Юлиана на престол был создан военный трибунал для суда над некоторыми верховными министрами и советниками Констанция, заподозренными в злоупотреблении своими властными полномочиями. Нескольких человек приговорили к смерти, причем двоих погребли заживо. По самому дворцу тоже прошла новая метла – тысячи человек были уволены без всякой компенсации. От всего дворцового персонала остался лишь базовый костяк, призванный обеспечивать личные нужды императора – потребности одинокого человека (его жена Елена к тому времени умерла), аскетичного и ведущего умеренную жизнь, для которого еда и питье представляли весьма малый интерес, а радости человеческого общения и вовсе никакого. Радикальные преобразования были также осуществлены в аппарате правительства, причем с ориентацией на старые республиканские традиции.

Но подобного рода мероприятия мог осуществить в принципе любой новый император. Что отличает Юлиана как правителя, так это его исключительная преданность язычеству. Когда Юлиан был цезарем, ему приходилось внешне выказывать приверженность христианской вере, но как только услышал о смерти Констанция, более уже не притворялся. Став августом, Юлиан взялся за составление законов, которые, по его мнению, должны были искоренить христианство и восстановить почитание древних богов во всей Римской империи. Он не считал нужным прибегать к репрессиям – мученики всегда только укрепляли христианскую церковь. Прежде всего он полагал аннулировать указы, в соответствии с которыми были закрыты языческие храмы, потом объявить амнистию для всех тех ортодоксальных клириков, которых проарианское правительство Констанция отправило в ссылку. В результате, считал Юлиан, ортодоксы и ариане снова вцепятся друг другу в глотки. По замечанию историка Аммиана, «он опытным путем установил, что никакие дикие звери не бывают столь враждебны по отношению к человеку, как христианские секты в отношении

друг друга. В конце концов, был уверен новый император, христиане убедятся в ошибочности своего пути – это лишь вопрос времени».

Юлиан являл собой уникальное в своем роде сочетание: римский император и одновременно греческий философ и мистик. Как император он знал, что его империя больна. Армия морально разлагается и все менее способна поддерживать мир и спокойствие вдоль границ государства. Правительство изъедено коррупцией. Такие старые римские добродетели, как мужество, честь и чувство долга, теперь мало кем ценятся. Непосредственные предшественники Юлиана были сибаритами и сластолюбцами, еще способными повести войска в бой, но гораздо более того предпочитавшими покойно нежиться в своих дворцах в окружении женщин и евнухов. Конечно, все это являлось результатом нравственного упадка в обществе. Как философ, Юлиан попытался обнаружить причину этого упадка и пришел к заключению, что виновник здесь один – христианство. Оно третировало моральные ценности старого Рима, его суровую простоту и благородную мужественность, пропагандируя при этом слюнявую мягкотелость вроде подставления под удар другой щеки. Христианство лишило империю силы и стойкости, на место которых пришли изнеженность и беспомощность, причем это произошло во всех социальных слоях.

И все же Юлиан подходил к религии более с эмоциональной, нежели с рассудочной стороны. Ему никогда не приходило в голову, что все проблемы империи вполне могли возникнуть и при старой вере. Летом 362 г. император перебрался в Антиохию, готовясь в следующем году предпринять экспедицию в Персию. Когда он проходил через районы Малой Азии, то обратил внимание, что, несмотря на его антихристианскую политику, нет никаких признаков, что христианские общины рвут друг друга в клочья, а язычники, в свою очередь, явно не стали сильнее и сплоченнее, нежели во времена Константина Великого. Пытаясь активизировать культ античных богов, император перемещался из храма в храм, лично участвуя в ритуальных жертвоприношениях, но добился лишь того, что подданные прозвали его «мясником».

Не сумев поднять статус языческой религии, Юлиан решил усилить ее влияние иным путем: увеличить давление на ее конкурентов – христиан, и 17 июня 362 г. издал указ, в соответствии с которым ни одному учителю отныне не дозволялось преподавать, не заручившись одобрением местного городского совета и – через него – самого императора. В циркуляре Юлиан объяснял, что христианин, занимающийся преподаванием античной литературы – а она в те годы составляла основу всего школьного курса обучения, – не может считаться нравственным человеком, поскольку учит тому, во что сам не верит. Таким образом, учитель-христианин должен был менять либо профессию, либо веру. В ответ на это начали проводиться христианские демонстрации, а 26 октября был сожжен дотла храм Аполлона в Дафне. Юлиан в отместку закрыл великий антиохийский храм, конфисковав всю его золотую утварь. Напряжение начало быстро нарастать. По ходу его эскалации не один пылкий молодой христианин обрел мученический конец. Воистину благословенным днем для христиан стало 5 марта 363 г., когда Юлиан во главе 90 000 воинов отправился на Восток, с тем чтобы уже не вернуться оттуда живым.

Что касается войны с Персией, то здесь не происходило ничего принципиально нового. Две обширные империи сражались друг с другом за приграничные территории на протяжении двух с половиной столетий. Шапуру II исполнилось к тому моменту пятьдесят четыре года, и он занимал персидский трон как раз в течение всего этого времени. Формально даже несколько дольше, поскольку он, возможно, является единственным монархом на протяжении всей мировой истории, который был коронован *in utero*¹³. У Гиббона мы находим следующее описание:

¹³ *In utero* – во чреве (лат.).

«Царская кровать, на которой лежала беременная царица, была выставлена в центральной части дворца; диадема располагалась на том месте, под которым должен был находиться будущий наследник, а простертые ниц сатрапы славил величие их пока еще невидимого и неосязаемого суверена».

Последние серьезные военные события происходили в 359 г., когда Шапур захватил ключевую крепость Амиду – ныне это турецкий город Диярбакыр, – которая позволяла контролировать и территорию в верховье Тигра, и подступы к Малой Азии со стороны Востока. Теперь, чтобы совершенно не упустить контроль над ситуацией, римлянам требовалось предпринять крупное контрнаступление, и Юлиан, искренне полагая, что он является реинкарнацией самого Александра Великого, жаждал увенчать себя такой же славой. В Берое, современном Алеппо, император заколол белого быка в акрополе – в подношение Зевсу. Далее на всем пути следовали такие же жертвоприношения в основных языческих святилищах, пока после нескольких малообременительных осад и стычек Юлиан не оказался на западном берегу реки Тигр, воззвись на стены Ктесифона, персидской столицы. На противоположном берегу находилась персидская армия, уже построенная в боевой порядок. Римские военачальники, к большому своему неудовольствию, обнаружили, что в ее рядах, помимо обычной кавалерии, было некоторое количество слонов, представлявших собой мощное оружие не только потому, что римские солдаты не имели опыта борьбы с ними, но и из-за их запаха, который приводил лошадей римлян в паническое состояние. Тем не менее Юлиан отдал приказ переправляться через реку, и завязалась битва. Она закончилась – к удивлению многих по обе стороны линии фронта – сокрушительной победой римских войск. Согласно Аммиану, который принимал участие в бою, было убито 2500 персов, римляне же потеряли только 70 человек.

Победное сражение состоялось 29 мая, но уже на следующий день император осознал, что радоваться особенно нечему. Ктесифон был практически неприступен, а основная армия Шапура, численностью намного большая той, что была разгромлена накануне, быстрыми темпами приближалась к месту противостояния. К тому же стояла убийственная жара, а мух, по словам Аммиана, было столько, что они закрывали солнечный свет. Ко всему прочему римскому войску не хватало продовольствия. Все это, естественно, отрицательно влияло на моральное состояние армии. Аммиан указывает, что Юлиан склонялся к тому, чтобы продвинуться в глубь вражеской территории, но его военачальники воспротивились этому намерению.

16 июня началось отступление. Десять дней спустя вблизи Самарры армия неожиданно подверглась ожесточенной атаке со стороны персов. Снова были использованы наводящие ужас слоны, снова полетели копья и засвистели стрелы. Не успев застегнуть ремень кирасы, Юлиан бросился в самую гущу сражения, и как раз в тот момент, когда персы уже начали отступать, стрела вонзилась ему в незащищенную часть тела – правый бок. Ее удалось извлечь из печени, но непоправимый вред был уже нанесен. Император умер около полуночи. Согласно легенде он набрал в ладонь крови, вытекавшей из его раны, и прошептал: «Ты победил, Галилеянин!»

Юлиану на момент смерти исполнился тридцать один год, он занимал императорский трон всего лишь девятнадцать с половиной месяцев. В качестве императора он проявил себя неудачником. Юлиан тратил уйму времени и энергии на совершенно безнадежное дело – попытки возродить к жизни смертельно больную, не имеющую исторических перспектив религию, – в ущерб той, которая будет служить духовной опорой империи на протяжении последующей тысячи лет. Он сделался крайне непопулярен в среде своих подданных – как христиан, так и язычников; и те и другие ненавидели его пуританство и назойливое проповедничество. К тому же он едва не уничтожил целую армию в ходе военной кампании, кото-

рая закончилась полной неудачей. Тем не менее именно фигура Юлиана более остальных восьмидесяти восьми императоров Византии привлекала внимание потомков.

Не многие монархи обладали его образованностью и умом, его энергией и усердием, его мужеством и неподкупностью, его лидерскими качествами и поразительной способностью восходить на высочайшие ступени духа в служении империи и прежде всего своим богам. К сожалению, он обладал и недостатками, которые не позволили ему добиться сколько-нибудь существенных достижений. Ему мешали религиозный фанатизм и нехватка проницательности; временами – удивительная нерешительность. Слишком часто в затруднительной ситуации он обращался к богам с просьбой подать ему путеводный знак, хотя, с его волей и интеллектом, Юлиан мог бы самостоятельно принимать любые решения. Возможно, проживи он дольше, то справился бы с этими недостатками и стал бы одним из величайших римских императоров. Но жизнь его оборвалась слишком рано. Юлиан умер именно так, как мог умереть только он, – храбро, но без особой на то нужды, не оставив после себя ничего, кроме памяти о выбравшем ошибочный путь молодом визионере, который попытался изменить мир. Но потерпел крушение.

3

Империя в трудном положении (363–395)

После смерти Юлиана римская армия оказалась без лидера. И на следующий день рано утром состоялось массовое собрание ее представителей для назначения его преемника. Относительно небольшая группа солдат добилась выдвижения Иовиана, тридцатидвухлетнего командира императорской гвардии. Этот грубовато-добродушный воин был весьма популярен в своем кругу. Он являлся христианином, но в повседневной жизни в числе его главных приоритетов были вино и женщины. Поскольку Иовиан не обладал никакими особыми дарованиями, его избрание императором трудно назвать удачным решением.

И вот при этом новом, совершенно лишенном харизмы лидере продолжилось унылое, изматывающее отступление вдоль Тигра, сопровождаемое постоянными атаками персов. В начале июля, после того как римской армии удалось осуществить-таки переправу через реку, несмотря на противодействие Шапура, тот предложил Иовиану мирный договор. Условия его были унижительны для римлян, но новый император почел за благо их принять. Заключенное в результате соглашение гарантировало тридцатилетний мир и возврат Персии пяти приграничных провинций и восемнадцати важных крепостей. К тому же римляне обязались не помогать Армении в случае нападения на нее персов, что было равносильно отказу от каких бы то ни было притязаний в отношении этой страны. Правление Иовиана началось катастрофически.

В Нисибисе тело Юлиана было набальзамировано, потом его отправили в Тарс для захоронения. Тем временем Иовиан издал указ о религиозной терпимости, восстановив в полном объеме права и привилегии для христиан во всей империи. В середине октября он предпринял поездку по Анатолии. В целом его везде принимали с энтузиазмом, но в Анкире имел место неприятный казус: по ходу торжественной встречи присутствовавший на ней сын Иовиана, младенец Варрониан, начал оглушительно выть, и самые суеверные сразу же увидели в этом дурной знак.

Похоже, они не ошиблись. Через несколько дней, 16 февраля 364 г., Иовиан был обнаружен в своей спальне мертвым. «Некоторые, – пишет Гиббон, – приписывали его смерть последствиям несварения... Другие считали, что он задохнулся во сне от паров древесного угля, причиной появления которых была нездоровая влажность свежештукатуренных стен комнаты». Как ни странно, никому не пришла в голову мысль, что это было коварное убийство.

Избрание Иовиана императором привело не только к восстановлению христианства в правах, но и ознаменовало конец династии, которая правила империей более полувека. Престол снова стал призом, в борьбе за который могли принять участие все желающие. Новым августом армия почти единодушно избрала Валентиниана, профессионального военного родом из Паннонии. Недостаточно образованный, зато чрезмерно вспыльчивый, он не казался достойным носителем порфиры. Зато в свои сорок два года Валентиниан все еще мог похвастаться великолепной физической формой и внушительным внешним видом, что импонировало простым воинам, отдавшим за него свои голоса. Будучи набожным христианином, он, однако, временами был способен проявлять несказанную жестокость.

Когда Валентиниана признали императором, от него потребовали тут же назначить соправителя, но он проявил твердость и ответил отказом. Только после того как его армия достигла Константинополя, император объявил вторым августом своего младшего брата Валента, многих этим обескуражив. Валент являлся арианином с почти гротескной внешностью – кривоногий, пузатый, косоглазый. Будучи на семь лет младше Валентиниана, он ничем не походил на брата – разве что жестокими поступками. Зато Валентиниан мог в

полной мере положиться на него в том плане, что он не станет источником разного рода интриг. Валенту выпало править империей на Востоке, тогда как Валентиниан обосновался на Западе, объявив своей столицей Милан.

В следующее десятилетие мы обнаруживаем обоих императоров в гуще борьбы: Валент преследует готские племена вдоль дунайской границы, а затем, в 371 г., выступает в поход – долгое время откладывавшийся – на Восток, где Шапур низвел Армению до статуса сателлита. Валентиниану же приходилось иметь дело с постоянными вторжениями варваров в Галлию – лишь в 373 г. он покинул эту область, когда там стало заметно спокойнее. Однако почти сразу же разразилась новая напасть: в придунайском районе обычно мирное племя квадов вторглось в пределы империи и начало опустошать приграничные территории. Потом квады направили к Валентиниану посольство, которое заявило, что настоящими агрессорами были сами римляне.

Валентиниан воспринял такое обвинение как оскорбление Риму. Гнев рос в нем; по мере того как он выслушивал послов, его лицо все больше наливалось кровью, и вдруг император упал, разбитый апоплексическим ударом. Он умер 17 ноября 375 г.

Валентиниан заботился о целостности империи так, как не многие императоры до него. Будучи христианином, он не выказывал неприязни к тем, кто не разделял его собственную никейскую веру. Как правитель, он пытался быть справедливым, и хотя его наказания были весьма суровы, они по крайней мере назначались лишь тем, кто действительно совершил преступление. И все же из-за своей жестокости Валентиниан не снискал большой любви у подданных империи и при известии о его кончине слез никто не проливал.

Еще в 367 г. Валентиниан убеждал войска признать его семилетнего сына Грациана августом. Однако, когда император лежал на смертном ложе, зная, что Грациан далеко – в Трире, а Валент еще дальше – в Антиохии, он послал за своим сыном от второго брака, которого также звали Валентинианом и которому было только четыре года, и провозгласил его августом вместе опять-таки с Грацианом. Таким образом, империя стала иметь трех правителей: уродливого садиста средних лет, наивного и очаровательного юношу шестнадцати лет и ребенка, едва покинувшего колыбель. От них троих зависело будущее империи в один из критических моментов ее истории – уже через год ей пришлось столкнуться с самыми грозными захватчиками, которых она когда-либо встречала. Гунны являлись настоящими дикарями – это была огромная, плохо дисциплинированная варварская орда монгольского происхождения. Эта орда хлынула из центральноазиатских степей, уничтожая все на своем пути. Остготы пытались ей сопротивляться, но напрасно, и уже многие из готов просили разрешения у Валента обосноваться в империи, на фракийской равнине.

В 376 г. их просьбы были удовлетворены, и Валент дал указания своим представителям на местах обеспечить их пищей и кровом. Увы, его распоряжения оказались проигнорированы, а Лупицин, фракийский князь, своими бесчеловечными действиями поставил переселенцев на грань голодного существования. Фракийские готы, придя в отчаяние, начали боевые действия против римлян; к восставшим присоединились остготы и даже гунны – и таким образом началась полномасштабная война.

Ситуация весной 378 г. становилась все более угрожающей, и Валент во главе войска направился на Балканы. 9 августа 378 г. римляне потерпели разгромное поражение, император был убит стрелой, и вместе с ним погибло две трети римской армии.

Исход войны теперь зависел от Грациана, которому исполнилось только девятнадцать лет. Не имея пока возможности покинуть Запад, он обратился к сыну одного из главных военачальников своего отца и тоже известному полководцу Феодосию, дабы тот усмирил повстанцев. Феодосий в последующие несколько месяцев проявил себя настолько эффективным руководителем, что в январе 379 г. Грациан назначил его соправителем. Расположив штаб-квартиру в Фессалониках, Феодосий сумел наладить доверительную атмосферу

в отношениях с готскими племенами, и к лету 380 г. благодаря его спокойной, взвешенной политике они получили наконец возможность обосноваться на своей новой территории. Во Фракии вновь воцарился мир, а 24 ноября Феодосий триумфально вступил в Константинополь. «Теперь, когда раны, полученные во время борьбы, залечены, – заявил придворный оратор Фемистий, – самые храбрые враги Рима станут самыми верными и самыми преданными его друзьями».

Возвышение Феодосия явилось, в сущности, самым значительным и имевшим самые далекие последствия деянием Грациана, совершенным во благо империи. Но по иронии судьбы в тот самый год, когда Феодосием был подписан мирный договор с готами, произошло и низвержение Грациана. Не многие римские императоры демонстрировали большие, чем у него, задатки, но в двадцатичетырехлетнем возрасте он уже начал проявлять признаки лени. Еще более опасным для Грациана было пристрастие, которое он питал к своей личной страже, состоявшей из варваров – высоких белокурых аланов, что немало раздражало римских воинов. В результате, когда его военачальник Магн Клеменс Максим, служивший в Британии, неожиданно провозгласил себя августом, он нашел поддержку в войсках. Через несколько дней после этого самозванец высадился в Галлии и дал бой армии Грациана под Парижем. Император, возможно, и выиграл бы сражение, но его мавританская кавалерия неожиданно отступила. Он бежал, но был схвачен в Лионе и там же 25 августа убит.

Феодосий, воспринявший эти известия с ужасом, собирался расправиться с узурпатором, но не решился покинуть Константинополь. За новым персидским правителем Шапуром III нужен был глаз да глаз, а гунны продолжали создавать проблемы вдоль северной границы империи. В результате Феодосию все же пришлось признать Магна Максима августом. Так же поступило большинство провинций Запада за исключением Италии, на которую распространялась власть соправителя Грациана – двенадцатилетнего Валентиниана II, имевшего резиденцию в Милане. Мать юного августа Юстина, являясь фанатичной арианкой, препятствовала епископу Амвросию Медиоланскому обратить Валентиниана в никейскую веру. Это оказалось удобным предложением для Максима, который в 387 г. перешел через Альпы, дабы, мол, освободить империю от ереси. Юстина и Валентиниан бежали в Фессалоники, где к ним присоединился Феодосий (он был женат на дочери Юстины Галле) и начал готовиться к войне с Максимом. В июне 388 г. он и Валентиниан совершили переход через горы Македонии и Боснии. Военная кампания продолжалась недолго, и в том же году Максим был пленен в Аквилее. Склонный к проявлению милосердия, Феодосий хотел сохранить ему жизнь, но императору помешали сделать это его собственные воины.

Назначив франкского полководца Арбогаста комитом¹⁴ – фактически правителем – Галлии, в 389 г. Феодосий вместе с четырехлетним сыном Гонорием и Валентиниан отправились в Рим. Местная знать недолго любила Феодосия, поскольку тот активно боролся с языческим влиянием, но доступность и обаяние обеспечили ему огромную популярность в народе. Потом оба августа вернулись в Милан, пробыв там год, – именно тогда и имела место знаменитая конфронтация между Феодосием и епископом Амвросием.

При инциденте, приведшем к их столкновению, сами они не присутствовали: это было убийство в Фессалониках начальника гарнизона – гота по имени Боферик. Среди горожан давно уже нарастало недовольство в отношении расквартированных в округе войск. А когда Боферик посадил в тюрьму самого известного в городе возницу гоночных колесниц, толпа атаковала штаб гарнизона и растерзала Боферика. Когда о происшествии доложили Феодосию, находившемуся в Милане, его гнев был ужасен. Напрасно Амвросий молил императора не мстить многим за преступления нескольких человек – Феодосий распорядился, чтобы

¹⁴ Комит – титул многих должностных лиц в ранневизантийскую эпоху (комит экскувитов – начальник императорских телохранителей, комит дворцовых щедрот ведал раздачей наград и т. д.).

войска восстановили свою власть и авторитет в городе любым способом, который они сочтут подходящим. Позднее Феодосий отменил этот приказ, но он уже был получен и солдаты повиновались ему с чрезмерно большой охотой. Они намеренно выжидали, пока местные жители в большом количестве не соберутся на ипподроме, чтобы посмотреть конные состязания, а потом солдаты набросились на них. К наступлению ночи было убито 7000 человек. Рассказы о бойне в Фессалониках быстро распространились по всей империи, причем вину заранее возлагали по большей части на Феодосия.

К этому времени Амвросий Медиоланский был уже самым влиятельным клириком в христианском мире – более влиятельным, чем папа римский. Принадлежавший к одной из самых древних фамилий римской аристократии, Амвросий никогда не имел намерения пополнить ряды священства. Но когда выяснилось, что только он один, даже будучи мирянином, обладал достаточным авторитетом для того, чтобы предотвратить открытую борьбу между ортодоксальной и арианской фракциями в городе, Амвросий согласился принять сан. За одну только неделю он прошел через последовательные стадии новообращенного, священника и епископа, после чего роздал все свое немалое состояние бедным, а его личная жизнь приняла абсолютно аскетичную форму. Лишь только услышав об убийстве Боферика, Амвросий сделал все, чтобы побудить Феодосия к проявлению выдержки, хотя это ему в итоге не удалось. Когда же он узнал о расправе в Фессалониках, то собственноручно написал императору письмо, в котором сообщал, что, несмотря на сохраняющееся огромное уважение, с сожалением вынужден воздержаться от общения с ним, пока тот не понесет публичную епитимью за свое преступление.

И Феодосий покорился. Его поведение в ситуации с убийством Боферика было совершенно нехарактерным. Почти наверняка дело обстояло так, что военное окружение Феодосия сумело убедить его в необходимости жестких мер. По-видимому, душа императора испытала огромное облегчение, когда он, одетый во власяницу, с непокрытой головой, покорно явился в миланский храм, дабы испросить прощения. То был поворотный момент в истории христианства – впервые церковник имел смелость возвысить духовную власть над светской и впервые христианский правитель публично согласился с этим.

В начале 391 г. оба императора покинули Милан: Феодосий – для того чтобы вернуться в Константинополь; Валентиниан – дабы утвердить свою власть в Галлии, где правил в его отсутствие комит Арбогаст. Однако по прибытии во Вьенн Валентиниан понял, что Арбогаст не имел намерения передавать ему бразды правления. Полный решимости отстоять свою власть, молодой август вручил комиту письменное распоряжение, в котором содержалось требование его немедленного ухода с должности. Арбогаст на мгновение взглянул на Валентиниана и потом медленно и с презрением порвал его указ в клочки. Это означало объявление войны, и несколько дней спустя, 15 мая 392 г., молодой император, которому только что исполнился двадцать один год, был найден мертвым в своих покоях.

Арбогаст, будучи язычником, не мог сам претендовать на диадему, но его вполне удовлетворяла роль теневого лидера и он решил сделать августом своего приспешника Евгения, христианина средних лет. К Феодосию были направлены послы с соответствующим предложением, но император, дав уклончивый ответ, начал готовиться к войне против Арбогаста. Эта подготовка продолжалась на протяжении всего 393 г., и за это время Арбогасту удалось, несмотря на сильное сопротивление со стороны Амвросия, добиться того, чтобы его протеже был признан в Италии. Главной опорой Арбогасту служила его старая гвардия, состоявшая из язычников. Она была рада приветствовать императора, который нисколько не возражал против восстановления древних жертвенников. К середине года Рим стал свидетелем полномасштабного возрождения язычества. Небо было туманным от дыма бесконечных жертвоприношений, во время которых старые авгуры не спускали глаз с внутренностей дымящихся жертв.

Когда в начале лета 394 г. Феодосий выступил с войском против претендента-выскочки, он осознавал, что борется не только за соблюдение законов империи, но также и за христианскую веру. Император хорошо подготовился к сражению: помимо римских легионеров в его армии было около 20 000 готов – многие из них под командованием своих племенных вождей, в числе которых находился и молодой командир по имени Аларих. Своим заместителем Феодосий назначил вандала Стилихона, который недавно женился на его племяннице Серене. Император отдавал команды бодрым голосом, но на сердце у него было тяжело: только что его любимая жена Галла умерла при родах.

Два войска встретились 5 сентября чуть севернее Триеста. Во время битвы разыгралась пыльная буря, сопровождавшаяся ветрами ураганной силы. Войску Феодосия эти ветры дули в спину, а солдатам Арбогаста – в лицо, и пыль забивала им глаза. Все кончилось тем, что Евгений был обезглавлен; Арбогаст сумел бежать, но после нескольких дней скитаний, измученный невзгодами, бросился на меч.

Феодосию пришлось время подумать о наследовании престола. Валентиниан умер бездетным, и Феодосий решил разделить империю между двумя своими сыновьями, отдав старшему, Аркадию, Восток, а младшему, Гонорию, – Запад. Оба находились в Константинополе, и Гонорий был вызван в Милан, но приехать не успел: 17 января 395 г. на пятидесятом году жизни Феодосий умер.

Феодосия потомки называли Великим. Заслужил ли он это звание? Возможно, нет – по сравнению с императором Константином. Но, конечно, он очень близок был к величию. Правь Феодосий дольше, он мог бы даже спасти Западную империю, но только через полтора столетия римляне вновь увидели государственного деятеля, подобного ему.

4

Падение Запада (395–493)

Феодосий Великий был последним императором, правившим единой Римской империей. С момента его смерти начинается восьмидесятилетний период упадка Западной империи, завершившийся тем, что ее император, по иронии судьбы носивший имя основателя Рима Ромула, окончательно покорился правителю-варвару. Но империя Востока продолжает существовать, постепенно обретая собственные личностные черты: латинский мир уступает место греческому; мир интеллекта – миру духа; при этом классическая культурная традиция остается неразрушенной.

Когда Феодосий умер, его старшему сыну Аркадию было семнадцать лет, Гонорию – десять. Перед смертью Феодосий вверил их попечению Стилихона, чья звезда к тому времени уже быстро всходила на политическом небосклоне. Сын вандалского племенного вождя, он каким-то образом привлек к себе внимание Феодосия, и тот отдал ему в жены Серену – свою любимую племянницу и приемную дочь.

Хотя Стилихон был ответствен за обоих молодых августов, основным предметом его заботы являлся Гонорий. Аркадий же, находясь далеко в Константинополе, подпал под не очень желательные влияния – особенно префекта претория¹⁵ Руфина. Почти несомненно то, что именно Руфин побудил Феодосия отдать приказ о военной акции в Фессалониках. Во всем Константинополе были хорошо известны алчность и развращенность Руфина, но, помимо этого, он являлся очень амбициозной личностью. Невеликий умом и слабым характером, Аркадий легко мог стать марионеткой в его руках, но этому мешал старый евнух по имени Евтропий. Имевший совершенно лысую голову и сморщенное желтое лицо, Евтропий выглядел настоящим уродом, но, как и Руфин, был умен, неразборчив в средствах и до крайности амбициозен. Евнух знал, что его враг Руфин планировал выдать свою дочь за Аркадия. После такого брака префекту претория оставался один шаг до самого трона, а Евтропию – возможно, до могилы. Поэтому он нашел девушку поразительной красоты по имени Евдоксия и в отсутствие Руфина привел ее во дворец. Ко времени возвращения Руфина Аркадий и Евдоксия были уже помолвлены.

В 395 г., как раз во время их бракосочетания, находившиеся на территории Восточной империи готы подняли восстание. Вождем своим они выдвинули двадцатипятилетнего Алариха. За несколько дней повстанцы подошли к самым стенам Константинополя, но вдруг повернули – возможно, Руфин от них откупился – и направились на запад, в сторону Македонии и Фессалии. Встревоженный действиями Алариха, Аркадий направил послание Стилихону в Милан, требуя от него, чтобы он вернул находившуюся там восточную армию так быстро, как только возможно. Стилихон выступил немедленно во главе объединенной западной и восточной армии, однако, вместо того чтобы направиться прямо к Константинополю, вознамерился противостоять Алариху в Фессалии. Но здесь он получил новое распоряжение от императора: восточная армия должна была немедленно идти к столице, а самому Стилихону следовало вернуться на запад. Стилихон приказ выполнил: восточная армия двинулась к Константинополю, а сам он вместе с западной отправился домой.

Аларих тем временем совсем разбушевался. Из Фессалии он пошел на юг в сторону Аттики, полностью разрушив порт Пирей. Обойдя Афины с их высокими стенами, Аларих перешел через Коринфский перешеек в Пелопоннес, разграбив Спарту и центральную рав-

¹⁵ Префект претория – высшая гражданская должность в префектуре. Со времен Константина Великого вся Римская империя была разделена на четыре префектуры – Восток, Иллирик, Италия и Галлия.

нину полуострова, но в начале 396 г. из Италии по морю неожиданно прибыл Стилихон с большим войском, и Аларих обнаружил, что окружен.

Уже казалось, что готы в полной власти Стилихона, но последний вдруг позволил армии Алариха уйти. Почему он так поступил? По-видимому, Стилихон с Аларихом заключили какую-то сделку, о характере которой мы еще поговорим.

А что же произошло с армией Востока, столь поспешно вызванной Аркадием? Ее командир Гайна, как ему и было велено, повел войско в Константинополь, остановившись прямо напротив Золотых ворот. Его встретил Аркадий в сопровождении Руфина. Вдруг император смешался с толпой прибывших солдат и начал просить их о помощи. Сначала Руфин не заметил, что они медленно окружают его; когда же он все понял, было слишком поздно. Мгновение спустя его убили.

Теперь, когда лишь один Евтропий имел доступ к уху императора, по всей империи, более чем когда-либо, распространилась коррупция. В 399 г. Евтропий добился того, что его назначили консулом. Хотя этот титул давно уже был чисто номинальным, он продолжал оставаться высшей степенью отличия, которую могла предоставить империя. И когда его присвоили бывшему рабу и проституированному кастрату, константинопольцы были обозлены сверх всякой меры. Ход событий ускорил Гайна, чьи солдаты зарубили Руфина четыре года назад. Весной 399 г. направленный во Фригию для подавления очередного мятежа, он отправил послание Аркадию, в котором указывалось, что инсургенты выдвинули лишь несколько вполне приемлемых требований, которые легко было исполнить. В первом говорилось о выдаче Евтропия. Аркадий колебался. Но тут в дело вмешалась сама императрица.

Евдоксия была первой в той длинной череде византийских императриц, чьи имена со временем стали олицетворением роскошной жизни и чувственных удовольствий. Говорили, что она даже бравировала своей развращенностью, нося длинную челку, – в те времена это являлось фирменным отличием куртизанок. Своим положением она всецело была обязана Евтропию, но он напоминал ей об этом факте слишком часто.

Итак, император отдал соответствующее распоряжение и Евтропий в ужасе кинулся искать прибежища в собор Св. Софии, бросившись там к ногам епископа Иоанна Златоуста. Симпатии к Евтропию у этого мрачного клирика было не больше, чем у Евдоксии, но епископ никому не мог отказать в праве на убежище. Когда прибыли солдаты, он неумолимо встал перед ними и заставил их уйти, в то время как трясущийся от страха евнух сидел, съевшись, под главным престолом.

В конечном итоге Евтропий решил сдаться императору – на тех условиях, что ему будет сохранена жизнь. Его сослали на Кипр, но вскоре вернули назад и казнили.

IV в. оказался воистину судьбоносным для Римской империи. За это столетие произошло рождение новой столицы, а христианство стало официальной религией государства. Однако под конец века ситуация уже не выглядела такой мажорной: Запад явил безмолвие и инерцию перед лицом реальной угрозы со стороны варваров, с Востока же доносилось только жалкое хныканье безвольного императора, которого порочная жена выставила на всеобщее посмеяние как недееспособного рогоносца. А вот новый век стартовал чрезвычайно бурно – ранним летом 401 г. готы вторглись в Италию.

Алариху, величайшему из всех вождей готов, принадлежит доминирующая роль в начале V в. в истории империи. Но еще ранее он уже навел ужас на территорию, простиравшуюся от Константинополя до Пелопоннеса. Однако, приняв римский титул *magister militum*¹⁶, этот вождь показал, что не настроен слишком уж враждебно к Римской империи.

¹⁶ *Magister militum* – магистр милитум (лат.); главнокомандующий на том или ином театре военных действий или в той или иной части империи.

Аларих боролся не за ее сокрушение, а за интеграцию в нее своего народа. Если бы только император Запада и римский сенат смогли понять этот простой факт, то государственная катастрофа могла бы быть предотвращена. Продемонстрировав свою политическую несостоятельность, они сделали ее неизбежной.

За четыре года, что прошли с того момента, как Аларих отвел свою армию в Иллирик, можно было бы ожидать, что империя предпримет какие-то меры по предотвращению очередного нападения готов, но Гонорий, чьим единственным интересом было, по-видимому, разведение домашней птицы, не предпринял ровным счетом ничего. Когда же начали распространяться известия о вторжении Алариха, империю охватила слепая паника. Медленно и неотвратно несметные полчища готов двигались вдоль долины реки Изонцо, семьи солдат следовали в обозе – на марше была не просто армия, но целая нация. Затем Аларих повернул на Милан – молодой римский император бежал оттуда сломя голову. Всего лишь в нескольких милях от Асти войска готов встретили поджидавшую их римскую армию – во главе с уже знакомым нам Стилихоном. В результате сражения, произошедшего в Пасхальное воскресенье 402 г., продвижение готов было остановлено и они повернули на восток. Вскоре Аларих предпринял неожиданную атаку на Верону, но в завязавшемся бою потерпел бесспорное поражение от Стилихона. Однако вновь вандальский полководец как бы пожалел Алариха, не нанеся существенного ущерба его армии.

Таким образом, по меньшей мере дважды судьба Алариха находилась в руках Стилихона, но последний оба раза давал предводителю готов уйти с миром. С самого начала его отношение к готскому военачальнику выглядело довольно-таки странным, будто между двумя лидерами имелся какой-то тайный уговор. Как бы ни обстояли дела на самом деле, представляется очевидным, что Стилихон рассматривал готов в качестве потенциальных союзников и не имел желания ни существенно подорвать их боевую мощь, ни окончательно рассориться с ними.

А вот отношения между Востоком и Западом стали к этому времени весьма напряженными благодаря главным образом усилиям епископа Константинопольского Иоанна Златоуста. Этот благочестивый, но отличавшийся нетерпимостью священник в результате жесткой критики, которой он подвергал императрицу, превратился в крайне непопулярную фигуру при дворе, и в 403 г. епископ был смещен с должности и отправлен в ссылку в Вифинию. Однако он пользовался значительной поддержкой народа и в городе прошли массовые акции протеста. А вскоре в Константинополе произошло землетрясение, которое настолько напугало суеверную императрицу, что находившийся в ссылке архиерей был вызван назад в столицу и восстановлен в прежнем положении.

Иоанн выиграл первый раунд, и, если бы смягчил свои нападки на августу, конфликт бы вряд ли разгорелся. Однако уже через несколько недель епископ выразил протест по поводу того, что прямо напротив собора Св. Софии была возведена серебряная статуя Евдоксии, а шум от торжественной церемонии, проводившейся по сему случаю, помешал ему вести службу. После этого эпизода уязвленная Евдоксия отказалась каким-либо образом общаться с одним из главных священнослужителей империи и ревностно следила за тем, чтобы контактов с ним не имел и ее муж. На следующий год, ранней весной, Аркадий воспретил епископу служение в его церкви, а 24 июня Иоанн вновь был сослан. И опять беда обрушилась на Константинополь: в тот же самый вечер собор Св. Софии был уничтожен пожаром, сильный северный ветер раздул пламя и донес его почти до самого здания сената, а менее чем через четыре месяца, 6 октября, Небо явило окончательный и несомненный знак своего недовольствия: у императрицы случился выкидыш и она в муках скончалась.

Находясь в ссылке, Златоуст обратился к папе Иннокентию I, протестуя против несправедливого приговора и требуя официального суда. Папа созвал синод из латинских епископов, которые единогласно призвали императора Аркадия восстановить Иоанна Златоуста в

прежней должности. Гонорий по этому же поводу направил брату суровое письмо. А чтобы окончательно урегулировать проблему, в 406 г. август Запада и Иннокентий послали делегацию в Константинополь. Однако послы были арестованы, допрошены и отосланы назад в Италию, и Иоанн Златоуст так и умер в ссылке в 407 г. В результате между Западом и Востоком возникло что-то вроде «холодной войны». Тогда-то Стилихон и решил воплотить свои давно лелеемые планы в жизнь, и Алариху в этих планах отводилась важная роль. Первым шагом Стилихона стало распоряжение о блокаде Восточной империи. Фактически это было объявлением войны. Далее Гонорий приказал завладеть префектурой Иллирик. По взаимной договоренности Стилихона и Алариха войско последнего должно было выполнить эту военную задачу.

Однако дальнейший ход событий оказался непредсказуемым: развалилась оборона Западной империи на Рейне; неудержимым потоком аланские, вандальские и свевские отряды разлились по Галлии, а в начале мая 408 г. в возрасте тридцати одного года умер император Аркадий. В этих условиях планы западного двора в отношении восточной части империи изменились в мирную сторону. Но Аларих, к этому времени уже вошедший в Эпир, заявил в довольно-таки угрожающей форме, что если его вот так, внезапно, понуждают отказаться от военной кампании, то ему за понесенные мобилизационные расходы причитается весьма солидная компенсация. Сумму он назвал действительно значительную – 4000 фунтов¹⁷ золота. Под давлением Стилихона римский сенат пообещал выплатить означенную сумму.

Стилихон еще находился в Равенне, когда к нему прибыл посланец от Гонория. Император сообщал, что Аларих умер, римский правитель Британии Констанций переправился в Галлию и поднял знамя восстания. Оставив армию в Равенне, Стилихон поспешил в Рим. По прибытии туда он обнаружил, что первая половина послания основывалась на ложных слухах. Аларих был жив и здоров и ждал выплаты обещанной ему компенсации.

После смерти императора Аркадия трон достался его семилетнему сыну, названному в честь деда Феодосием. Стилихон надеялся, что теперь он сможет реализовать свои планы на Востоке без пролития крови и даже без особых затрат, Алариху же будет дан карт-бланш на то, чтобы он разобрался с инсургентом в Галлии. Но эти планы оказались несбыточными. В Равенне, где в то время располагался императорский двор, главным врагом Стилихона был министр по имени Олимпий, и он сумел убедить Гонория, будто его тесть готовит против него заговор. Мы не знаем ни подробностей возникших обвинений, ни их подоплеку. С точностью известно лишь то, что Стилихона судили, признали виновным и 23 августа 408 г. казнили в Равенне.

После казни Стилихона вся сдерживавшаяся ненависть римлян по отношению к варварам в одночасье нашла себе выход. По всей империи римские легионеры начали проводить массовые избиения готов, гуннов и вандалов. Все это имело катастрофические последствия. Выжившие варвары бродили по стране, повсеместно совершая грабежи, и в конце концов прибились к Алариху. Будучи до последнего времени верными слугами империи, они теперь стали ее врагами, стремясь отомстить ей.

В этот критический момент римляне обнаружили, что у них нет ни одного достойного военачальника, на которого можно было положиться. Какие бы темные замыслы ни вынашивал Стилихон в отношении Восточной империи, этот варвар всегда оставался верным слугой Запада и являлся выдающимся полководцем. Лишь когда его не стало, римляне осознали, что он был, в сущности, незаменим.

¹⁷ Римский фунт – 327,45 г.

Между тем Аларих продолжал требовать от Гонория и римского сената обещанной компенсации, которая так и не была выплачена. Не добившись ее, он в сентябре 408 г. привел войско готов к стенам Рима.

Ему понадобилось всего несколько дней, чтобы замкнуть кольцо вокруг города. Все дороги, мосты и тропинки, все стены находились под постоянным наблюдением; лодки круглосуточно патрулировали Тибр. Внутри города был введен строгий рацион питания. Вскоре стали отмечаться случаи каннибализма. Когда ухудшилась погода, холод и недоедание привели к появлению болезней. Постепенно стало ясно, что никакой помощи из Равенны ожидать не приходится: Гонорий не предпринимал ни малейших усилий для спасения столицы. Незадолго до Рождества с Аларихом договорились о выкупе: 5000 фунтов золота, 30 000 фунтов серебра, 4000 шелковых туник, 3000 покрывал, окрашенных пурпуром, и 3000 фунтов перца. Первые два пункта предусматривали демонтаж статуй, находившихся в церквях и храмах, и переплавку бесчисленных произведений искусства.

Но Аларих, кроме того, хотел, чтобы у его народа была своя земля, и сделал Гонорию новое предложение. Венеция, Далмация и Норик – ныне это Словения и Южная Австрия, – оставаясь частью империи, отводились готам как место их постоянного обитания, а взамен Аларих брал на себя обязательство стать действенным защитником империи от какого бы то ни было врага.

Предложение выглядело достаточно разумным, однако Гонорий не собирался его принимать. В первый раз император явил некое подобие силы духа, но едва ли он мог выбрать для этого худший момент. Его армия, деморализованная, не имеющая сильного руководства, не оказала бы никакого сопротивления в случае возобновления готского наступления. Помощи от Восточной империи, где царила сумятица после восшествия на престол семилетнего ребенка, ждать не приходилось. Галлия, Британия и Испания находились в руках Констанция, который объявил себя августом и мог в любой момент двинуться в Италию. В последнем случае как раз Аларих и его готы могли бы стать империи бесценным оплотом.

Но Гонорий все же ответил отказом. Аларих же, который мог легко уничтожить его, все еще продолжал искать мира – теперь он сократил свои требования до одного лишь Норика. И вновь Гонорий сказал «нет».

Терпение Алариха было исчерпано. Во второй раз за двенадцать месяцев он пошел на Рим, но теперь объявил римлянам, что у него лишь одна цель – свергнуть Гонория, представлявшего собой единственное препятствие для установления в Италии мира. Если римляне объявят императора смещенным и изберут более разумного преемника, то Аларих снимет блокаду.

Римский сенат не стал медлить с принятием решения: было ясно, что новую осаду город не переживет. Тем более что Гонорий, лично находясь в безопасности в своей любимой Равенне, не проявлял никакой обеспокоенности в отношении судьбы своего народа. Итак, ворота были открыты, Аларих вошел в Рим совершенно мирным образом, а Гонория объявили низложенным. Пришли к соглашению, что новым августом станет префект города – грек по имени Приск Аттал. Выбор выглядел неплохим. Аттал был умным, культурным христианином, приемлемым для язычников ввиду своих толерантных взглядов и любви к античной литературе. Назначив Алариха своим *magister militum*, он приготовился идти на Равенну, но предстояло решить еще одну серьезную проблему. Ожидалось, что Ираклиан, правитель провинции Африка (территориально примерно соответствующей северному Тунису), от которой Рим всецело зависел в плане поставок зерна, останется верным Гонорию. Поэтому Аттал направил в Африку молодого человека по имени Констант, дабы тот захватил власть в провинции мирным путем – именем августа. После чего новый император вместе с Аларихом направился в Равенну.

Гонорий, охваченный паникой, отправил послание Атталу, соглашаясь на его правление в Риме, если самому Гонорию будет дозволено оставаться августом в Равенне. Вместе с тем он повелел снарядить корабли, чтобы в случае опасности отправиться в Константинополь. Однако в этот момент прибыли шесть византийских легионов от молодого Феодосия II, который наконец отозвался на призыв своего дяди о помощи. Это военное усиление вызвало новый прилив отваги у императора. Он заявил, что будет оставаться в Равенне – по крайней мере до тех пор, пока не получит известий из Африки: если бы оказалось, что Ираклиан удержал власть в провинции, то тогда далеко не все было бы потеряно.

Так и случилось – через несколько дней пришло сообщение, что несчастный Константин казнен, а Ираклиан прервал поставки зерна. В результате Гонорий не сложил с себя титул и не покинул Равенну, что стало очень серьезным ударом для Алариха. Он рассорился с не оправдавшим его надежды Атталом и ранним летом 410 г. публично снял с него порфиру. Ни о чем не договорившись с Гонорием, Аларих вернулся в Рим и в третий раз приступил к его осаде. Продовольствия уже не хватало, так что город продержался недолго. В середине августа готы ворвались в столицу империи. Победители, как и было в то время принято, получили три дня на разграбление города. Оно все же оказалось, по-видимому, не таким диким, как живописуют исторические книги. Аларих, сам истовый христианин, приказал, чтобы не трогали церкви и иные культовые здания и чтобы уважалось право на убежище. Однако грабеж, пусть и пристойный, остается грабежом; возможно, имеется немалая доля правды в рассказах о сожжении великолепных зданий, убийствах мирных жителей, изнасилованиях матрон и дефлорации девственниц.

По истечении трех дней Аларих двинулся на юг, намереваясь раз и навсегда покончить с Ираклианом и избавить Италию от голода. Но в Козенце его свалила жестокая лихорадка и через несколько дней он умер. Ему было только сорок лет. Сподвижники Алариха отнесли его тело к реке Бузенто, которую перегородили плотиной. Там, на осушенном дне реки, они похоронили своего вождя; потом разрушили плотину и вода скрыла место его погребения.

Вид константинопольской стены поистине незабываем. Она тянется более чем на четыре мили от Мраморного моря до северной части бухты Золотой Рог. Стена прикрывает город со стороны суши; до сих пор она известна как Феодосиева, будучи так названа по имени Феодосия II, в чей период правления она была возведена. Однако на самом деле император имеет к этому строению весьма малое отношение. Строительство начали в 413 г., когда Феодосий был еще только двенадцатилетним мальчиком. Идея возведения стены принадлежит префекту претория Анфимию, который на тот момент был опекуном Феодосия и фактически регентом Восточной империи. Он не играл ведущей роли в строительстве этого защитного вала. Анфимий был первым высокопоставленным мирянином в Константинополе со времен Феодосия Великого, который сочетал в себе качества лидера с исключительной принципиальностью. Но уже после 414 г. тенью правителем империи становится сестра Феодосия II, Пульхерия. С этого момента начинается тридцатилетний период – столько оставалось номинально править ее брату, – во время которого вся подлинная власть в стране сосредоточилась в женских руках. Пульхерия родилась лишь на два года раньше Феодосия; таким образом, ей едва исполнилось пятнадцать лет, когда она была провозглашена августой и прибрала к рукам государственную власть, к которой в отличие от своего брата питала очевидную склонность. Она была сильной, решительной и одновременно исключительно набожной женщиной. Императорский дворец вскоре стал напоминать монастырь. Его наполнили священники и монахи, а две младшие сестры Пульхерии, находившиеся под ее сильным влиянием, занимались в основном тем, что шили на престольные пелены под звуки псалмов и невнятно проборматываемых молитв. Придворные с тоской отмечали, что все это сильно отличалось от того, что происходило во времена Евдоксии.

Рожденный в Порфире¹⁸ наместник Бога на земле, Феодосий с самого раннего детства был принужден жить в изоляции от своих сверстников, что, конечно, не способствовало его интеллектуальному развитию. И все же юноша был далеко не глуп, однако его интересы нетипичны для Порфириогенета. Он равнодушно относился к государственным делам, военному искусству и религии, зато много занимался классической литературой, математикой, естественными науками и особенно любил иллюстрировать рукописи. Феодосий также воспытал страстью к охоте, и, возможно, именно он содействовал развитию в Константинополе персидской игры поло. У него уже давно минул тот возраст, когда он должен был бы взять на себя государственные заботы, но Феодосий продолжал отстраняться от них. Только в 420 г., когда императору исполнилось девятнадцать лет, он послал за Пульхерией, с тем чтобы она помогла решить вопрос государственной важности: найти ему жену.

Примерно в это время во дворце появилась невероятно красивая молодая гречанка по имени Афинаида. На Пульхерию она произвела сильное впечатление, но не столько даже своей красотой, сколько совершенным греческим языком. Феодосий же влюбился в нее мгновенно. Языческое вероисповедание Афинаиды не стало серьезной проблемой: она крестилась в христианскую веру, приняв имя Евдокия, а Пульхерия стала ее крестной матерью. 7 июня 421 г. Феодосий женился на гречанке, и в угрюмую атмосферу дворца сразу же будто ворвался свежий ветерок. Ее звезда взошла еще выше, когда через год после замужества она родила дочку, которой ее муж дал вызывающее определенное смущение имя Евдоксия. В 423 г. император присвоил жене титул августы.

В результате протезе Пульхерии неожиданно оказалась на одной с ней иерархической ступени. Более красивая, более образованная и бесконечно более любимая, Евдокия к тому же стала оказывать огромное влияние на Феодосия, и Пульхерия, почувствовавшая, что может потерять свои властные полномочия, вознамерилась поставить невестку на место.

Между тем в этом же 423 г. императорской чете довелось принять во дворце третью августу империи – Галлу Плацидию, дочь Феодосия Великого и сводную сестру Гонория, которая прибыла в Константинополь с двумя маленькими детьми. Хотя ей было немногим более тридцати, за плечами у нее оказалась богатая на события жизнь. Пережив три осады Рима, она вышла замуж за шурина Алариха, который стал его преемником; после смерти последнего Галла взяла себе в мужа главного советника Гонория – Констанция. Когда в 421 г. он был повышен до статуса соправителя императора, Галла Плацидия обзавелась титулом августы. Шесть месяцев спустя умер и Констанций, и она прибилась ко двору своего сводного брата. Тот стал обнаруживать заинтересованность в более близких отношениях с ней, но, получив отказ, начал проявлять к сестре открытую враждебность. Тогда Плацидия решила искать прибежища у племянника в Константинополе и, взяв с собой своих детей от Констанция – Гонорию и Валентиниана, поспешила ко двору Феодосия.

Трудно сказать, как долго Плацидия с детьми могла бы оставаться на Босфоре, если бы не получила известия, которое вызвало у нее, да, наверно, и у ее хозяев, чувство глубокого облегчения: 26 августа, на сороковом году жизни, умер от водянки император Гонорий. К несчастью, за этим сообщением сразу же последовало другое: вакантный трон был захвачен главой нотариата Иоганном. Феодосию, конечно, не понравилось, что Западную империю пытается прибрать к рукам какой-то незначительный чиновник. Тотчас он утвердил сына Плацидии Валентиниана цезарем и отдал распоряжение направить в Италию военный отряд для его возведения на престол.

Экспедиция закончилась исключительно успешно – приспешники Иоганна оказались застигнутыми врасплох. Равенну взяли приступом в начале 425 г., при этом едва ли был убит

¹⁸ Порфириогенет, или рожденный в Порфире, – титул, которым мог пользоваться только принц, рожденный в палате Большого дворца, называвшейся Порфирой, но лишь после того, как его отец уже стал императором. – Примеч. авт.

хотя бы один человек. Иоганна схватили, доставили в цепях в Аквилею, провезли на осле вокруг города, после чего предали смерти. Византийскому же войску Равенна была отдана на трехдневное разграбление – чтобы наказать жителей города за поддержку узурпатора. Валентиниана, которому к тому моменту исполнилось шесть лет, увезли в Рим для коронования.

В Константинополе же эллинизм Афинаиды теперь распространился далеко за пределы императорского дворца. Она и префект города Кир Панополисский – поэт, философ и любитель искусства, эллин до мозга костей – трансформировали относительно скромное учебное заведение, учрежденное Константином, в большой университет с высоким уровнем преподавания. Таким образом, у преимущественно языческого университета Афин появился христианский собрат. Побочным продуктом деятельности университета стало составление Кодекса Феодосия, в котором в рационализированном виде были представлены все законы, вступившие в действие на Востоке и Западе со времен правления Константина. Появившийся через несколько месяцев после заключения брака между Валентинианом и пятнадцатилетней Евдоксией и обнародованный 15 февраля 438 г. совместно обоими императорами, он, очевидно, был призван акцентированно обозначить единство империи. Однако это единство было более кажущимся, нежели реальным. Почти сразу же две половины империи начали снова расходиться, а законы одной редко перенимались другой.

На Западе между тем не стихали религиозные споры. Страсть, которую питали греки к теологическим рассуждениям, еще более усиливалась в результате появления таких харизматических фигур, как Иоанн Златоуст. Как уже бывало ранее, особенно накалял общественную атмосферу вопрос отношений Иисуса Христа к Богу Отцу.

Несмотря на то что арианство было осуждено в 325 г. в Никее как ересь, его адепты на протяжении всего IV в. продолжали играть существенную роль в церковной среде. Теперь то же учение стало почвой для других религиозных течений. Наибольшее беспокойство у христианских ортодоксов вызывали приверженцы Нестория, который в 427 г. был назначен епископом Константинопольским. Он проповедовал, что Христос, в отличие от того, как это представляли себе никейцы, не был единой личностью, но обладал двумя отдельными – человеческой и божественной.

Благодаря силе ораторского искусства Нестория его учение начало быстро завоевывать успех. Однако у него нашелся достойный оппонент в лице Кирилла, епископа Александрийского. Поскольку диспут становился все более ожесточенным, император, который привык верить тем, кто ближе всего к нему находился, и посему являлся убежденным несторианином, решил в 430 г. созвать новый церковный собор. Однако при этом он серьезно недооценил александрийцев. Когда в Эфесе 22 июня 431 г. собор наконец открылся, Кирилл, который практически разорил свою епархию, собирая деньги для подкупа нужных людей – чиновников и священнослужителей (как, в общем, и было принято в обеих империях), сумел добиться на нем председательского места. Епископ Александрийский сразу же потребовал от Нестория ответить на обвинения в ереси, выдвинутые против него. Несторий отказался, пояснив, что является делегатом, а не подсудимым. Тогда по настоянию Кирилла все 198 делегатов высказались за отлучение Нестория, которому после этого пришлось замкнуться в рамках сугубо частной жизни. В 435 г. император, который более уже не являлся несторианином, выслал его сначала в аравийскую Петру, а потом в далекий ливийский оазис, где он и умер.

За много лет до этого – возможно, даже еще тогда, когда Галла Плацидия с детьми находилась в Константинополе, – августа Евдокия поклялась, что, если ее дочь станет императрицей Западной империи, то она, Евдокия, совершит паломничество в Иерусалим. Заключение брака Евдокии с Валентинианом состоялось летом 437 г., а в 438 г. августа отправилась в Святую землю. Она пробыла в Иерусалиме целый год и вернулась со множеством реликвий

(которые составляли предмет выгодной торговли для местного епископа), включая кости святого Стефана и оковы святого Петра. Муж Евдокии принял ее тепло, и некоторое время все шло, как и прежде. Но, увы, эта идиллия продолжалась недолго. Скорее всего их брак развалился под воздействием интриг Пульхерии, но, так или иначе, Евдокия постепенно утратила расположение императора. Она вернулась в Иерусалим, где прожила до 460 г. в печали, одиночестве и бессильной злобе – жалкая тень той блестящей во всех отношениях женщины, в которую так безумно влюбился молодой август Феодосий.

Зять Евдокии, император Западной империи Валентиниан III, оказался слабым, неудачливым государем, полностью находившимся под влиянием своей матери Плацидии. Она правила страной от его имени до самой смерти в 450 г., тогда для нее была сооружена величественная гробница в Равенне, явившаяся памятником той эпохи. Что касается его сестры Гонории, то в нашем повествовании она заслуживает по крайней мере сноски. В конце концов, не много найдется в истории принцесс, которые предлагали себя в жены Атилле, предводителю гуннов.

Вот как описывает это Гиббон:

«Дочь Плацидии в совершенной степени пожертвовала и своим долгом, и своими пред-
рассудками и предложила себя лично варвару, чей язык она не знала, чей облик едва ли напоминал человеческий и чью религию и манеры она ненавидела... Однако ее нескромные авансы были встречены с холодностью и презрением; вождь гуннов продолжал множить число своих жен, пока его чувство любви не оказалось пробуждено более мощными импульсами честолюбия и алчности».

Атилла – «Бич Божий» – стал вождем гуннов в 434 г. После более чем полувекового общения с римлянами его народ, может быть, не казался теперь таким звероподобным, чем предстал при первом своем появлении. Но гунны все еще дневали и ночевали на открытом воздухе, презирали все виды сельского хозяйства; даже сырое мясо, которое предлагалось употреблять в пищу, разминали сидя верхом на лошади, положив между своими ляжками и крупом животного. Их одежда была сделана, что достаточно необычно, из шкурок полевых мышей, грубо сшитых между собой; гунны носили ее постоянно, вообще никогда не снимая, пока она сама не начинала рассыпаться. Можно сказать, что гунны прямо-таки жили на лошадях: на них они ели, торговали, вели переговоры, даже спали в седле.

Сам Атилла являлся типичным представителем своей расы: маленького роста, смуглый, курносый, с крошечными глазами-бусинками и жидкой нечесаной бородой, голова его была непропорционально большая по отношению к телу. По прошествии первых семи лет правления он уже контролировал обширную территорию, простиравшуюся от Балкан до Кавказа и далее.

Поскольку Феодосий ежегодно платил ему дань, Атилла побеспокоил империю лишь однажды, в 447 г. Его армия начала продвигаться одновременно в двух направлениях: на юг в Фессалию и на восток к Константинополю. Феодосиева стена, по-видимому, оказалась построена вовремя: гунны вскоре отступили, отправившись на поиски более доступной добычи. Но в Галлиполи они нанесли византийской армии сокрушительное поражение и императору пришлось утратить ежегодную дань. Начиная с этого времени между Атилой и Феодосием стали постоянно курсировать посольства. Атилла совершенно справедливо полагал, что он наводит ужас на императора, а вся политика Феодосия сводилась к умиротворению противника, ради чего он опустошал не только собственную казну, но и карманы подданных.

В одной из византийских посольских миссий, направленных к Атилле в 448 г., участвовал некто Приск. Благодаря ему мы имеем незабываемое описание гуннского двора, а также самого вождя:

«Нам были в изобилии поданы разные яства на серебряных блюдах, Аттила же ел только мясо с деревянной тарелки... Во время пиршества перед гостями были поставлены золотые и серебряные кубки, его же чаша была из дерева. Его одежда была самая простая, и она совершенно не отличалась от одежды остальных за исключением того, что была чистая. Ни меч, висевший у него на боку, ни застёжки на его варварских башмаках, ни уздечка его лошади не были украшены ни золотом, ни драгоценными камнями, ни чем-то еще ценным – так же как и у других скифов».

Неизвестно, как долго еще продолжал бы Аттила опустошать казну Восточной империи, если бы Феодосий не погиб 28 июля 450 г., неудачно упав с лошади. У него не осталось наследника мужского пола, но проблема наследования трона была разрешена Пульхерией. Она вступила в чисто номинальный брак, поскольку ранее дала клятву о сохранении пожизненной девственности, с фракийским сенатором и бывшим военачальником по имени Маркиан, которого сразу же удостоила титулом августа, заявив, что его в качестве преемника назвал Феодосий, находясь на смертном ложе.

Одним из первых деяний Маркиана стал отказ платить ежегодную дань предводителю гуннов. Зная, что тот готовил крупномасштабную операцию против Западной империи, Маркиан полагал, что Аттила не сможет одновременно осуществить карательную акцию на Востоке. Новый император не ошибся, и весь Константинополь ликовал, когда пришло известие, что гуннская армия направилась в Италию и Галлию.

Но тут Маркиан обнаружил, что возникла угроза иного рода – в византийском обществе назревал очередной религиозный раскол, связанный на этот раз с появлением монофизитской ереси.

Теологический спор возник все на той же почве – монофизиты предложили новую трактовку природной сущности Христа. Несториан, которые развивали тезис о существовании двух отдельных личностей в Христе, божественной и человеческой, подвергли суровой критике в Эфесе в 431 г., теперь же маятник качнулся в противоположном направлении – в 448 г. престарелый архимандрит Евтихий был обвинен в проповедовании другой подрывной идеи, в соответствии с которой Христос обладал только одной природой – божественной. Сочтенный виновным и лишенный сана, Евтихий обратился за помощью к папе Льву (Великому), императору и константинопольским монахам, в результате чего разразилась буря невообразимой силы. Наконец в октябре 451 г. в Халкидоне был созван Четвертый Вселенский собор, с тем чтобы разрешить эту важную теологическую проблему. На соборе присутствовало около шестисот епископов, представлявших весь христологический спектр, и уже поэтому были сомнения, что делегаты смогут принять хоть какое-то решение. Тем не менее собор оказался весьма результативным: Евтихия снова осудили, а его доктрина и учение Нестория были равным образом отвергнуты. Христа следовало понимать как обладателя одной личности, имеющей две природы: совершенного Бога и совершенного человека.

Но собор в Халкидоне, как вскоре выяснилось, решил одну проблему, но породил другие – еще более масштабные. Монофизитство никоим образом не исчезло. В последующие годы в Египте и Сирии один епископ за другим будут отвергать решения собора. А когда эти провинции начнут борьбу за независимость, лозунг «Единой природе Христа» сплотит их ряды. Хуже того, собор, наделив епископа Константинопольского званием патриарха, посеял семена раздора с Западом. Теперь верховенство папы римского стало чисто номинальным, а по факту возникло полное равенство между римским и константинопольским церковными престолами. Начиная с этого момента зародилось соперничество между Старым и Новым Римом, которое в церковной сфере в последующие века будет становиться все более ожесточенным.

В то же самое время Аттила вел военную кампанию на Западе, и в 451–452 гг. судьба западной цивилизации была на волоске. Если бы предводитель гуннов сбросил Валентини-

ана с трона и учредил свою столицу в Равенне или Риме, то не приходится особо сомневаться в том, что и Галлия, и Италия превратились бы в духовную и культурную пустыню. Наступая в 451 г. на Западную Европу, Аттила дошел до самых стен Орлеана, а в начале 452 г. направился в Италию. Предводитель гуннов с ходу захватывал все встречавшиеся на его пути города и крепости. Казалось, ничто не могло помешать ему начать наступление на Рим. Однако в самый последний момент, когда гуннское войско было уже готово начать продвижение в глубь Апеннинского полуострова, Аттила неожиданно остановился. Историки до сих пор спорят о том, почему он это сделал, но большинство полагают, что Европу спас папа римский. Лев Великий встретился с Атилой на берегу реки Минцио и каким-то образом уговорил его не двигаться дальше. Аттила, как и весь его народ, был неисправимо суеверен, и папа вполне мог ему напомнить, что Аларих умер сразу же после того, как разграбили Рим, и подобная судьба постигала каждого захватчика, поднимавшего руку на священный город. Да и у самих гуннов возникли проблемы: ощущалась нехватка пищи, войска несли урон от эпидемических заболеваний. Кроме того, на помощь Западной империи шла армия Маркиана из Константинополя, то есть поход на Рим оказался не таким простым делом, каким виделся сначала.

По одной из этих причин или по их совокупности, но Аттила решил повернуть назад. Год спустя, в ночь, последовавшую за свадьбой с очередной своей женой, Аттила переусердствовал на брачном ложе и в результате умер. Вся Европа вновь вздохнула свободно. Тело свирепого завоевателя было помещено в конструкцию из трех гробов, последовательно вставленных друг в друга, – золотого, серебряного и железного. Прах его опустили в землю и засыпали, а все те, кто участвовал в погребальной церемонии, были преданы смерти – чтобы последнее место упокоения вождя навеки осталось потаенным и нетронутым. Таковым оно и остается по сей день.

В один из мартовских дней 455 г. император Валентиниан III, который к тому времени перенес свою резиденцию в Рим, выехал на Марсово поле, для того чтобы попрактиковаться в стрельбе из лука. Неожиданно два солдата варварского происхождения выскочили из рощи поблизости кустов и пронзили его мечами. Валентиниан не оставил после себя сына, и выбор армии пал на пожилого сенатора Петрония Максима, который попытался взять себе в жены вдовствующую императрицу Евдоксию. Та ужаснулась перспективе выйти замуж за человека, который был почти вдвое старше ее, и решила на отчаянные действия. Как и ее золовка Гонория за несколько лет до того, она обратилась за помощью к королю варваров – по крайней мере так об этом повествует традиционная история. Вероятнее, однако, что Гейзерих, король вандалов, собравшись в поход на Рим, руководствовался иными непобудительными мотивами: один из них – пополнить свою казну. За несколько десятилетий до описываемых событий германское племя, фанатично приверженное арианскому вероучению, бежало на запад от гуннов и в 409 г. осело в Испании. Там вандалы оставались до 428 г., когда только что коронованный Гейзерих повел весь свой народ – по-видимому, около 160 000 человек, включая женщин и детей, – в Северную Африку, где в 439 г. объявил об установлении независимой автократии. Завоевав затем Сицилию и учредив свою столицу в Карфагене, он вскоре стал полновластным хозяином всего западного Средиземноморья.

Валентиниан еще трех месяцев не пролежал в могиле, как вандалы уже вышли в море. В Риме сразу же возникла паника. Охваченные ужасом римляне прятали жен и детей в безопасные места. Дороги, ведущие на север и восток, были забиты повозками – более состоятельные семьи покидали город. Петроний Максим также решил бежать, но его подданные считали, что он должен нести ответственность за происходящее. 31 мая дворцовая стража напала на своего пребывавшего в жалком состоянии хозяина, разорвала его в клочья и выбросила останки в Тибр. Петроний правил лишь семьдесят дней.

Уже в четвертый раз за полвека варварское войско стояло у ворот Рима. Снова папа Лев выехал в расположение армии варваров просить за свой город, но в этот раз шансов оказалось намного меньше. В отличие от Атилы Гейзерих находился уже у цели, у него было многочисленное войско, которое не мучили ни голод, ни болезни, и он не имел врага в своем тылу. С другой стороны, он был христианином и питал определенное уважение к папскому сану, и потому миссия Льва не оказалась совсем уж провальной: вандалы пообещали, что воздержатся от убийств и не будут разрушать здания.

В результате переговоров городские ворота были открыты, и орды варваров вошли в Рим. На протяжении четырнадцати дней они занимались расхищением его богатств: из церквей уносилось золото и серебро, изымались статуи из дворцов, была даже снята позолоченная медная крыша с храма Юпитера. Все погружалось на стоявшие в Остии корабли и увозилось в Карфаген. Потом туда отправился и Гейзерих, заставив Евдоксию и двух ее дочерей сопровождать его. Верный своему слову, он не тронул жителей и их дома.

Император Восточной империи Мар-киан умер в начале 457 г., и в поисках кандидата на опустевший трон народ Константинополя обратил свой взор на главного военачальника – Аспара. Сделав блестящую военную карьеру, он носил титул «Первый среди патрикиев»¹⁹ и, почти несомненно, занял бы трон, если бы не два обстоятельства: во-первых, Аспар был аланом, представителем племени, изгнанного гуннами с родной земли, располагавшейся за Черным морем, а во-вторых, как почти все варвары-христиане, он являлся арианом. Но и положением теневого руководителя империи Аспар мог быть вполне удовлетворен. Подбирая кандидата на роль монарха, он остановился на управляющем его собственным поместьем – православном христианине по имени Лев. Легионы, послушные Аспару, провозгласили Льва новым императором и в соответствии с традицией подняли его на щит. Но кроме того, впервые была проведена еще одна церемония. 7 февраля 457 г. Лев официально венчался на царство в соборе Св. Софии – это был знак, что намечался отход от прежних военных традиций в пользу нового, мистического представления о верховной власти.

Вероятно, Аспар полагал, что посадил на византийский трон марионетку, но он ошибался. Между ними вспыхнули яростные споры, вызванные намерением Льва ограничить влияние мощной варварской фракции, возглавляемой Аспаром, перестроив армию так, чтобы ее основу составляли исавры, горный народ, набранный в местах своего обитания – в достаточно диком краю, в горах Тавр, располагавшихся вокруг долины реки Каликаднус. Вскоре разногласия между ними стали лейтмотивом правления Льва. На стороне императора был его зять – вождь исавров Зенон. Аспара поддерживал Василиск – брат жены императора, Верины, они были очень разными по характеру людьми. В культурном плане Аспар являлся довольно отсталым человеком; как убежденный арианин он почти отрицал божественность Христа, но как военачальник не имел себе равных и был прирожденным лидером. Римлянин Василиск получил хорошее классическое образование, а будучи фанатиком-монофизитом, Христос имел более божественную, нежели человеческую природу; что касается лидерских качеств, то они у него отсутствовали напрочь. Однако Аспара и Василиска сплотила общая ненависть к исаврам.

Прошло тринадцать лет со времени разграбления Гейзерихом Рима, и не могло быть никакого оправдания тому, что вандалы до сих пор оставались ненаказанными. Ко всему прочему арианин Гейзерих инициировал жесточайшее преследование православных христиан. Поэтому когда в 468 г. император Лев решил предупредить поход против короля вандалов, в византийском обществе его решение нашло полную поддержку. Жена императора и Аспар убедили Льва поставить во главе экспедиции Василиска.

¹⁹ Патрикий – один из высших титулов, дававший право занимать высокие посты.

По всему восточному Средиземноморью собрали более 1000 судов и более 100 000 человек. Такая сила должна была просто смять армию вандалов, и при любом другом военачальнике, конечно, так бы и произошло. Но не при Василиске. По прибытии в порт Меркурион Гейзерих направил к нему послов. Те сообщили византийцу, что король вандалов готов заключить мир на выгодных для империи условиях, но просил пять дней, чтобы их выработать. Василиск согласился и тем самым совершил величайшую ошибку в своей жизни. Гейзерих потратил это время на подготовку военного флота, и на пятый день его корабли подошли к Меркуриону, буксируя брандеры²⁰. Когда флотилия вошла в гавань, брандеры были подожжены и направлены по ветру на плотно выстроенный византийский флот. Пламя начало быстро распространяться с одного судна на другое, и в течение нескольких часов большая часть кораблей сгорела. Василиск вернулся в Константинополь, где был вынужден искать убежище в соборе Св. Софии. Только страстные мольбы сестры Льва заставили императора пощадить жизнь Василиска.

Льва считали самым удачливым и успешным из числа всех византийских императоров, правивших до сих пор; он был если и не любим, то по крайней мере уважаем своими подданными. Хотя он едва ли заслуживал именование «великий» – которое ему, очевидно, было дано более за его религиозную ортодоксальность, чем за какие-то иные качества, – в целом Лев являлся справедливым и милосердным правителем, и когда он 3 февраля 474 г. умер, то руки его – по стандартам того времени – были крайне незначительно запачканы кровью.

За пять месяцев до кончины он назначил себе преемника: не своего зятя Зенона, как все того ожидали, но семилетнего сына последнего, которого, как и его деда, звали Львом. Почему он так сделал, мы не можем сказать, однако известно, что примерно так Ариадна, мать малолетнего императора, проинструктировала своего сына: когда твой отец явится к тебе для формального засвидетельствования почтения, следует тут же назначить его своим соправителем. Девять месяцев спустя маленький Лев неожиданно был обнаружен мертвым, и одним из первых деяний Зенона по восшествии на трон стало прекращение войны с вандалами, которые более никогда не причиняли беспокойства империи.

Но над Константинополем уже собирались очередные грозные тучи. К этому моменту исавры стали крайне непопулярны в стране. Будучи подданными империи, формально исавры не могли быть названы варварами, однако для византийцев они оказались гораздо более нежелательными, чем доминировавшие ранее в армии германцы: горластые и спесивые исавры проявляли постоянную склонность к насилию. Естественно, что Зенон, будучи исавром, стал испытывать враждебность со стороны своих подданных. Но она не шла ни в какое сравнение с той крайней ненавистью, которую питали к нему императрица-мать Верина и ее брат Василиск.

Последний, несмотря на свое фиаско в Африке, мечтал сам заполучить диадему; императрица же хотела, чтобы она досталась ее новому любовнику Патрицию, главе дворцовой канцелярии. Но они были едины в желании избавиться от Зенона. В низвержении императора им взялся помочь исаврийский полководец Илл. В один из ноябрьских дней 475 г., когда император присутствовал на ипподроме, выступая распорядителем организованного там действия, он получил срочное послание от своей тещи: армия, сенат и народ объединились против него, и ему следует тотчас бежать. В ту же ночь Зенон с женой и матерью покинул город; прибежище он нашел в родной Исаврии.

Императором был провозглашен Василиск, который, впрочем, недолго продержался на троне. Он утратил доброе расположение своей сестры, убив ее любовника. Он восстановил против себя своих византийских подданных, введя непомерные налоги. Он настроил против

²⁰ Брандер – судно, нагруженное горючими и взрывчатыми веществами, предназначавшимися для сожжения неприятельских кораблей.

себя церковь, пытаясь ввести монофизитство во всей империи, и даже издал указ об упразднении константинопольского патриархата, после чего патриарх Акакий задрапировал главный престол собора Св. Софии в черный цвет, а известный столпник города Даниил впервые за пятнадцать лет спустился со своего столпа. Последнее настолько устало Василиска, что он немедленно отменил свой необдуманный указ. Глядя на все это, Илл, который помог Василиску взойти на престол, решил вернуть к власти Зенона и отправился в убежище. Начались военные действия. Против Илла и Зенона император снарядил войско, поставив во главе его своего племянника Гармация. Этот инфантильный молодой человек, став по воле дяди военачальником, завел обыкновение вышагивать вокруг ипподрома в костюме Ахилла. Против Зенона и Илла он сражался недолго: те пообещали Гармацию должность префекта претория, и он перешел на их сторону. В июле 477 г. Зенон вернулся в столицу, не встречая сопротивления. Василиск уступил власть с условием, что его кровь не будет пролита. Вместе с семьей он был сослан в глубь Каппадокии, где холодная и голодная зима окончательно решила его судьбу.

Во время отсутствия Зенона в Константинополе произошло событие из разряда исключительных – потерпела крах Западная империя. Обстоятельства, приведшие к этой катастрофе, крайне сложны и лежат вне темы данной книги, потому они не будут здесь подробно описаны. Достаточно сказать, что в 476 г. варварский полководец Одоакр сместил с престола императора – ребенка Ромула Августула, назначил ему щедрое содержание и отослал на попечение его родственников, проживавших в Кампанье. Услышав, что Зенон вернул себе трон, Одоакр направил послов в Константинополь, чтобы засвидетельствовать свое особое уважение к восточному императору и вручить ему имперские регалии Запада – как знак того, что он, Одоакр, сам не претендует на верховную власть. Он просил лишь присвоить ему титул патрикия – в этом ранге именем императора Одоакр намеревался захватить власть в Италии.

Означало ли, однако, отречение Ромула Августула 4 сентября 476 г. окончательную ликвидацию Западной Римской империи? Разве ранее не правили сразу по нескольку его августов, включая узурпаторов? И разве Одоакр чем-то отличался от других варварских военачальников, занимавших верховные посты, – Арбогаста, Стилихона и прочих? Почему же именно вышеозначенная дата считается концом Западной империи? Потому что Одоакр отказался принять титул императора. В прошлом эти все императоры Западной империи, даже будучи марионеточными, носили титулы августов – соответственно каждый из них являлся символом и постоянным напоминанием об имперской власти. Одоакр попросил титул патрикия – на практике, правда, он предпочитал использовать титул *Rex*²¹. Пройдет более трех столетий, прежде чем на Западе появится новый император. Но на этот раз он будет не римлянином, а франком, скорее противником, нежели союзником правителей Восточной империи, да и столица его окажется в Германии, а не в Италии.

Решение Одоакра также создало в Риме политический вакуум. Люди инстинктивно начали искать другую патерналистскую фигуру. И тогда они возвысили епископа Рима, уже являвшегося примасом христианского мира, наделив его как светской, так и духовной властью, введя пышные, полумистические формы церемониала, в прежние времена использовавшиеся для почитания императора. Началась эпоха средневекового папства.

В Константинополе устранение Василиска не сильно помогло восстановлению гармонии в государстве. Высокомерие и нарциссизм Гармация достигли такой степени, что в императорском дворе начали опасаться за его душевное здоровье и лояльность к императору. После долгой и мучительной борьбы со своей совестью Зенон наконец решил, что Гарма-

²¹ *Rex* – король (лат.).

ция следует устранить. В среде его многочисленных врагов нашли подходящего человека, и вскоре убийца привел приговор в исполнение.

В 483 г. вспыхнуло серьезное восстание, центральной фигурой которого оказался Илл. Повстанцем этот полководец стал не от хорошей жизни. Сначала на него с мечом в руке покушался один из императорских рабов. Потом, в 478 г., дворцовая стража обезвредила еще одного потенциального убийцу, который признался, что действовал по велению префекта Эпиника и императрицы Верины. Осознав, что его жизнь находится в серьезной опасности, Илл на некоторое время отправился к себе на родину, в Исаврию. В сентябре 479 г. произошло сильное землетрясение, которое серьезно ослабило стены Константинополя, и Зенон, опасаясь, что готы могут этим воспользоваться и атаковать столицу, призвал Илла вернуться назад. Тот согласился с одним условием – ему должна быть выдана Верина. Зенон не испытывал любви к теще, и вдовствующую императрицу заключили в исаврийскую крепость. Илл в знак особой благосклонности к нему был назначен главой дворцовой канцелярии, но в 482 г., во время посещения ипподрома, на него без всякого предупреждения набросился императорский гвардеец. Оруженосцу Илла удалось отклонить удар, однако лезвие меча все же отсекло полководцу правое ухо. На этот раз подстрекателем преступления оказалась императрица Ариадна, которая мстила Иллу за то, как он обошелся с ее матерью. После этого глава дворцовой канцелярии счел за благо вновь удалиться в Анатолию.

И тут вспыхнуло восстание в Сирии, где некий Леонтий пытался восстановить древнюю языческую религию. Иллу было приказано взять на себя командование восточными армиями и восстановить имперское правление. По-видимому, испытывая благодарность за эту предоставленную возможность вновь продемонстрировать августу свои полководческие качества, он сразу же поспешил в Сирию, но по прибытии обнаружил, что на месте управление войсками осуществляет некомпетентный и распутный брат императора Лонгин, который принял нового командующего крайне неприветливо. Вспыхнула жестокая ссора; в итоге Илл арестовал Лонгина и посадил в тюрьму.

Эту акцию, предпринятую против весьма могущественного противника, разумной, конечно, не назовешь, но реакция императора была еще более неблагоприятной. Он распорядился, чтобы его брата немедленно освободили, объявил Илла своим врагом и конфисковал его имущество, вынудив таким образом исавра перейти в противоположный лагерь. Илл стал действовать заодно с мятежником. Они освободили престарелую императрицу Верину, и та в торжественной обстановке короновала Леонтия в Тарсе, а потом сопровождала его в Антиохию, где 27 июня 484 г. он основал свой двор, начавший соперничество с двором Зенона.

Император стал искать себе союзников, в числе которых оказался молодой варвар по имени Теодорих, князь остготов, согласившийся повести армию своих подданных против мятежников. Последние были вытеснены в глубь Исаврии. Здесь умерла Верина, о чем никто не пожалел, и здесь же в 488 г. Илл и Леонтий сложили оружие. Их головы были отрублены и отправлены в Константинополь. Восстание закончилось.

Этот успех был в основном заслугой Теодориха. Он родился примерно в 454 г. и десять детских лет находился в заложниках в Константинополе. Возможно, этот опыт дал ему не так уж много в интеллектуальном плане – всю свою жизнь Теодорих подписывался через трафарет, которым служила перфорированная золотая пластинка, – но знание византийской жизни сослужило ему хорошую службу, когда в 471 г. он занял место своего отца, став предводителем восточных готов. Пытаясь найти и обеспечить для своего народа постоянное место обитания, Теодорих почти двадцать лет провел в сражениях – иногда за, иногда против Зенона. В итоге оба они с радостью подписали соглашение – в 487 г. или начале 488 г., – в соответствии с которым Теодорих должен был привести весь свой народ в Италию, низвергнуть Одоакра и править этой землей как Остготским королевством, подчиняющимся верховной

имперской власти. В начале 488 г. произошел великий исход: мужчины, женщины и дети с лошадьми и вьючными животными, с коровами и овцами медленно продвигались через равнины центральной Европы в поисках более зеленых и более спокойных пастбищ.

Понятно, что Одоакр встретил пришельцев неласково, но в феврале 493 г. было достигнуто соглашение о прекращении военных действий. Договорились, что Теодорих и Одоакр будут править Италией совместно, разделив между собой равеннский дворец.

Однако у Теодориха не было намерения держать слово. Всего лишь через десять дней после вступления в Равенну, 15 марта, он пригласил Одоакра, его брата, сына и самых высокопоставленных офицеров его армии на пиршество, проходившее в дворцовом крыле, занимаемом Теодорихом. Когда Одоакр уселся на почетное место, Теодорих одним мощным ударом меча разрубил его от ключицы до бедра. Получившийся эффект удивил даже самого остготского вождя. «У несчастного не было в теле костей», – рассмеялся он. Людей Одоакра быстро перебила стража, его брат бросился бежать, но был поражен стрелой. Жену Одоакра бросили в тюрьму, где она умерла от голода, а сына казнили.

Теодорих отказался от кож и шкур, которые были в обиходе у его народа, облачился в порфиру и начал править Италией. Он, однако, не забыл свое соглашение с византийцами. Теодорих остался вассалом, который, как и все его подданные, должен был выказывать преданность императору. Хотя на монетах Теодориха изображалась его монограмма, портрет на них чеканили только Зенона. Сам Теодорих ничего не имел против своего статуса. Римские граждане в Италии, намного превосходившие готов числом, с гораздо большей охотой подчинялись императорскому наместнику, нежели иноземному поработителю. Тем более что Теодорих дозволил им жить так, как они всегда жили, и все их имущество осталось нетронутым.

Правление Теодориха началось с коварства и кровопролития; ближе к его концу, в 524 г., был заключен в тюрьму и казнен философ Боэций, о чем впоследствии Теодорих горько сожалел. За этими исключениями его тридцатитрехлетнее правление оказалось мирным и исключительно благополучным. Он выстроил для себя совершенно выдающийся мавзолей, который до сих пор стоит в Равенне, – полуклассический-полуварварский по характеру и мощи своей архитектуры. Со смертью Теодориха, наступившей 30 августа 526 г., Италия потеряла величайшего из своих правителей периода раннего Средневековья, равных которому не появлялось до прихода к власти Карла Великого.

5

Возвышение Юстиниана (493–540)

Император Зенон умер 9 апреля 491 г. в Константинополе. К этому моменту ему практически удалось освободить империю от готов. Единственная проблема, которую Зенону не удалось решить, была религиозная: монофизитская ересь продолжала распространяться. В 482 г. Зенон и патриарх Акакий вместе попытались сгладить противоречия, заявив, что Христос одновременно был и Богом, и человеком, при этом совершенно избегая слова «природа». Однако они лишь пробудили враждебное отношение к себе с обеих сторон. Более всех негодовал папа Феликс III, особенно после назначения в александрийский патриархат Павла Заики – клирика, чьи высказывания (в тех случаях, когда были сколько-нибудь понятны) носили совершенно монофизитский характер. На синоде в 484 г. папа Феликс даже отлучил от церкви константинопольского патриарха. Но поскольку не нашлось ни одного смельчака, который взялся бы огласить приговор, его начертали на куске пергамента и прикололи к изнанке ризы Акакия. Обнаружив это во время службы в соборе Св. Софии, патриарх немедленно отлучил от церкви самого папу, обозначив таким образом наличие явного раскола между церквями, которому суждено было продолжаться следующие тридцать пять лет.

К концу правления Зенон уже явно начал угасать – и физически, и интеллектуально. Его единственный сын к тому времени уже умер – изнуренный гомосексуальными излишествами и венерической болезнью. Ожидалось, что преемником Зенона станет его распутный брат Лонгин, который к 490 г. уже фактически управлял государством, но того обошли стороной, а выбор пал на некоего Флавия Анастасия – во многом благодаря Ариадне, которая вскоре вышла за него замуж.

У шестидесятилетнего Анастасия была репутация честного и цельного человека. «Правь, Анастасий, так, как ты жил!» – кричали византийцы, когда он впервые появился перед ними в императорской порфире. Анастасий честно выполнил их пожелания, и когда его подданные обнаружили, что жить при этом императоре стало куда более скучно, чем ранее, то винить в таком повороте событий могли только самих себя. Анастасий с его крайней бережливостью в сочетании с пуританской моралью сделал Константинополь довольно-таки тоскливым местом. Так, были запрещены состязания с участием диких зверей, а горожанам более не разрешалось устраивать ночных празднеств на том основании, что они ведут к падению нравов. Между тем кампания Анастасия против неоправданных общественных расходов сделала имперскую казну богаче на 32 000 фунтов золота.

В своей религиозной политике Анастасий был менее успешен. Подлинно набожный человек, во время правления предыдущего императора он проводил регулярные теологические семинары в соборе Св. Софии. Однако позднее Анастасий стал склоняться к монофизитству и патриарх Евфимий отказался венчать его на царство до тех пор, пока кандидат в императоры не подпишет под заявлением о приверженности православию. Анастасий, искренне веривший в то, что он строго придерживается решений Халкидонского собора, подписал это заявление без колебаний, но недруги императора сразу же обвинили его в том, что он пожертвовал своими принципами во имя политической выгоды. Наиболее крупной фигурой среди них был Лонгин, считавший, что Анастасий занимает на троне его место. Вскоре он собрал вокруг себя толпу смутьянов, в основном исавров, которые устроили в городе беспорядки. В результате возникли пожары, уничтожившие несколько самых красивых зданий Константинополя. В 492 г. Лонгин был арестован и выслан, но периодические потасовки в городе продолжались. Лишь с большим трудом удалось восстановить порядок, после чего все исавры были изгнаны из столицы – в том числе семья Зенона. В Константи-

нополе наконец воцарилось спокойствие, хотя в Анатолии война с исаврами продолжалась еще три года.

Другим постоянным источником беспокойства являлось разделение населения на две соперничающие группировки – Синих и Зеленых. Их названия происходили от цветов, в которые были одеты две основные команды возниц. Лидеры группировок назначались правительством, поскольку оно возлагало на эти объединения важные обязанности, в том числе функции охраны порядка и поддержания в должном состоянии оборонительных укреплений. Во всех основных городах империи Синие и Зеленые существовали как две полуполитические партии, которые иногда создавали совместные отряды местной милиции. В этот период Синие в основном представляли собой партию крупных землевладельцев и старой греко-римской аристократии, тогда как Зеленые числили в своих рядах представителей торгового сословия, промышленников и чиновников. Многие члены этой последней группы вышли из восточных провинций, где монофизитская ересь была особенно распространена. Таким образом, Синие постепенно стали ассоциироваться с православием, Зеленые же – с монофизитством. Анастасий сначала старался сохранять беспристрастность, однако вскоре инстинктивные устремления в сторону монофизитства привели его в лагерь Зеленых.

Враждебность между двумя димами (как они сами себя называли) неуклонно возрастала на протяжении всего времени его правления. Она достигла своего пика в 511 г. и вылилась в беспорядки, которые едва не привели к низложению императора. Анастасию шел уже девятый десяток, и его монофизитские симпатии стали очевидными для всех. Патриарх Евфимий, обвиненный в поддержке исавров, был выслан из города; его преемник Македоний, кротчайший из людей, постепенно стал понимать, что с правителем невозможно вести общие дела. Дело дошло до критической точки, когда Македония обвинили в разжигании мятежа в соборе Св. Софии – на деле же то была намеренная провокация монофизитов. Жители Константинополя, разъяренные несправедливыми обвинениями, выдвинутыми против патриарха, двинулись к императорскому дворцу, но, к счастью для Анастасия, Македоний немедленно объявил, что поддерживает его.

Вся эта история не стала для императора полезным уроком – он был слишком стар, чтобы менять убеждения. Македония выслали из Константинополя, и в ноябре 512 г. вспыхнул еще более серьезный мятеж. И тут Анастасий проявил себя должным образом. Появившись в цирке перед двадцатью тысячами разъяренных подданных, он медленно снял с головы диадему. Император сказал им, что готов сложить с себя бремя власти; все, о чем он их просит, – назвать имя его преемника. Если же народ предпочтет, чтобы именно он продолжал исполнять свои обязанности, то более у них никогда не будет повода для беспокойства. Высокий, убеленный сединами, император все еще оставался очень красивым человеком, а голос его был уверенным и убедительным. Постепенно шум стих, ситуация благополучно разрешилась. На протяжении длительного правления Анастасия было еще множество других угроз миру и спокойствию империи, однако ни одна из них не имела серьезных последствий.

Мне показалось уместным достаточно детально описывать религиозные мятежи, чтобы высветить тот аспект повседневной жизни Византии, который для нашего времени представляется труднодостижимым: все классы общества были вовлечены в споры о проблеме, сегодня воспринимаемой как малопонятная доктринальная тонкость.

Когда правление престарелого Анастасия уже подходило к концу, он, как гласит легенда, возымел желание выяснить, кто из трех его племянников должен занять трон. Будучи по своей природе очень суеверным человеком, он пригласил их на обед и приготовил три ложа, на которых они смогут после принятия пищи отдохнуть. Под подушкой одного из

лож император положил кусок пергамента, на котором начертал слово *regnum*²²; Анастасий считал, что тот, кто выберет именно это ложе, и должен наследовать престол. Увы, двое молодых людей, чьи взаимные симпатии, по-видимому, несколько выходили за рамки обычных семейных привязанностей, решили отдохнуть вместе и как раз императорское ложе осталось нетронутым. После страстных молитв Анастасия о ниспослании ему знака, императору наконец открылось, что его преемником должен стать человек, который первым войдет в его спальню на следующий день. Им оказался Юстин, начальник стражи. Анастасий покорно склонил голову перед Божьей волей.

Юстин происходил из фракийских крестьян, и ему шел седьмой десяток. Это был необразованный, абсолютно неграмотный человек. Его жена Люпицина имела еще более низкое происхождение – она была рабыней и наложницей, пока ее не выкупил Юстин. Другими словами, несмотря на свои несомненные воинские способности, новый правитель не слишком соответствовал более-менее сложившемуся величественному образу византийского императора. Однако он, по-видимому, обладал изрядными амбициями и крепким крестьянским умом. Юстин стойко придерживался православных взглядов, прямо выступая против партии Анастасия с ее монофизитскими симпатиями, и открыто встал на сторону Синих в их борьбе против потерявших популярность Зеленых. Армия его любила и уважала, и мало кто сомневался, что в случае новых мятежей император подавит их уверенно и жестко. Но самым ценным достоянием Юстина был его племянник Юстиниан, который, как представляется, немало поспособствовал возвышению своего дяди. Именно Юстиниан довел до конца процесс примирения византийского трона с папским престолом после тридцатипятилетнего раскола. Прославился он также тем, что отпраздновал свое вступление в консульскую должность в 521 г. организацией на ипподроме самых ярких и дорогостоящих развлечений и публичных зрелищ из всех, какие когда-либо видел Константинополь. 3700 фунтов золота были потрачены на декорации, сценическую машинерию и щедрые дары народу, а гонки на колесницах вызвали такой ажиотаж, что последний заезд пришлось отменить из страха перед общественными беспорядками. Контраст с аскетическим, крайне экономным периодом предыдущего правления был налицо, что вызвало у византийцев определенные надежды на лучшее будущее. И действительно, империя стояла на пороге нового, славного века, в котором под началом гордого, победоносного, во всех отношениях блестящего императора будут отвоеваны утраченные территории государства и возвращено его былое величие.

Юстиниан родился в 482 г. – как и его дядя, во Фракии. Он прибыл в Константинополь еще в детском возрасте, почти несомненно, по приказанию Юстина. Решение было правильным: нигде, кроме как в столице, мальчик не смог бы получить образование высокого уровня. Ко времени смерти Анастасия он был офицером *схола*²³ в одном из дворцовых полков. По-видимому, к этому моменту Юстин уже формально усыновил его и юноша в знак благодарности взял себе имя, с которым и вошел в историю. Одним из первых деяний Юстина после облачения в порфиру стало возведение своего племянника в ранг патрикия и назначение его комитом domestikov – командиром дворцовой стражи. С этого самого момента и началась реальная власть Юстиниана.

Император сразу же выказал готовность находиться под фактическим началом племянника, и на протяжении всей оставшейся жизни вполне довольствовался ролью марионетки. Соответственно Юстиниану следует поставить в заслугу все самые важные достижения имперской власти, которые пришлось на период правления его дяди. В первую очередь –

²² *Regnum* – царская власть (лат.).

²³ *Схол* – элитная кавалерийская гвардия.

это заделывание бреши в отношениях с Римом, которая начала разрастаться с того момента, когда в 484 г. к ризе патриарха Акакия было приколото постановление о его отлучении от церкви. Возникшая ситуация, по мнению Юстиниана, наносила исключительный вред тому сущностному единству, которое следовало поддерживать любой ценой: точно так же как существовал единый Бог, должны были существовать единая империя и единая церковь. 25 марта 519 г. папское посольство прибыло в Константинополь. У десятого мильного камня его встретил сам Юстиниан. Два дня спустя в соборе Св. Софии патриарх Иоанн объявил, что церкви Старого и Нового Рима являются единой и неделимой церковью, а также торжественно предал анафеме целый ряд еретиков, в том числе своего предшественника Акакия. В заключение из диптихов²⁴ торжественно вычеркнули имена Зенона и Анастасия. Расколу был положен конец. Для Византии он обошелся ценой почти безусловной моральной капитуляции, но для Юстиниана такая цена не выглядела слишком уж большой за то, что церковь наконец воссоединилась.

Через один или два года после этого в жизни Юстиниана наступил новый поворотный момент – встреча с будущей императрицей. Отец Феодоры содержал медведей на ипподроме, ее мать была акробаткой – уже этого хватало с избытком, чтобы закрыть ей путь в высшее общество. Но и в биографии самой Феодоры имелось много чего интересного. Будучи совсем юной, она вместе с тем обрела славу самой отъявленной куртизанки Константинополя. Перу ее современника Прокопия принадлежит весьма откровенная характеристика Феодоры – вряд ли в мировой истории писалось в отношении королевы или императрицы что-либо подобное:

«Когда Феодора была еще слишком незрела, чтобы вступать в половые отношения как женщина, она действовала так, как мог бы действовать проститутка-мужчина – чтобы таким неестественным образом удовлетворить тех подонков общества, которые проводили свое время в публичном доме... Но как только она достигла зрелости, то стала настоящей шлюхой. Никогда ни одна женщина не предавалась плотским утехам с такой неутомимой страстью. Не раз она посещала пиршества с десятью и более мужчинами – все они были одержимы страстью к блуду и находились на пике своих сил. И она возлежала со своими спутниками целую ночь. Когда же она доводила их до истощения, то шла к их слугам – иногда их число достигало тридцати – и совокуплялась с каждым по очереди, но даже тогда не могла удовлетворить свою похоть. И хотя она использовала три отверстия в своем теле, она обыкновенно жаловалась на то, что природа не снабдила ее более крупными отверстиями в сосках, так чтобы она могла затеять новую форму половых сношений. Зачастую в театре, на виду у всех... она ложилась на спину, и специально подготовленные для этого рабы посыпали зернами ячменя ее половые органы, а натренированные для этой задачи гуси склевывали зерна одно за другим».

Став любовницей чиновника среднего ранга, она вместе с ним поехала в Северную Африку. Получив отставку после очередной жестокой семейной ссоры, Феодора заработала себе денег на обратный путь тем единственным способом, который знала. Но, находясь в Александрии, она, по-видимому, познакомилась с некоторыми серьезными клириками и, возможно, даже обрела определенный религиозный опыт. Похоже, что она вернулась в Константинополь уже совсем другим человеком. Но одна черта Феодоры совершенно точно осталась неизменной – ее сильная привязанность к партии Синих. Юстиниан также благоволил Синим, и, возможно, при их посредничестве он впервые повстречал Феодору – на тот

²⁴ Во времена раннего христианства эти диптихи содержали списки особо выдающихся христиан, чьи имена регулярно упоминались во время евхаристии. – Примеч. авт.

момент она была на середине своего четвертого десятка. Эта женщина сразу же пленила его, и он решил взять ее в жены.

Препятствием к браку стало крайне враждебное отношение к Феодоре императрицы. Люпицина, обнаружив наконец женщину, имеющую еще более низкое происхождение, чем она, стала унижать Феодору всеми возможными способами. Но в 524 г. императрица умерла, и в 525 г. Юстиниан и Феодора венчались в соборе Св. Софии. 4 апреля 527 г. они были коронованы как соправитель императора и императрица, а когда 1 августа скончался и Юстин, Юстиниан и Феодора оказались единственными верховными правителями Византийской империи. Акцентирование множественного числа здесь очень важно. Феодора стала не просто императрицей-супругой, а по настоянию Юстиниана правила вместе с ним; муж и жена советовались друг с другом, принимали совместные решения по всем важнейшим государственным делам.

Нам неизвестно, что константинопольцы думали о браке Юстиниана. Но наверняка в глазах многих такой мезальянс представлялся позором для империи. Впрочем, Юстиниан и без того пользовался любовью народа, который оплачивал из своего кармана весьма дорогостоящие акции императора. Так было с войной с Персией; так было с «Вечным миром» 532 г., которым она закончилась, – по этому соглашению византийцы выплачивали ежегодную дань персам в 11 000 фунтов золота (что никогда не афишировалось). Так было и с монументальной программой строительства религиозных сооружений, которую Юстиниан начал с возведения величественной церкви, посвященной Богородице Влахернской, в том месте, где Феодосиева стена нисходила к Золотому Рогу, – продолжением этой программы стало восстановление еще семи церквей. А в первые же дни после восшествия на престол он построил в память о святых мучениках Сергии и Вакхе церковь, которая по своему великолепию уступала в Константинополе только собору Св. Софии.

Для всех этих и многих других целей необходимые средства были собраны, естественно, путем усиленного сбора налогов. Подобные меры никогда не приветствуются, но народное недовольство было подогрето еще и действиями Иоанна Каппадокийского, ответственного за налоговую политику империи. Находясь в должности префекта претория, Иоанн стал придерживаться жесткой экономии в снабжении армии, ввел новые налоги, которыми оказались охвачены как богатые, так и бедные слои населения, а тех, кто, по его мнению, обладал сокрытыми богатствами, он бросал в тюрьмы, подвергал порке и пыткам. Всеобщую смуту вызывала и моральная развращенность Иоанна. По словам его современника, писателя Иоанна Лидийского, не было «ни одной жены, девы или юноши, совершенно огражденных от поругания их чести». В силу этих причин к началу 532 г. Иоанн являлся самым ненавидимым человеком в империи.

Однако был еще один деятель, который мог составить ему конкуренцию в этом отношении: речь идет о юристе Трибониане, назначенном в 529 г. квестором – высшим должностным лицом империи по юридической части в правительстве. Иоанн был по крайней мере христианином и решительным борцом с коррупцией; Трибониан же являлся язычником, да к тому же слыл нечистым на руку. Как замечает Прокопий, «он всегда был готов продать правосудие ради наживы, и в его обыкновении было почти ежедневно отменять одни законы и предлагать другие, сообразуясь с требованиями тех, кто покупал его услуги». С другой стороны, Трибониан слыл весьма квалифицированным специалистом в своей области и в его лице Юстиниан нашел юриста, способного осуществить давно лелеемую императором мечту. Речь шла о полной рекодификации римского права. Он хотел заменить путаные и противоречивые формулировки и избавиться от норм закона, противоречащих христианскому учению. Под председательством Трибониана к работе приступила специальная комиссия, назначенная императором. 8 апреля 529 г., менее чем через четырнадцать месяцев, новый кодекс был готов. Через неделю он вступил в силу, став самым авторитетным документом

для всех судов в империи. В 530 г. вторая комиссия под председательством Трибониана начала собирать труды всех древнеримских юристов. Работа, известная как «Дигесты», или «Пандекты», являла собой первую попытку оформить эти труды в методическую систему. Наконец в 533 г. появились «Институции» – учебное руководство, разработанное для использования в имперских юридических школах, в нем были собраны тезисы из основных работ древнеримских юристов.

В сравнении с тем огромным вкладом, который Трибониан внес в имперскую юриспруденцию, нарушение им профессиональных норм в практической работе представляется не слишком серьезным деянием. Однако нет сомнения, что и он, и Иоанн Каппадокийский несут значительную долю ответственности за то, что в первые годы правления Юстиниана число недовольных его деятельностью все более росло. 13 января 532 г., когда император занял свое место на ипподроме, чтобы подать сигнал к началу состязаний, его появление было встречено неодобрительным гулом. Неожиданно он осознал, что едва ли не впервые в истории Зеленые и Синие объединились, и это объединение направлено против него. «Ника! Ника!» («Побеждай! Побеждай!») – стали кричать зрители. Обычно этим призывом подбадривали возниц, но сейчас он прозвучал как сигнал к мятежу.

Первой целью возбужденной толпы стал дворец городского префекта, где мятежники освободили всех узников, прежде чем поджечь здание. Оттуда они перешли к преторианской префектуре, потом – к зданию сената, далее – к двум великим соборам – Св. Ирины и Св. Софии. За толпой тянулся огненный след. К концу дня все эти здания и бесчисленное множество других превратились в руины. В течение пяти дней и ночей город застилал густой дым. Мятежники наконец предъявили свои требования императору: сместить с должностей Иоанна Каппадокийского, Трибониана и городского префекта Эвдаймона. Юстиниан, серьезно встревоженный создавшимся положением, сразу же уступил напору толпы. Но ей уже было этого мало и мятежники решили избрать нового августа. Ипатий, старший племянник бывшего императора, постарался как можно лучше спрятаться, когда толпа начала выкликать его имя, но он был найден и принесен на плечах на ипподром и там же коронован ожерельем одного из мятежников.

Между тем в стоявшем за ипподромом дворце отчаявшийся Юстиниан обсуждал ситуацию со своими советниками. Император уже сделал все необходимые приготовления к тому, чтобы в любой момент он и его двор смогли покинуть столицу. По мнению Юстиниана, этот момент как раз и наступил. И вдруг взяла слово Феодора, заявив, что нельзя даже помышлять о бегстве. «Как вообще император, – продолжила она, – может позволить себе стать беженцем? Да никогда не произойдет того, чтобы я по своей воле скинула императорскую мантию или же узрела день, когда меня более не величают по моему титулу. Если ты, мой император, желаешь спасти свою шкуру, то волен действовать по собственному усмотрению. Что же до меня, то я буду придерживаться древнего изречения: порфира – вот самый благородный саван».

После такой речи никто уже не предлагал оставить город; все согласилось с тем, что кризис следует разрешить силой оружия. К счастью, во дворце присутствовали два лучших полководца империи: романизированный фракиец Велисарий, которому еще только третий десяток лет, и иллириец Мунд, командовавший скандинавскими наемниками. Оба тайно покинули дворец, собрали своих солдат и разными маршрутами двинулись к ипподрому. Там они с двух сторон атаковали мятежников, которые совершенно не ожидали нападения. В то же время командир императорской охраны, армянский евнух по имени Нарсес, имевший обманчиво хрупкую внешность, разместил своих людей на главных выходах с ипподрома, приказав убивать всех, кто попытается убежать. Через несколько минут в большом амфитеатре послышались стоны раненых и умирающих. Синих резали без всякого разбора. Вскоре все стихло. Покуда наемники обыскивали 30 000 тел, выгребая из карманов ценные вещи,

дрожащего Ипатия привели к императору. Юстиниан имел намерение выказать милосердие, но Феодора остановила его: этот человек, сказала императрица, был коронован народом, в любой момент он может оказаться в фокусе нового восстания. Супруг, как всегда, подчинился ее воле. На следующий же день Ипатия и его брата казнили, а их тела бросили в море.

Восстание «Ника» (как его поименовали) стало для Юстиниана хорошим уроком. Он восстановил Трибониана и Иоанна Каппадокийского в прежних должностях, но с этого времени размеры налогов уже никогда не выходили за разумные границы и подданные стали более осмотрительны. Они осознали, что императоров нельзя так запросто назначать и смещать, как им казалось ранее.

Между тем и для императора, и для народа работы было достаточно. Столица лежала в руинах, ее следовало восстановить. Не теряя времени даром, Юстиниан решил заново отстроить собор Св. Софии, и 23 февраля 532 г. работа началась. Это будет третья – и уже окончательная – версия собора Св. Софии, Премудрости Божией. По замыслу императора, новое здание должно сохранить облик своих предшественников, но ему надлежало быть намного больше: предполагалось, что собор станет самым крупным культовым центром во всем христианском мире. Юстиниан также хотел сделать церковь квадратной, а не прямоугольной. Кроме того, вершинная точка архитектурного сооружения должна была приходиться не на апсидное святилище в восточном конце, но на высокий центральный купол. Концепция была настолько революционной по сути, что император, возможно, уже разрабатывал ее с двумя выбранными им архитекторами – Анфимием из Тралл и Исидором из Милета – задолго до восстания «Ника». Ведь при всей несомненной гениальности зодчих они едва ли могли подготовить рабочие рисунки менее чем за шесть недель.

По-видимому, с самого начала Юстиниан дал двум архитекторам карт-бланш. Единственные условия, которые он поставил перед ними, – здание должно быть возведено в максимально сжатые сроки и своим великолепием превосходить все иные культовые сооружения. Для ускорения строительства Юстиниан направил 5000 человек на северную сторону объекта и 5000 – на южную, так чтобы бригады соревновались друг с другом. Губернаторам провинций было велено ненадолго отправить в столицу все сохранившиеся элементы классических построек, которые можно было бы использовать для инкорпорирования в новую структуру. Из Рима прислали восемь порфировых колонн, некогда являвшихся частью храма Солнца, из Эфеса прибыло восемь колонн из зеленого мрамора. Вся поверхность интерьера над мраморной облицовкой покрыли мозаикой – либо однородно золотой, либо выложенной в форме декоративных узоров, в которые были добавлены красные, синие и зеленые мозаичные кубики. Большая часть этой оригинальной работы до сих пор присутствует на своем месте.

Но великолепие церкви не сводилось к одним лишь поверхностным украшениям – и в архитектурном плане она представлялась прихожанам той поры почти чудом. Посетителей более всего поражал купол: 107 футов в диаметре, на высоте 160 футов от пола, – он был в несколько раз шире и выше всех когда-либо создававшихся ранее, напоминал пустое блюдо, вдоль ободка которого пробито сорок окошек, так что казалось, будто оно «подвешено к небу на золотой цепи». Взору потрясенных византийцев представляли также: пятидесятифутовый иконостас из цельного серебра, алтарь, инкрустированный золотом и драгоценными камнями, огромный круглый амвон для проповедника, сверкающий многоцветным мрамором и мозаикой. В церкви имелось бесчисленное множество золотых светильников. Собор Св. Софии не имел себе равных по количеству и ценности представленных реликвий. В первую очередь следует назвать Честной Крест Господень, привезенный из Иерусалима императрицей Еленой наряду с другими предметами, так или иначе связанными с крестными муками. Нельзя не упомянуть также пелены Христа и стол, за которым он и его апостолы сидели во время Тайной вечери. Неудивительно, что Юстиниан, первый раз войдя в здание – строительство

которого продолжалось пять лет десять месяцев четыре дня после закладки первого камня, – долгое время стоял молча и затем прошептал: «Соломон, я превзошел тебя»²⁵.

После восстания «Ника» и через восемь месяцев после заключения мира с Персией в стране воцарилось спокойствие, так что у Юстиниана появилась возможность задуматься о восстановлении Западной империи. Ранее об этом не приходилось и мечтать: Византия тратила слишком много сил для защиты собственной территории от германских и славянских племен, создававших постоянную напряженность на границах, а перманентная инфильтрация варваров в имперскую армию ставила под вопрос ее преданность верховному правительству. Но теперь эти проблемы были в целом решены; более того, Юстиниан нашел в лице Велисария человека, на которого, по его мнению, он мог попытаться в решении серьезных военных задач. Военный талант, отвага и физическая крепость этого полководца не вызывали сомнения и по своей природе он был настоящим лидером. У него имелось только одно слабое место – жена.

Юность Антонины прошла в стенах театра и на арене цирка, и ее прошлое – пусть и не такое феерическое, как у Феодоры, – было далеко не безупречным. Будучи как минимум на двенадцать лет старше мужа, она уже имела нескольких детей, рожденных как в браке, так и вне его. В отличие от императрицы она не предприняла никаких попыток изменить свой характер после создания семьи, и в последующие годы Велисарий немало от этого настрадался, но продолжал любить Антонину и брал с собой во все походы.

Первой территорией, которую Юстиниан решил вернуть, стало королевство вандалов в Северной Африке. Король Гейзерих давно уже умер; в 531 г. внук Гейзериха был свергнут его дальним родственником по имени Гелимер, который на выражение формального протеста со стороны Юстиниана ответил письмом, где, по сути, предложил ему не совать нос в чужие дела. Император этот ответ воспринял как вызов. Велисарий были отданы соответствующие распоряжения, и в Иванов день 533 г. византийское войско вступило в поход. Оно насчитывало 5000 кавалеристов и вдвое больше пехотинцев – по меньшей мере половину из них составляли наемники-варвары, в основном гунны. Солдат разместили на 500 транспортных судах, которых сопровождали 92 дромона²⁶.

После нескольких дней задержки, связанной с тем, что 500 человек серьезно отравились плесневелыми сухарями, которыми снабдил экспедицию Иоанн Каппадокийский, флот наконец благополучно прибыл в Северную Африку. Армия направилась в северном направлении, к Карфагену; корабли, не отставая, шли на некотором расстоянии от берега. Оставалось еще десять миль до города, когда 13 сентября экспедицию атаковала армия вандалов. По замыслу Гелимера, атака должна была происходить с трех сторон: его брат Амнат штурмовал передовые позиции противника, его племянник Гибамунд наступал с флангов, а сам Гелимер нацелился на аррьергард. К несчастью, соратники подвели его. Византийцы оказались готовы к встрече Аммата – в последовавшей битве он был убит, его охрана изрублена в куски, а солдаты сразу пали духом и бежали. Атака с флангов оказалась не более успешной. Гибамунд еще только подтягивал свои войска, когда кавалерия Велисария атаковала их. Это были гунны – страшные, дикие и неумолимые. Вандалам хватило одного взгляда на приближающуюся орду, чтобы разбежаться в разные стороны. Теперь все зависело от Гелимера. Он успешно начал атаку, но неожиданно наткнулся на тело своего брата, и дух борьбы покинул его. Велисарий перешел в контрнаступление, и вскоре битва была закончена. Дорогу на север византийцы уже взяли под контроль, так что вандалы бежали на запад, в пустыни Нумидии.

²⁵ Имеется в виду библейский царь Соломон, создатель Иерусалимского храма.

²⁶ Дромон – небольшое византийское военное судно, отличавшееся высокой скоростью. – Примеч. авт.

Карфаген лежал у ног византийцев, и в воскресенье, 15 сентября, Велисарий – вместе с сопровождавшей его Антониной – совершил официальное вступление в город. Он сразу же направился во дворец, где, сев на трон короля вандалов, стал принимать самых влиятельных горожан, а потом дал торжественный обед для своих офицеров.

Гелимер не сразу прекратил борьбу. Он и его выживший брат Зенон перегруппировали силы и пошли в наступление. Но 15 декабря вандалы потерпели еще одно сокрушительное поражение и король бежал в свою нумидийскую цитадель, его армия в совершенном беспорядке следовала за ним. Велисарий направился к городу Гиппонец и завладел королевскими сокровищами. Затем он повернул назад к Карфагену, за ним следовала процессия из вандальских пленников и повозок, груженных награбленным добром. Гелимер окончательно сдался лишь в марте 534 г.

В самый разгар лета Велисария вызвали в Константинополь. Юстиниан в духе древних традиций решил устроить для своего победоносного военачальника торжественный прием. Население Константинополя громкими возгласами приветствовало Велисария, прошествовавшего на ипподром во главе своих солдат. За ними проследовали Гелимер, его семья и самые высокие и красивые из пленных вандалов. Далее в тележках везли трофеи, в том числе менору, священный семисвечник, вывезенный императором Титом в 71 г. из иерусалимского храма в Рим, откуда его в 455 г. забрал к себе в Карфаген Гейзерих. (Позднее, по просьбе еврейской общины, Юстиниан вернул ее – вместе с другой храмовой утварью – в Иерусалим.) Церемония достигла своего апогея, когда Велисарий и Гелимер простерлись ниц перед императорской ложей, где торжественно восседали Юстиниан и Феодора. В ходе последовавшей затем частной беседы с императором последний король вандалов с благодарностью принял предложенные ему в дар богатые поместья в Галатии, где он мог жить в спокойном уединении.

Далее мысли Юстиниана обратились к Италии. Римская империя, не включавшая в себя Рим, являлась абсурдом. Остготское арианское королевство, включавшее его в себя, представлялось чем-то крайне нестерпимым. Теперь, когда Теодорих был мертв, оно также могло стать политически опасным. В общем, Юстиниан не сомневался, что остготское королевство должно быть уничтожено, но как? В отличие от вандала Гейзериха и его преемников остготский король правил именем императора – как его вице-король. Если вандалы преследовали православную церковь, то Теодорих, несмотря на свое арианство, старался культивировать дружбу с папой римским и влиятельными римлянами. Кроме того, остготская королевская власть пользовалась большой популярностью среди ее подданных, и Юстиниан хорошо понимал, что этим подданным могут сильно не понравиться ужесточившаяся регламентация жизни и резко возросшие налоги, которые должны были воспоследовать после реинтеграции Италии в империю.

Незадолго до смерти (526) Теодорих определил наследником на престол своего восьмилетнего внука Аталариха, сына единственной дочери Амаласунты, на тот момент вдовы. Это была особа, столь же замечательная в своем роде, что и Феодора, и не менее властолюбивая, чем она. Кроме всего прочего, Амаласунта хорошо знала латынь и греческий и обладала широким культурным кругозором – уникальным в среде готов. Остготская знать, которую ужасало ее упорное стремление дать Аталариху хорошее классическое образование, сделала все возможное, чтобы вывести молодого короля из-под ее контроля. В результате пьянство и беспутный образ жизни убили его, когда ему не исполнилось и семнадцати лет. Между тем мать Аталариха, когда он был еще жив, вступила в тайную переписку с Юстинианом и, наконец, родился заговор: она должна была бежать через Адриатику в Диррахий, попросить там убежища и призвать императора вернуть ей власть, принадлежавшую Амаласунте по праву. Имея дочь Теодориха на своей стороне, Юстиниан знал, что смог бы рассчитывать на

значительную поддержку самих готов и даже получить обратно Италию без пролития крови. Но предпринять император ничего не успел, поскольку дальнейшие события разворачивались слишком быстро.

2 октября 534 г. юный Аталарих умер в Равенне. Трон перешел к его двоюродному дяде Теодахад, который не проявлял никакого интереса к власти, предпочитая вести чинную, размеренную жизнь ученого в одной из своих бесчисленных вилл. Амаласунта сразу же предложила ему совместное правление: Теодахад пользовался бы всеми удовольствиями и привилегиями королевской власти, а Амаласунта занялась бы практическим руководством страны. Теодахад согласился, и была провозглашена соответствующая форма правления; вскоре, однако, он замыслил низвержение своей двоюродной сестры. В апреле 535 г. Амаласунта была схвачена и заключена в островной замок на озере Больсано, а вскоре ее задушили в купальне.

Это убийство дало Юстиниану хороший предлог, дабы вмешаться в дела королевства. Он приказал Велисарии, который все еще пребывал в лучах славы после триумфа в Северной Африке, плыть вместе с армией в 7500 человек на Сицилию. Экспедиция началась достаточно хорошо, Велисарий занял остров почти без борьбы, но дальнейшее продвижение было основательно задержано мятежом, поднятым в Африке, и лишь поздней весной 536 г. его армия наконец высадилась на италийской земле. Византийцы не встречали никакого сопротивления до самого Неаполя, но неаполитанцы отважно защищали город на протяжении трех недель. Велисарий предупредил их, что если они будут продолжать сопротивляться, то он не сможет удержать свою армию, состоявшую из полудиких варваров, от убийств и грабежей после занятия города. Его предупреждению не вняли, и после падения Неаполя местные жители заплатили высокую цену за свой героизм. Прошло несколько часов, прежде чем Велисарий смог убедить свои орды прекратить бойню.

Взятие Неаполя нанесло серьезный удар по боевому духу готов, которые возложили вину за поражение на Теодахада и сместили его – а вскоре и казнили, – объявив королем пожилого военачальника по имени Витигис. Однако многие, вероятно, пожалели о таком выборе, когда Витигис заявил, что не будет защищать Рим. Его жители должны были сами позаботиться о себе, в то время как полководец отступил в Равенну и занялся консолидацией военных сил.

Однако Велисарий несколько не спешил. Лишь в декабре он двинулся в северном направлении, вроде как ответив на приглашение папы Сильверия занять священный город. В предыдущие месяцы, очевидно, осуществлялась подготовка к этому сценарию, и папа римский с Велисарием достигли некоего соглашения. Но какова бы ни была истинная подоплека происходящего, 9 декабря 536 г. византийцы вступили в Рим, а готский гарнизон покинул его.

Но если Сильверий и его паства полагали, что, открыв ворота императорской армии, они избегнут несчастий осадного положения, то их ожидания были жестоко обмануты. Велисарий же знал, что готы скоро вернуться, и ожидал осады. Он сразу же взялся за восстановление стен и реквизицию зерна в сельской местности. Кроме того, Велисарий заказал еще зерна из Сицилии, так что амбары были переполнены.

Витигис и его войско заняли позиции вокруг города в марте 537 г. Им пришлось находиться на них в течение года – страшное время как для осаждающих, так и для осажденных. Готы начали с того, что перерезали все акведуки, нанеся Риму удар, от которого он не смог оправиться еще тысячу лет. В апреле прибыли подкрепления от Юстиниана – около 1600 славян и гуннов, которые прорвали блокаду и сделали возможной организацию отдельных вылазок из города. С наступлением лета проблемы возникли по обе стороны крепостных стен – у римлян наступил голод, а в войско готов пришла бубонная чума. В ноябре осажденным жить стало полегче – с Востока прибыла пятитысячная кавалерия и пехота под коман-

дованием полководца Иоанна. Вскоре после этого готы запросили трехмесячное перемирие, предложив проект договора с Византией, которые Велисарий пришлось переадресовать в Константинополь. Ожидая ответа, он отправил Иоанна с двумя тысячами всадников в карательную экспедицию. Опустошая все на своем пути, Иоанн быстро продвинулся вверх по полуострову – к Римини, где основал временный штаб.

Услышав, что захватчики заняли город у него в тылу, всего лишь в 33 милях от Равенны, Витигис снял осаду с Рима. Ранним утром, в марте 538 г., его войска, утратившие уже боевой дух, подожгли свой лагерь и направились на север. Но на этом их несчастья не закончились: византийцы напали на них сзади, после чего на берегу реки остались лежать несколько сотен убитых готов, а многих отступавших утанули на дно Тибра их тяжелые доспехи.

Через несколько дней, оставив в Риме лишь маленький гарнизон, Велисарий сам выступил на север. Его беспокоило, что Иоанн подвергал себя серьезной опасности в Римини, поэтому он отправил туда двух офицеров с приказом Иоанну немедленно покинуть город вместе с войском и присоединиться к Велисарию в Анконе. Но Иоанн отказался и вскоре готы появились под стенами Римини. Началась осада, перспективы которой для византийцев выглядели весьма мрачными. В отличие от Рима, хорошо защищенного и имевшего достаточно продовольствия, Римини – городок маленький, расположен на совершенно гладкой равнине, плохо защищен и не подготовлен к условиям блокады. Можно представить себе ярость Велисария, когда ему обо всем этом сообщили. Он мог бы смириться с потерей Иоанна, но без его 2000 всадников обойтись было бы трудно. Идти же на помощь осажденным казалось крайне неразумным – из-за одного кавалерийского полка нельзя подвергать опасности целую армию.

Велисарий все еще обдумывал, что же ему предпринять, когда из Константинополя прибыли свежие войска, возглавляемые самой влиятельной фигурой при императорском дворе – евнухом Нарсесом, сыгравшим решающую роль в подавлении восстания «Ника». Он не был воином: большую часть из своих шестидесяти лет евнух провел во дворце. Юстиниан поставил его командовать экспедиционным корпусом лишь по одной причине: император начинал испытывать некоторое беспокойство в отношении Велисария. Этот блестящий полководец был слишком молод – чуть за тридцать, – слишком успешен и, по всему, создан из того же материала, что и императоры, а также претендует на престол. Так что, по мнению Юстиниана, за Велисарием следует приглядывать. И кто мог делать это лучше, чем самый близкий конфидент Юстиниана, почтенный возраст и физическое увечье которого не позволяли ему иметь собственные амбиции императорского масштаба?

Сразу же по прибытии Нарсеса вызвали на военный совет, где обсуждался вопрос – что делать в связи с осадой готами Римини. Нарсес указал на то, что враг будет рассматривать захват в плен такого мощного византийского отряда как крупную победу, как поворотный пункт во всей войне. Его мнение сыграло решающую роль, и Велисарий стал готовиться к военной операции. Неделю или две спустя он обратил осаждающую армию в бегство, успев спасти защитников города от голодной смерти. Но Иоанн заявил, что своей победой византийцы обязаны исключительно Нарсесу. Семена раздора между евнухом и полководцем были посеяны.

Велисарий являлся выдающимся стратегом и великолепным боевым командиром, но он не умел внушать подчиненным чувство преданности к своей персоне. После освобождения Римини значительная часть армии дала понять, что в случае разногласий между Велисарием и Нарсесом примет сторону последнего, что позднее и произошло.

Прошедшей весной, во время трехмесячного перемирия в Риме, архиепископ Миланский Даций обратился к Велисарию с просьбой прислать войска для освобождения Миланской епархии от готской – и арианской – оккупации, и полководец направил туда 1000 человек. И тогда несколько других крупных городов сразу же открыли византийцам ворота,

однако каждому из них потребовался небольшой гарнизон имперских войск, так что силы, направлявшиеся в Милан – город значительно больших размеров, чем Рим, – сократились до 300 человек. Витигис немедленно послал в Милан армию, чтобы вернуть город под свой контроль. К ней почти сразу же присоединилось около 10 000 бургундов. Таким образом, к началу лета 538 г. Милан оказался осажден огромным войском, а защищало его столь малое число воинов, что все горожане мужского пола, годные к военной службе, были мобилизованы. Велисарий без всяких колебаний послал для снятия осады двух лучших командиров и столько солдат, сколько был в состоянии предоставить на тот момент. Однако эти командиры, осознав, что враг численно превосходит их во много раз, отказались двигаться дальше реки По без поддержки Иоанна и иллирийского военачальника Юстина. Но те, в свою очередь, заявили, что теперь они исполняют приказы лишь одного Нарсеса. В результате гарнизону, у которого для пропитания остались только собаки и мыши, пришлось довериться командующему готскими войсками, давшему византийцам слово, что они могут покинуть город целыми и невредимыми. Слово он сдержал, но его благородное предложение не распространилось на жителей Милана, которые, в глазах готы, предали город. Все жители мужского пола были преданы мечу, женщины обращены в рабство и отданы бургундам в благодарность за военную поддержку. Что до самого города, то там не остался в целостности ни один дом.

Милан пал в первые месяцы 539 г. Это была, конечно, катастрофа, но у нее имелось одно полезное последствие: Юстиниан отозвал Нарсеса в Константинополь. Вновь получив всю полноту власти в свои руки, Велисарий начал активные боевые действия, и к концу года вся Италия к югу от Равенны снова была под властью византийцев.

Но у Витигиса оставалась еще надежда на спасение. Зная, что персидский шах Хосров I угрожал Византии вторжением, он послал ему письмо с двумя тайными агентами. В нем готский король предлагал шаху немедленно начать войну против империи, и тогда византийцам придется сражаться на два фронта одновременно, что неизмеримо повысит шансы персов на победу. Два агента на Запад так и не вернулись, а вот их переводчик сириец был схвачен, доставлен в Константинополь и допрошен, после чего Юстиниан схватился за голову. Если Хосров действительно намеревался начать войну, то следовало немедленно вернуть из Италии в Константинополь самого лучшего из византийских военачальников, а значит, надо было немедленно заключить мир с готами.

К тому времени, когда император начал писать проект договора с Витигисом, Велисарий уже окружил Равенну: со стороны суши армией, со стороны моря – флотом. Теперь требовалось только терпение, и заблокированный город неизбежно перейдет в руки византийцев. Но к концу 539 г. из Константинополя прибыли послы, наделенные полномочиями подписать с готами мирный договор, по условиям которого в обмен на капитуляцию им будет позволено сохранить половину королевской казны и всю Италию к северу от реки По. Велисарий был ошеломлен, но не видел никакого способа предотвратить заключение соглашения и смирился с неизбежным. И вдруг готы сыграли ему на руку. Опасаясь от византийцев какого-нибудь подвоха, они заявили, что согласятся на условия договора, если его подпишут не только послы, но и Велисарий собственноручно. Византийский полководец не упустил своего шанса и напроочь отказался подписывать договор, если ему не будет отдано такое распоряжение лично императором. Однажды ночью от вконец обескураженного готского двора поступило новое предложение: Витигис уступит свой трон в том случае, если Велисарий провозгласит себя императором. Многие имперские полководцы ухватились бы за такую возможность, но Велисарий не мог нарушить данную государю присягу. С другой стороны, ему представилась идеальная возможность положить войне конец. Для этого надо было просто принять предложение врага. Призвав нескольких своих соратников, которым он доверял, Велисарий испросил их совета. В конечном счете военачальники решили формально согла-

ситься с предложением готов, а действовать по собственному плану. Ворота перед имперской армией распахнулись, и она вошла внутрь.

Готам, наблюдавшим, как римские солдаты грузят их сокровища на корабли, а Витигиса и самых видных представителей аристократии судно уносит в Константинополь, оставалось только проклинать обманувшего их византийского полководца. Но вряд ли самого Велисария мучила по этому поводу совесть. На войне как на войне, а он к тому же своим поступком сумел избежать огромных человеческих жертв с обеих сторон. Но одному обещанию полководец остался верен до буквы: не было ни разграбления частных домов, ни захвата людей в рабство, ни убийств. В мае 540 г. Велисарий отправился на корабле в Константинополь, испытывая, вероятно, чувство удовлетворения за хорошо проделанную работу.

Но, увы, каждая победа, которую одерживал этот полководец, возбуждала у императора новые страхи, что однажды Велисарий все-таки узурпирует его трон. Когда освободитель Рима и всей Италии возвратился в Константинополь, Юстиниан не стал устраивать для него новую триумфальную церемонию на ипподроме, а отослал Велисария на восточный фронт, тому была веская причина – в июне 540 г. войска шаха Хосрова захватили Антиохию.

6

Юстиниан: последние годы (540–565)

Великий шах персидский Хосров I занимал трон с 531 г. Из правителей династии Сасанидов он добился наибольшей славы, хотя вряд ли очень уж сильно стремился к ней – будучи сыном своего времени, он вел войны с Византийской империей, руководствуясь исключительно материальными интересами. В марте 540 г. шах пересек византийскую границу и в начале июня оказался перед Антиохией. Он вежливо отодвинул свою армию в сторону, чтобы позволить недавно прибывшему туда шеститысячному отряду, охваченному паникой, спастись бегством. Однако горожане дали персам бой и сражались решительно и отважно. Явный численный перевес позволил Хосрову в итоге одержать победу, а жители Антиохии дорого заплатили за свое мужественное сопротивление. Из главного собора города было вынесено все подчистую, другие церкви также подверглись разграблению. Помимо того персидские воины удовлетворяли и другие свои интересы – известно по меньшей мере о двух высокородных дамах, бросившихся в воды реки Оронт, чтобы избежать скандальных посягательств со стороны солдатни. Увозя на многочисленных телегах все богатства Антиохии, Хосров мог позволить себе проявить и некоторую щедрость – он предложил Византии мир в обмен на 5000 фунтов золота; в дальнейшем империи надлежало ежегодно выплачивать 500 фунтов. Юстиниан счел за благо принять эти условия.

Весной 542 г. империя пострадала от вспышки бубонной чумы – одной из самых страшных за всю историю Византии. Среди заболевших оказался и сам Юстиниан. В то кошмарное лето на протяжении нескольких недель он находился между жизнью и смертью – на это время верховная власть перешла в руки его жены. Феодора осознала, что ее будущее поставлено на кон. Детей у них с Юстинианом не было, и если бы сейчас он умер, то у нее оставался единственный шанс удержать власть – пойти под венец со следующим императором. Поэтому преемником Юстиниана должен был стать придворный или военачальник. Однако традиционно выбор императора являлся прерогативой армии – большая же часть старших офицеров в данный момент находилась на Востоке. И на своем собрании в Месопотамии они решили не признавать никакого правителя, выбранного без их согласия. Известие об этом собрании достигло столицы, но уже после того, как Юстиниан пошел на поправку. Феодора, расценившая решение армейских офицеров как угрозу своему положению, воспользовалась тем, что жизнь императора была теперь вне опасности, и дала волю своей ярости.

Главными зачинщиками этого офицерского собрания посчитали двух военачальников. Одного из них, Бузеса, бросили в дворцовую подземную темницу, где он двадцать восемь месяцев не видел света божьего. Говорили, что, выйдя на свободу, Бузес более походил на привидение, чем на человека.

Вторым оказался Велисарий. Но он был слишком популярным и слишком влиятельным военачальником, чтобы с ним обошлись подобным же образом, поэтому его обвинили в том, что он присвоил военную добычу, которая по праву принадлежала императору. По возвращении в столицу после военной кампании 542 г. полководец обнаружил, что он отправлен в отставку. Вскоре оказалось конфисковано и его имущество, что было осуществлено на удивление просто – Феодора направила к Велисария одного из своих слуг с указанием доставить все ценные вещи военачальника в императорский дворец.

Юстиниан полностью поправился лишь в 543 г. После этого Велисария было частично возвращено бывшее расположение императорской четы. Примирение скрепили помолвкой Иоаннины, единственного ребенка Велисария и Антонины, с внуком императрицы Анастасием. Феодора сообщила в письме, что она простила Велисария ввиду своей дружбы с его

женой, но для амнистии полководца имелась и другая причина: в отдаленных областях империи ситуация стремительно ухудшалась. Восстание мавров распространялось с ужасающей скоростью по провинции Африка; в Италии готы под водительством молодого вождя Тотилы также отвоевывали свои позиции и уже вернули себе Неаполь. В Армении в конце лета разразилась катастрофа: византийская армия, насчитывавшая около 30 000 человек, была уничтожена гораздо меньшим отрядом персов. Стало ясно, что без своего прежнего полководца империи не обойтись, и Велисарий был назначен командующим армией на Западе. Но тут выяснилось, что еще не все старые счета были сведены. Не в ранге *magister militum*, но всего лишь в чине *comes stabuli*, комита конюшен, вернулся он в мае 544 г., на сороковом году жизни, в Италию, после того как покинул ее в 540 г.

Когда состоялся триумфальный въезд Велисария в Равенну, повсеместно утвердилось мнение, что весь Апеннинский полуостров возвращен империи. Правда, существовали еще один-два небольших очага сопротивления, где готские воинские формирования выбрали нового короля – Хильдебада. Его боеспособные силы насчитывали на тот момент не более 1000 человек, и вряд ли Хильдебад мог продержаться дольше чем несколько недель. Он бы и не продержался, если бы Юстиниан оставил тогда Велисария в Италии. Вместо этого император поручил пятерым полководцам совместно вести военную кампанию, и ни один из них не имел власти над остальными. За исключением Иоанна, это были второсортные командиры, специализировавшиеся в основном на грабежах мирного населения. За несколько недель византийские войска совершенно растеряли боеспособность. А Хильдебад к концу года создал внушительную армию, в рядах которой оказалось полным-полно византийских дезертиров, и он сумел взять под контроль всю Италию к северу от реки По.

Но к тому времени, когда Велисарий возвратился в Италию, Хильдебад был убит и на его месте оказался Тотила, ставший самым великим из всех готских королей.

Тотила являлся племянником Хильдебада, ему было еще только около двадцати пяти лет. Придя к власти, он сумел сплотить готское общество так, как ни один из его предшественников. Однако Тотила никогда не забывал, что подавляющее большинство его подданных составляли не готы, а итальянцы. Во времена Теодориха отношения между двумя народами были весьма сердечными, после того как Велисарий одержал ряд побед, итальянская аристократия начала проявлять проимперские настроения, так что Тотила стал апеллировать к бедным слоям итальянского общества. Те не испытывали никакой симпатии к империи, которая, хотя и называлась Римской, была теперь почти всецело греческой; более того, простые итальянцы уже пострадали от повышенного внимания со стороны византийских сборщиков налогов – высокопоставленных чиновников, именовавшихся логофетами геникона²⁷, которым платили по результату и которые обобрали всю страну. Тотила обещал не только положить конец произволу чиновников, но и освободить рабов, поделить крупные поместья и перераспределить землю. Неудивительно, что народ слушал его и следовал за ним, включая византийских дезертиров.

За несколько месяцев со времени восшествия на трон Тотила настолько укрепил свои силы, что ему удалось оттеснить имперскую армию в 12 000 человек от ворот Вероны и уничтожить другую армию византийцев в результате тщательно подготовленного сражения в окрестностях Фаэнцы. А весной 542 г. примерно в пятнадцати милях к северу от Флоренции он наголову разбил армию Иоанна. К концу лета Тотила покорил всю Италию за исключением Равенны, Рима, Флоренции и нескольких прибрежных городов. Самым значимым из последних являлся Неаполь, и Тотила предпринял его осаду. Основательно оголодав, неа-

²⁷ Логофет в Византии – управляющий каким-либо ведомством (логофисией): геникона (казны), дрома (почты и внешних сношений), стад (имперских поместий) и т. д.; великий логофет – глава правительства в Никейской империи и поздней Византии.

политанцы вынуждены были сдаться, тем более что условия капитуляции, предложенные Тотилой, своей мягкостью тому весьма способствовали: византийский гарнизон отпустился с миром, и при нем оставалось все его имущество.

Падение Неаполя, во второй раз за семь лет, нанесло еще один удар по боевому духу византийцев. В январе 544 г. греческие военачальники, отсиживавшиеся в своих укрепленных лагерях, написали Юстиниану, что они близки к поражению. Почти несомненно, именно это письмо побудило императора вновь послать Велисария в Италию.

Между тем в надежде, что он сможет занять столицу без пролития крови, Тотила обратился из Неаполя непосредственно к жителям Рима. Однако спонтанного восстания, на которое он надеялся, не произошло, так что в начале лета 544 г. Тотила двинулся к столице, и в то же самое время Велисарий уже направлялся в Италию.

Византийский полководец с самого начала знал, что в эту свою вторую итальянскую кампанию ему придется несладко: Юстиниан дал слишком мало войск и совсем не дал денег. И все же с лета 544 г. ему в течение года удалось освободить Отранто и отстроить заново укрепления в Пезаро, который впоследствии выдержал решительную атаку готов. Но за это время он ясно осознал, насколько изменилась ситуация после его отъезда. Теперь уже не только готы были враждебно настроены к византийцам, но и практически все население Италии. С имевшимися у него войсками Велисарий мог бы лишь поддерживать имперское присутствие в Италии, но ему никогда не удалось бы отвоевать ее. В мае 545 г. он отправил с Иоанном письмо Юстиниану, где сообщал о крайней нужде в людской силе, лошадях, оружии и деньгах.

Император пошел навстречу своему полководцу. В конце осени Иоанн вернулся со значительными воинскими подкреплениями, в составе которых были как римляне, так и варвары. Совместное командование этой армией осуществлялось самим Иоанном и армянским военачальником по имени Исаак. Примерно в то же время войска Тотилы подошли к Риму и начали осаду.

Перед горизонтом вырисовывались довольно-таки мрачные перспективы. Тотила контролировал всю территорию между Римом и морским побережьем, его флот был уже подтянут к устью Тибра, а командующему гарнизоном Бессу не удалось сделать продовольственные запасы на случай серьезной блокады.

Велисарий разработал следующий план. В то время как Бесс отвлекающими вылазками вынуждал готов следить за выходами из города, часть армии Велисария пройдет вдоль южного берега реки, а остальные солдаты, разместившиеся на 200 судах, разграбят вражеский флот и затем поплывут вверх по течению – на помощь пехоте. Во время этой операции армянскому полководцу Исааку надлежало оставаться в устье реки. Под его наблюдением находились резервные полки, оставшиеся суда и – что не менее важно – Антонина, которая незадолго до этого прибыла в Италию, чтобы присоединиться к мужу.

И вот операция началась, но Бесс не предпринял со своей стороны требуемой активности. Невзирая на это, суда Велисария медленно продвигались вверх по реке, с их палуб летели потоки огненных стрел. Им удалось прорвать огромную железную цепь, которой Тотила перегородил Тибр, используя ее как дополнительную меру защиты, и византийские суда уже приближались к Риму, когда пришло известие, что Исаак захвачен в плен. По мысли Велисария, это могло означать только одно: готы предприняли внезапную атаку и отрезали византийцев от моря. Более того, если Исаак схвачен, то попала в плен и Антонина. Отменив атаку, Велисарий ринулся к побережью – и оказалось, что Исаак атаковал готский гарнизон в Остии, выказав вопиющее неповиновение приказам верховного главнокомандующего, и потерпел поражение. За исключением самого Исаака и сопровождавшего его отряда, никто, включая Антонину, не пострадал.

Последний шанс был упущен; стало ясно, что Рим не спасти. И все же город не сдавался. Однако 17 декабря 546 г. несколько византийских солдат-наемников, давно не получавших жалованья, открыли Асинарыйские ворота и готы хлынули внутрь. Бесс и часть представителей римской знати бежали. Оставшиеся искали прибежища в церквях, пока в городе творились бесчинства. Наконец Тотиле удалось навести порядок и римляне вышли на улицы в поисках пищи. К счастью, победители достаточно быстро наладили снабжение города продовольствием. По словам Прокопия, от бывшего населения великой столицы осталось только 500 человек.

Хотя падение Рима и не являлось серьезным поражением в стратегическом смысле, как символическое событие оно имело исключительное значение, и Тотила сразу же предложил византийцам мир. Но условия договора, предложенного готами, были отвергнуты императором, и бои возобновились. Через несколько месяцев, когда стало ясно, что ни той ни другой стороне не удастся добиться ощутимого перевеса, Велисарий решился на последнее обращение к императору, прося выделить больше средств на ведение войны. Письмо вызвалось доставить Антонина, поскольку имела прямой доступ к императрице, а через нее – к самому Юстиниану. В середине лета 548 г. Антонина отправилась в Константинополь и обнаружила город погруженным в глубочайший траур. Умерла Феодора. Император, убитый горем, не хотел никого видеть. Все, что Антонина смогла сделать, – это добиться отзыва из Италии своего мужа: поражение византийских войск казалось неизбежным, и она не хотела, чтобы Велисарий нес за него ответственность.

В начале 549 г. Велисарий вернулся в столицу. Вторая итальянская кампания вылилась для него в пять лет сплошных разочарований, но он спас Италию для империи, по крайней мере временно. Если бы не Велисарий, византийцев бы изгнали с Апеннинского полуострова еще в 544 г.

Юстиниан приветствовал своего полководца как давно утерянного друга. На протяжении нескольких лет их разъединяла Феодора, которая постоянно настраивала мужа против Велисария. Император никогда всерьез не верил Феодоре, но ей удавалось поддерживать у него чувство смутного раздражения к военачальнику. С ее смертью это чувство быстро рассеялось. Однако даже Велисарий не смог убедить императора предоставить необходимые средства для окончательного разгрома Тотилы. Юстиниан теперь был озабочен совсем иной проблемой, которая снова лежала в области теологии.

В 543 г. фанатичный монофизит по имени Яков Барадей (Оборванец), посвященный в епископы ссыльным патриархом Александрийским, отправился в путешествие по Востоку с намерением возродить монофизитские настроения. Он исходил вдоль и поперек Сирию и Палестину, Месопотамию и Малую Азию, рукоположив около тридцати епископов и назначив несколько тысяч священников. Юстиниан оказался в затруднительном положении. Он не осмеливался открыто действовать против набравших силу монофизитов, но, с другой стороны, его уже критиковали на Западе за проявление инертности перед лицом новой угрозы. Поэтому он решил сделать своеобразный дипломатический ход, пойдя на публичное осуждение – но не монофизитов, а тех, кто находился на противоположном конце теологического спектра, несториан. С того времени, когда в 431 г. состоялся Эфесский собор, в пределах имперских границ несториан осталось совсем мало (если они вообще остались), и, следовательно, атака на них не имела практического значения. Но к ним питали равное отвращение и монофизиты, и православные, и такое заявление, как казалось инспектору, могло бы разрядить ситуацию. В 544 г. Юстиниан издал указ, в котором осуждались три еретических учения, против которых особенно восставали монофизиты, – повсеместно именовавшиеся «Три главы». Но монофизиты не были этим умиротворены, тогда как на Западе епископы пришли в ярость. Любая атака на несториан, гневно заявляли они, может означать лишь пособниче-

ство монофизитам. В результате константинопольский патриарх Мина, подписавший указ Юстиниана, был немедленно отлучен от церкви папой римским Вигилием.

Такой поворот событий серьезно встревожил императора. В тот момент, когда ему была крайне необходима поддержка Римской церкви в борьбе против Тотилы, он взял да и настроил ее против себя. Поэтому Юстиниан промолчал, когда Вигилий отказался осудить «Три главы», и принялся несуетливо восстанавливать отношения с ним. Однако через восемнадцать месяцев Тотила был уже у ворот Рима. Если бы ему удалось овладеть городом, то он смог бы взять папу римского в заложники, что имело бы совершенно непредсказуемые последствия. Юстиниан действовал быстро. 22 ноября 545 г. отряд императорской гвардии прибыл в Рим, схватил Вигилия и доставил в Константинополь. Здесь постоянное давление на Вигилия, оказываемое императором и императрицей, дало наконец результат. 29 июня Вигилий официально примирился с Миной, а 11 апреля 548 г. появился «Judicatum»²⁸ папы, в котором он формально осудил «Три главы».

Озабоченность Юстиниана вопросом о «Трех главах» заставила его забыть об итальянских проблемах, но 16 января 550 г. история повторилась – группа недовольных исавров в римском гарнизоне вновь открыла ворота войску Тотилы. Когда в 546 г. готы в первый раз вошли в город, они постарались там как следует обосноваться. Многие из них заняли пустые дома, в которых разместились со своими семьями; разрушенные здания ремонтировались и восстанавливались. Теперь же Тотила возродил игры в Большом цирке, причем лично руководил действием из императорской ложи. Именно это особенно задело Юстиниана. Он сразу же начал искать нового главнокомандующего размещенных в Италии сил, и взамен отозванного ранее Велисария назначение получил евнух Нарсес, которому было уже хорошо за семьдесят.

В начале 552 г. Нарсес и его тридцатипятитысячная армия начали итальянский поход. Пройдя Равенну, они двинулись на юг по Фламиниевой дороге. Тотила в это время направлялся по той же дороге на север, чтобы блокировать им путь. Так что к концу июня римская и готская армии встретились, подготовившись к решающей схватке. Сражение закончилось достаточно быстро: византийцы неожиданно нанесли удар готам с флангов, и те, не выдержав, в панике покинули поле боя. Тотила, будучи смертельно раненным, бежал вместе с остальными и умер несколько часов спустя.

Готы позднее консолидировали свои силы под командованием Тейи, одного из самых храбрых военачальников Тотилы; Нарсес же двинулся дальше на юг. Рим пал после непродолжительной осады, в пятый раз поменяв хозяев с момента начала правления Юстиниана, после чего старый евнух продолжил свой победный марш. В долине реки Сарно, в одной-двух милях от Помпей, римляне и готы в октябре 552 г. встретились для *coup de grvse*²⁹. Уже в начале битвы Тейя был сражен метко направленным копьем, а к вечеру следующего дня несколько оставшихся в живых готов согласились вступить в переговоры. По условиям подписанного соглашения они обязались покинуть Италию и никогда более не участвовать в военных действиях против империи. Наконец были реализованы самые масштабные амбиции Юстиниана.

Тем временем папа Вигилий все еще находился в Константинополе, увязнув в диспуте о «Трех главах». Под давлением западных епископов он аннулировал свой «Judicatum» в 550 г., а в 551 г. его отношения с императором стали еще более натянутыми, когда Юстиниан выступил с новым эдиктом, сурово осуждавшим «Главы». Папа созвал собрание, пригласив на него всех епископов с Востока и Запада, присутствовавших в городе, которые еди-

²⁸ Judicatum – приговор (лат.).

²⁹ Coup de grvse – последний удар (фр.).

ногласно высказались против этого эдикта, вновь заявив об отлучении патриарха Мины от церкви.

Когда Юстиниан узнал о случившемся, его ярость была столь велика, что папе пришлось искать убежища в церкви Св. Петра и Павла. Однако едва он достиг ее, как туда ворвались императорские гвардейцы с обнаженными мечами. Вигилий, увидев их, бросился к главному престолу и уцепился за колонны, на которых тот держался. Солдаты пытались оттащить его от престола, хватая за ноги, волосы на голове и бороду, но чем сильнее они тянули, тем крепче он держался. Наконец сами колонны не устояли, и престол рухнул на пол, едва не снеся Вигилию голову.

К этому времени собралась большая толпа прихожан и начала возмущенно протестовать против такого обращения с наместником Христа. И солдаты отступили, оставив торжествующего, хотя и сильно потрепанного Вигилия осматривать нанесенный церкви и лично ему ущерб.

На следующий день в церковь прибыла делегация, возглавляемая Велисарием, который передал сожаления императора по поводу случившегося и заверил папу в том, что он может спокойно возвращаться в свою резиденцию, ничего не опасаясь. Вигилий так и сделал, но вскоре обнаружил, что он фактически находится под домашним арестом.

В ночь на 23 декабря 551 г. папа пролез сквозь маленькое окошко дворца, на берегу Босфора нанял лодку и переправился в Халкидон, откуда он вернулся только следующей весной для участия в новом раунде переговоров. Стороны условились аннулировать все сделанные ими заявления, касающиеся «Трех глав», в том числе и эдикт императора. Сторонникам папы это должно было казаться победой, однако Юстиниан так не считал. Он созвал новый Вселенский собор, который должен был поставить точку в затянувшемся споре, и пригласил Вигилия председательствовать на этом соборе.

На Вселенский церковный собор съезжались епископы из всех уголков христианского мира, и теоретически каждый делегат, осененный, как считалось, Святым Духом и потому непогрешимый в суждениях, должен был самостоятельно определять свою позицию. На практике же результат дискуссий зависел от количества делегатов, представленных каждой из сторон. А поскольку численность епископов на Востоке была значительно выше, чем на Западе, да и сам собор проводился в Константинополе, восточные иерархии на предстоящем собрании оказывались в подавляющем большинстве. В силу названных причин Вигилий от приглашения императора отказался и вообще бойкотировал это мероприятие. В результате, когда Пятый Вселенский собор открылся 5 мая 553 г. в соборе Св. Софии, из 168 присутствовавших епископов только 11 были с Запада, из них 9 представляли провинцию Африка. Ни у кого не оставалось сомнений, что на соборе будет принято угодное Юстиниану решение.

14 мая папа римский издал так называемый «Constitutum»³⁰, в котором все дискуссии по поводу «Трех глав» объявлялись беспочвенными и вредными, а всем церковникам в дальнейшем воспрещалось высказываться по этому вопросу. Однако, продолжая конфликт с Юстинианом, он не учел, что ситуация в Италии кардинально изменилась. Готы были разгромлены, и поддержка византийцам со стороны Римской церкви теперь не так уж и требовалась. И Юстиниан решил, что может обращаться с Вигилием так, как папа того заслуживал. Он направил собору три документа. Первый являл собой текст секретного заявления, сделанного папой в июне 547 г., где предавались анафеме «Три главы». Вторым документом – частное письмо Вигилия, в котором он клянется добиваться всеобщего осуждения «Трех глав». Поскольку получалось так, что папа в течение шести лет вел двойную игру, логичным выглядел третий представленный Юстинианом документ – его указ об удалении имени Вигилия с диптихов, – что фактически означало отлучение от церкви. 26 мая церковный

³⁰ Constitutum – постановление (лат.).

собор официально одобрил указ императора и выразил осуждение папы, каковое имело силу до тех пор, «пока он не покается в своих ошибках».

Для Вигилия все было кончено. После шестимесячного изгнания он признал все свои прошлые ошибки и два месяца спустя вновь официально осудил «Три главы». Через год Вигилий отправился домой, однако в пути его состояние ухудшилось. Он был принужден прервать путешествие в Сиракузах, и там в сокрушенном состоянии духа папа римский скончался.

Если бы смерть пришла к Юстиниану тогда же, когда она пришла к папе Вигилию, то вся Византия погрузилась бы в глубокий траур. Он восстановил империю в ее прежних границах; он вновь сделал Средиземное море римским озером, и он привнес по крайней мере подобие единства в христианский мир. Юстиниану исполнилось семьдесят три года, Феодора пребывала в могиле, и императору было самое время присоединиться к любимой жене. Но смерть решила заглянуть к нему только через десять лет, в течение которых он упорно отказывался делегировать свою власть, при этом не обладая уже ни способностью, ни охотой распоряжаться ею должным образом. Денег в казне было меньше, чем когда-либо; причем Юстиниан предоставил министрам распоряжаться ими так, как они считали нужным. Армия, в свое время насчитывавшая 645 000 человек, сократилась до 150 000, мощные пограничные крепости находились в заброшенном состоянии. Юстиниана теперь интересовало только состояние церкви и бесконечные теологические диспуты, которые служили для него – истинного византийца – и жизненным стимулятором, и родом отдохновения.

Один лишь раз он пробудился от апатичного состояния – когда в 559 г. гуннское племя котригуров вторглось в пределы империи и продвинулось на восток, в глубь Фракии, подойдя на расстояние в двадцать миль от столицы. Многие жители Константинополя бежали с семьями через Босфор, но сам Юстиниан особо не встревожился. Как это часто бывало в моменты кризиса, он послал за Велисарием, который был еще только на середине своего шестого десятка, не утратил ни энергии, ни стратегического воображения. С отрядом в несколько сот человек Велисарий заманил котригуров в такое место, где их ждала искусно выстроенная засада, – там они оставили 400 человек убитыми, остальные же были вынуждены вернуться в свой лагерь. Располагая чуть большими силами, Велисарий, возможно, уничтожил бы агрессоров полностью, но император предпочел дипломатию и откупился от котригуров, предложив им щедрые ежегодные субсидии.

Такой результат военной кампании едва ли заслуживал той исключительно помпезной церемонии, которую по этому поводу устроил Юстиниан. Она, по-видимому, была призвана внушить подданным мысль, что одержана великая победа, а заслуга в этом принадлежит одному лишь императору; поскольку Велисария на торжества не позвали.

Обиженный Велисарий вновь ушел в тень. Осенью 562 г. несколько именитых горожан обвинили его в организации заговора против трона. Ничего еще не было доказано, но знаменитого полководца лишили всех званий и знаков отличия, и восемь месяцев он жил в немилости – пока Юстиниан, который в итоге убедился в невинности Велисария, не восстановил его в прежнем положении. Возможно, вся эта история послужила поводом к созданию легенды о старом слепом Велисарии, выброшенном на улицу с нищенской чашей, но поскольку самая ранняя версия этой легенды датируется пятью столетиями позже описываемых событий, то ее можно не принимать во внимание. Вернув себе расположение императора, Велисарий остаток своей жизни провел в уединении и спокойствии и умер в марте 565 г., в возрасте примерно шестидесяти лет.

В это время появилось и последнее постановление Юстиниана. Он продолжал давать аудиенции на протяжении лета и начала осени, а в ночь на 14 ноября император почил в бозе.

Единственное должностное лицо, которое находилось с ним в этот момент, сообщило, что Юстиниан, отходя в мир иной, назначил своим преемником племянника Юстина.

На следующее утро Юстин и его жена Софья с помпой отправились к собору Св. Софии, а оттуда – к ипподрому, где подданные должны были засвидетельствовать им свое признание.

Потом начались похороны. Тело императора медленно вынесли из дворца. Далее его понесли по запруженным народом, но безмолвным улицам, за ним следовали пешим ходом Юстин и Софья, сенат в полном составе, патриарх, епископы, клир и дворцовая охрана. По прибытии в церковь Св. Апостолов тело пронесли в неф, где находилась гробница Феодоры, а рядом с ней – огромный пустой порфиновый саркофаг. Туда аккуратно положили августейшие останки, и была отслужена панихида за упокой души прежнего императора.

Закончилась целая эпоха. Юстиниан был последним подлинным римским императором, занимавшим трон Византии. Дело не в том, что он весьма плохо изъяснялся по-гречески – если верить Прокопию, – а в том, что его сознание было отлито в латинскую форму и он мыслил понятиями старой Римской империи. Юстиниан совершенно не осознавал, что империя уже представляла собой анахронизм; дни, когда человек мог обладать неоспоримой вселенской властью, ушли и не вернуться. На равеннской мозаике, относящейся к 546 г., Юстиниан выглядит моложе своих шестидесяти четырех лет, но в его лице не просматривается ни красоты, ни силы, и в этом плане его изображение не идет ни в какое сравнение с образом Феодоры на противоположной стене. Наверное, он очень легко поддавался ее влиянию. И однако же Юстиниан в отношениях с людьми – за исключением своей жены – был автократом до мозга костей. Энергия императора поражала всех, кто его знал, а в способности работать долго и напряженно он, очевидно, вообще не имел себе равных. И никто лучше его не осознавал, как важно постоянно находиться в окружении своего народа, – отсюда многочисленные публичные мероприятия, проходившие в Константинополе. Он полагал, что слава империи должна выражаться весомо и зримо, – это объясняет его страсть к строительству. Юстиниан преобразил Константинополь, и хотя многие из возведенных им зданий давно уже исчезли, такие великие сооружения, как соборы Св. Софии и Св. Ирины и маленькое чудо – церковь Св. Сергия и Вакха, до сих пор поражают воображение.

Не все его начинания были равно успешными. В своем желании добиться религиозного единства он преуспел лишь в углублении раскола между Востоком и Западом. Огромные усилия Юстиниана по реформированию имперской администрации и очищению ее от коррупции постоянно подрывались его же собственным сумасбродством. Даже завоевания императора нередко оборачивались разочаровывающими результатами.

В то же время Константинополь стал основным центром торговли между Европой и Азией. Поскольку Запад в ту пору крайне обнищал, византийцы начали обращать свои взоры к Китаю и Индии, стремясь во взаимоотношениях с ними добиться коммерческого успеха, ну и, конечно, приобрести шелка, специи и драгоценные камни, которые эти страны поставляли в огромном количестве.

Определенные трудности в этой торговле создавала Персия. Великий шах осуществлял строгий контроль за всеми караванными маршрутами морским путем через зону Персидского залива, взимая огромные пошлины, особенно на шелк – самый ходовой товар. А во время войны персы почти полностью заблокировали все эти транспортные артерии.

Такому положению вещей Юстиниан вознамерился положить конец. Прежде всего он проложил новые пути, которые обходили Персию стороной: северный – через Крым и Кавказ; южный – через Красное море, а не Персидский залив. Первый маршрут был достаточно успешно реализован; второй популярным не стал из-за того, что персы прочно удерживали индийские и цейлонские порты.

Между тем в 552 г., когда группа православных монахов привезла с Востока яйца гусениц тутового шелкопряда вместе с секретами технологии шелкопрядильного производства, Юстиниан ухватился за этот шанс. Вскоре появились фабрики, причем не только в Константинополе, но и в Антиохии, Тире, Бейруте, и имперское шелкопрядильное производство, которое отныне навсегда стало государственной монополией, явилось одним из самых прибыльных в Византии.

И все же в экономическом плане, несмотря на все свои усилия, Юстиниан не добился существенного успеха: по одной только этой причине он не может считаться подлинно великим правителем. С другой стороны, при нем в огромной степени развились сферы развлечений, услуг, были организованы разнообразные общественные работы, да и в целом страна значительно преобразилась.

Юстиниан расширил границы империи, упростил и рационализировал ее законы. Он работал постоянно и неустанно; в истории найдется не много правителей, которые положили бы столько трудов на благо своих подданных – как это благо понимал сам император. Более чем какой-либо иной монарх в истории Византии, он наделил империю чертами своего собственного характера; пройдут века, прежде чем она начнет выходить из его тени.

7

Первый крестоносец (565–641)

Византия находилась в окружении врагов, но императора Юстина II это не смущало: он твердо верил, что при наличии мудрости и храбрости можно победить любого противника. Вот этой самой верой император нередко и руководствовался, принимая те или иные политические решения. Через неделю после его восшествия на престол двор посетил посольство аваров, народа тюркского происхождения, который впервые появился на Западе лишь несколько лет назад. В свое время Юстиниан согласился выплачивать аварам ежегодные субсидии в обмен на обязательство с их стороны защищать границы империи, что было вполне характерно для проводимой в ту пору византийским двором внешней политики. Юстин же отказался выплачивать эти деньги. В следующем году он подобным образом поступил и с другими такого же рода клиентами, пользовавшимися щедростью Юстиниана, в том числе и с самим шахом Хосровом. Эта твердость многократно повысила его авторитет; вскоре, однако же, выяснилось, что казенные деньги дядя нового императора тратил совсем не напрасно.

Впрочем, народ, ответственный за самое худшее из бедствий, разразившихся в период правления Юстина, не принадлежал к числу тех, что получали от Византии деньги за охрану границ. Речь идет о лангобардах, германском племени, которое медленно перемещалось на юг – в ту область, которую сейчас занимает Австрия. Войдя на территорию Италии в начале 568 г., они обошли стороной Равенну; на всем своем пути лангобарды нигде не встречали особого сопротивления – за исключением Павии. Их король Альбоин не пошел дальше Тосканы, но значительная часть лангобардской знати устремилась на юг, решив основать независимые герцогства в Сполето и Беневенто. Таким образом, лангобарды, вторгшись в Италию, заявили о себе как о потенциальных поселенцах, не завоевателях. Они смешивались с итальянцами путем брака, принимали их язык, заимствовали культуру и, несомненно, намеревались прибрать к рукам весь полуостров.

У Юстина не имелось никакой возможности предпринять что-нибудь против затопившего Италию потока лангобардов – он был полностью занят аварами. В 568 г. они ворвались в Далмацию, одержимые неистовой жадностью разрушения, и уже спустя три года византийцам пришлось искать с ними перемирия. Заключение договора стоило Юстину 80 000 серебряных монет, что намного превышало размер выплачивавшейся ранее субсидии.

В том же 571 г. произошли опасные события на Востоке – армяне подняли восстание против шаха Хосрова и обратились к Юстину как единоверцу-христианину за поддержкой, и эту просьбу он, понятно, не мог проигнорировать. В начале 572 г. возобновилась Персидская война. В следующем году персы захватили Дару на реке Тигр – важную христианскую епархию; также они подвергли разорению Сирию, выведя оттуда не менее чем 292 000 пленных. Из их числа Хосров лично отобрал 2000 прелестных христианских девственниц; те попросили разрешения помыться в реке и из страха утратить одновременно религию и честь предпочли утопиться.

К этому времени император начал открытое преследование монофизитов. Не было ни казней, ни пыток, но монахи и монашки изгонялись из монастырей, а монофизитский клир лишился всех привилегий. Это могло быть следствием все более возраставшего умопомешательства Юстина. На него зачастую находили приступы ярости, и тогда он мог накинуться на любого, кто приближался к нему; случались у него и попытки выброситься из окна – в результате на окна были установлены решетки с целью обезопасить его жизнь. Софья, нередко подменявшая супруга в государственных делах, купила перемирие с Хосровом на год, а в конце 574 г. убедила мужа, на которого нашло временное просветление, возвести

военачальника по имени Тиберий в ранг цезаря. С того момента Софья и Тиберий стали выступать в роли регентов, и, когда Юстин в 578 г. умер, последний стал его бесспорным преемником.

Период регентства был для Тиберия непростым. Турки, обозначившиеся в истории Римской империи, захватили византийскую крепость в Крыму, а в 577 г. огромная орда славян, насчитывавшая примерно 100 000 человек, наводнила Фракию и Иллирию. Не менее серьезную проблему для Тиберия стала представлять Софья, у которой внезапно пропало желание делить с ним власть. Она настаивала на том, чтобы ключи от казны хранились у нее, цезарю же с его семьей предлагалось скудное содержание. Лишь после смерти Юстина Тиберий наконец отважился утвердить свои права: Софья была помещена под строгий надзор, и в этом положении она оставалась всю оставшуюся жизнь.

Новый император, который теперь взял себе второе имя, Константин, добился исключительной популярности. Преследование монофизитов было прекращено; увеличились властные полномочия и сената, и демов – Зеленых и Синих; армию усилили новым элитным корпусом, состоявшим из 15 000 варваров, который столетия спустя превратится в знаменитую варяжскую гвардию. Если Тиберия Константина в конечном счете нельзя отнести к числу великих правителей, то это по большей части связано с его безграничной щедростью и, попросту говоря, мотовством. Он не только снизил сумму всех налогов, взимавшихся в империи, на четверть, но и в один только первый год раздарил в той или иной форме около 7200 фунтов золота. В последующие три года траты были не менее впечатляющими. К счастью для казны, 13 августа 582 г. он умер – ходили слухи, что от яда, подсыпанного в блюдо с тутовыми ягодами.

За неделю до смерти Тиберий назначил своим преемником молодого каппадокийца по имени Маврикий. «Пусть твое правление станет для меня самой красивой эпитафией» – таковы были последние слова умирающего императора, и в течение следующих двадцати лет Маврикий руководил государством твердо и умело. Он ответственно подошел к оставшимся завоеваниям Юстиниана в Италии и Африке. В результате появились два экзарха – Равеннский и Карфагенский. Организованные на жестких военных началах под управлением экзарха, наделенного абсолютной властью и над военной, и над гражданской администрацией, они стали основными западными аванпостами имперской власти.

Хорошие новости пришли наконец и из Персии. Старый Хосров умер в 579 г. На трон сел его сын Хормизд, но в 590 г. был убит в ходе государственного переворота, а сын Хормизда Хосров II бежал на территорию Византии и обратился к Маврикию за помощью. Император не упустил своего шанса: с готовностью предоставил принцу необходимую помощь в обмен на мирный договор, по условиям которого и персидская Армения, и восточная Месопотамия возвращались Византии. В 591 г. с помощью Маврикия молодой Хосров низверг оппозицию и сдержал свои обещания до последней буквы.

Основной проблемой Маврикия была нехватка денег. Расточительность его предшественника фактически довела империю до банкротства; война и выплата субсидий не позволяли должным образом пополнять имперскую казну. В результате Маврикий стал экономить на чем только можно и даже на чем вообще нельзя. Уже в 588 г. сокращение императором пищевого армейского рациона на четверть привело к мятежу на Востоке. В 599 г. он отказался выкупать 12 000 своих солдат, захваченных в плен аварами, и те казнили пленных. В 602 г. произошла еще одна масштабная катастрофа: Маврикий отдал распоряжение, в соответствии с которым армия не возвращалась, как обычно, на зиму на базу, а оставалась в суровых задонайских землях, населенных варварами. После восьмимесячного похода солдаты были обессилены, и теперь вместо возвращения в теплые края к своим семьям им предстояло в сильные холода жить в не приспособленных к зиме палатках, находясь под постоянной угрозой нападения со стороны варваров. Решительно отказавшись исполнять этот приказ

императора, солдаты подняли на щит одного из центурионов по имени Фока и провозгласили его своим вождем. Но они подчеркивали, что не избрали его императором. Маврикия солдаты терпеть более не собирались, однако с готовностью признали бы в качестве преемника либо его семнадцатилетнего сына Феодосия, либо его тестя Германа.

Оба они были немедленно обвинены Маврикием в измене. Феодосия высекли; Герман успел скрыться в соборе Св. Софии, где успешно отбивал все попытки достать его оттуда. К этому моменту очаги бунта разгорались уже по всей столице, и перед императорским дворцом собралась разгневанная толпа горожан. Во избежание худшего ближайшей ночью Маврикий, его жена и восемь их детей незаметно покинули дворец, переправились через Мраморное море и высадились вблизи Никомедии. Тут император и остался со своей семьей. Феодосий же направился в Персию – Хосров был обязан своим тронном Маврикию, теперь у шаха появилась возможность вернуть долг.

В Константинополе же происходили следующие события. Герман покинул убежище и объявил о своих претензиях на трон. Но и Фока также, как выяснилось, имел амбиции императорского масштаба. Он огласил послание, в котором содержалось требование к патриарху, сенату и всему народу незамедлительно прийти к церкви Иоанна Крестителя, и там несколько часов спустя Фока был коронован. На следующее утро Фока триумфально въехал на коне в столицу; день спустя в обстановке еще большей торжественности он присвоил своей жене Леонтии титул августы.

Между тем отряд солдат выследил беглецов. По имеющимся свидетельствам, Маврикий безучастно наблюдал за тем, как четверых его младших сыновей безжалостно убивают прямо на его глазах, а потом и сам предстал перед палачом и был отправлен на тот свет с одного удара. Тела казненных сбросили в море, а командир отряда вернулся с пятью головами в Константинополь.

Во многих отношениях Маврикий проявил себя как мудрый и дальновидный государственный деятель. Он встроил разрозненные византийские владения на Востоке и Западе в основательно усовершенствованную им государственно-административную систему, где главную роль отныне играли военные, а не гражданские власти. Если бы такая крепкая организационная структура существовала во время правления Юстиниана, Италия была бы завоевана с гораздо большей легкостью. Таким образом, продемонстрировав сочетание решимости, проницательности и исключительно упорной работы, Маврикий оставил империю в гораздо лучшем состоянии, чем принял. Если бы он предоставил солдатам чуть больше хлеба, а народу – чуть больше зрелищ, то легко бы избежал своей горькой участи. Впрочем, уже через несколько недель взбунтовавшиеся против Маврикия подданные начали оплакивать его кончину.

Внешность императора Фоки трудно было назвать импозантной. Спутанные в ком рыжие волосы; лохматые, сросшиеся на переносице брови; пересекавший лицо огромный шрам, который становился темно-красным, когда Фока раздражался, что придавало императору весьма устрашающий вид. Характер Фоки вполне соответствовал его внешности. Это был развратный, много пьющий и патологически жестокий человек. Ничто не доставляло ему такого удовольствия, как вид крови. До времени его правления пытки в империи были редкими, именно Фока стал применять дыбу, ослепление и нанесение увечий. Смерть Маврикия и его сыновей оказалась только началом – казни и узаконенные убийства последовали непрерывной чередой. В их числе казнь старшего сына императора – Феодосия. Из императорской семьи выжили только Герман – жизнь ему сохранили при условии, что он станет священником, – и императрица Константина, которая была отправлена с тремя дочерьми в женский монастырь. Все остальные, заподозренные в проявлении преданности Маврикию, приняли смерть от топора, тетивы или – что случалось чаще – в ходе долгих и жестоких пыток.

В 603 г. шах Хосров выставил против Византии огромную армию. Империя в то время имела на Востоке только одного первоклассного военачальника – Нарсеса (он не имел никакого отношения к своему более именитому тезке). Говорили, что при произнесении его имени каждый персидский ребенок буквально съеживался от ужаса. Находясь у власти Маврикий, Нарсес немедленно встал бы на защиту империи, но в сложившейся ситуации он поступил ровно наоборот. Нарсес поднял против Фоки восстание, захватил Эдессу и обратился к Хосрову за помощью. Они встретились в обстановке строгой секретности и выработали план действий против нового императора. Фока бросил все свои военные силы против надвигавшихся персов, но успеха не добился. Зато ему удалось заманить в Константинополь Нарсеса – под предлогом обсуждения условий мирного договора с гарантией личной безопасности полководца. Если бы только император действовал честно, то, возможно, сумел бы договориться с Нарсесом, мог бы даже завоевать доверие своего военачальника и привлечь его на свою сторону, но военачальник был схвачен и сожжен заживо. В итоге империя лишилась самого лучшего полководца.

В последующие четыре года персы заняли большую часть Месопотамии и Сирии, Армении и Каппадокии, Пафлагонии и Галатии, а в 608 г. их авангард расположился лагерем в Халкидоне, откуда уже была видна столица. В то же время славяне и авары продолжали внедряться на Балканы.

В сложившейся кризисной ситуации Фоке следовало бы принять меры к спасению всех сил внутри страны. Вместо этого он инициировал кампанию по принудительному обращению евреев. Те жили в основном в восточных провинциях – на передней линии противостояния с персами, на тот момент линия на их отчуждение представляла собой почти невероятную глупость. В результате евреи Антиохии подняли восстание и начали резню местных христиан, предав смерти и патриарха Анастасия. Тысячи пришедших в ужас горожан бежали от этой бойни и стали искать убежище на территории, занятой персами.

Империя погрузилась в состояние анархии, один заговор сменял другой. Казнь следовала за казнью, в числе казненных оказались бывшая императрица Константина и три ее дочери. В столице подняли мятеж Зеленые, которые подожгли несколько общественных зданий; в восточных провинциях царил хаос. Теперь повсюду христиане и евреи были готовы перерезать друг другу глотки; последние открыто вступили в союз с персами.

Избавление наконец пришло из Африки. Экзархом в Карфагене был бывший военачальник по имени Ираклий. Он и его брат, а также заместитель вознамерились положить конец катастрофическому правлению Фоки. Но они были уже слишком стары, чтобы вести боевые действия, поэтому, к 608 г. собрав весьма значительную армию и военно-морской флот, братья отдали их под начало своих сыновей. Армией стал командовать сын Григория Никита, а флотом – сын Ираклия, носивший то же имя. К концу года Никита направился с войском в Египет, где захватил Александрию. В 609 г. молодой Ираклий отплыл в Фессалоники и, собрав там значительное число людей и корабли, в 610 г. взял курс на Константинополь.

В субботу 3 октября внушительный флот повстанцев вошел в Золотой Рог со стороны Мраморного моря. Противники императора уверили Ираклия в том, что в городе он будет встречен как освободитель. Эта информация оказалась верной – два дня спустя плененного Фоку на лодке доставили к кораблю Ираклия.

Тот спросил императора, отчего он так отвратительно управлял империей.

Фока ответил, что еще неизвестно, будет ли Ираклий управлять государством сколько-нибудь лучше.

Это был неплохой ответ, но он не подвигнул Ираклия к проявлению милосердия. Фока, его приверженцы и близкие друзья были в срочном порядке казнены. В тот же день пополудни Ираклий принял участие в двух отдельных, хотя и следовавших одна за другой рели-

гиозных церемониях. Сначала он сочетался браком, и его жена, у которой ранее было имя Фабия, теперь стала называться Евдокией. Сразу же после этого Ираклия короновали как императора.

Тридцатишестилетний белокурый широкогрудый Ираклий должен был казаться полубогом, когда выходил из дворца с молодой женой на руках, однако многие из подданных опасались, что он станет последним императором Византии. Ни один из его предшественников не получал в наследство такую безнадежную политическую ситуацию. На западе авары и славяне наводнили Балканы; на востоке персидские сигнальные костры виднелись у Халкидона, по ту сторону Босфора. Правда, Феодосиева стена была хорошо отреставрирована и у персов не имелось кораблей, на которых они могли бы пересечь пролив.

Да, положение столицы выглядело надежным, а вот провинции империя стала терять. Через год после восшествия Ираклия на престол персидский военачальник Шахр-Бараз захватил Антиохию, в 613 г. добавил к ней Дамаск, а в 614-м – Иерусалим, где едва ли остался в живых хоть один христианин. Храм Гроба Господня был сожжен дотла вместе с большей частью других христианских святынь. Честной Крест Господень – наряду со всеми прочими реликвиями, имеющими отношение к Распятию, включая Священные Трость и Губку, – персы увезли в Ктесифон. Невозможно представить себе более отчетливого знака божественного неудовольствия. Затем великий шах обратил взор к Египту – и вскоре основной источник зерна для империи превратился в персидскую провинцию.

Первой задачей Ираклия было защитить оставшиеся владения. Восточная Анатолия оказалась утеряна; западную часть Анатолии он разделил на четыре фемы и во главе каждой поставил стратига, который сосредоточил в своих руках военное командование, судебную власть и налоговое управление. Значительное число мужчин в фемах получили в дар неотчуждаемые наделы земли на условиях несения военной службы, которая становилась наследственной. Это заложило основы для формирования хорошо обученной местной армии, которая придет на смену ненадежным отрядам иностранных наемников. Стала полниться казна империи, благодаря хорошо собираемым налогам, принудительным займам, огромным штрафам, наносившим реальный урон замешанным в коррупции чиновникам, и крупным пожертвованиям со стороны православной церкви – в первый раз за всю историю ее существования. Несмотря на неодобрение патриархом Сергием частной жизни императора – после смерти Евдокии в 612 г. он торжественно сочетался браком со своей племянницей Мартиной, – первосвященник без всяких колебаний отдал все церковные и монастырские сокровища в распоряжение государства.

Политическая позиция Ираклия была усилена временным мирным соглашением с аварами, и к весне 622 г. он уже был готов к войне с персами. В Пасхальный понедельник Ираклий взшел на флагманский корабль – это был первый император со времен Феодосия Великого, который повел свои войска в бой, – и направился вдоль Ионического побережья к острову Родос. Потом он двинулся вдоль южного побережья Анатолии к Иссу, где Александр Македонский разгромил персов примерно за тысячу лет до описываемых событий. В течение всего лета он проводил тактические учения с целью повысить собственное полководческое мастерство и укрепить стойкость и выносливость своих воинов.

Только с приближением осени Ираклий начал продвижение на север. На каппадокийской возвышенности две армии сошлись лицом к лицу. Ираклию никогда еще не приходилось командовать армией в полевых условиях, но войско персов под началом самого видного их военачальника Шахр-Бараза он обратил в бегство. Потом Ираклий вернулся в Константинополь, оставив свою армию на зиму в Понте. На этот раз солдаты не протестовали.

Следующей весной император – на этот раз вместе с женой Мартиной – вновь выступил в поход против персов. Пройдя через Армению и Азербайджан, он подступил к Ганзаку,

где находился великолепный дворец великого шаха, который Ираклий разрушил. Потом, оставляя за собой след горящих городов, император двинулся к персидской столице – Ктесифону. Путь назад ему отрезал Шахр-Бараз, так что к началу следующей зимы Ираклий отошел к западному побережью Каспийского моря, где Мартина благополучно разрешилась младенцем. Следующим летом он провел новую военную кампанию, а на зиму отошел к озеру Ван. 1 марта 625 г. император повел своих людей в самый долгий и самый трудный поход из всех предыдущих: сначала через предгорье Арарата, а потом 200 миль вдоль реки Арсаниас к Мартирополю и Амиде – оба города он захватил. Оттуда оставалось чуть больше семидесяти миль до Евфрата, за время продвижения к которому враг себя никак не проявил. Наконец, в нескольких милях к северу от Аданы, император увидел на противоположном берегу реки персидскую армию, выстроившуюся в полной боевой готовности. Поблизости оказался небольшой мост, и византийцы, несмотря на усталость от долгого перехода, сразу же бросились в атаку, но Шахр-Бараз, имитируя отступление, заманил их в умело подготовленную засаду, и авангард императорской армии попал под мощную атаку, тогда Ираклий прищипорил лошадь и ринулся вперед, через мост, на помощь своим солдатам, не обращая внимания на град персидских стрел, а его гвардия последовала за ним. Даже Шахр-Бараз не смог скрыть восхищения. «Посмотри на своего императора! – обратился он к перебежчику-греку. – Он боится стрел и дротиков не более, чем наковальня!»

Благодаря одной только своей отваге Ираклию удалось в этот день уберечь армию от разгрома. Но в город Трапезунд, где зимовало его войско, и с востока, и с запада приходили тревожные вести. Шах Хосров распорядился провести массовый призыв в армию всех мужчин, годных к военной службе, включая иностранцев, проживавших в его владениях. Своему военачальнику Шахину он доверил закаленное во многих боях войско в 50 000 человек. Шахр-Баразу было приказано идти через Малую Азию к Халкидону и там оказать помощь аварскому кагану – тот со своей ордой, включавшей в себя практически все племена, проживавшие от Вислы до Урала, уже подтягивал огромные осадные орудия к Константинополю.

Проанализировав ситуацию, Ираклий решил разделить свои силы на три части. Первый отряд немедленно направился к Константинополю; второй, под командованием брата императора Феодора, был послан на борьбу с Шахином в Месопотамию; третий же, самый маленький, оставался с Ираклием удерживать Армению и Кавказ, чтобы отсюда в конечном итоге вторгнуться в относительно незащищенную Персию. В то же время он обратил взор к одному из самых значительных племен Кавказа – хазарам, поразив их кагана Зиебила богатством подарков и обещав ему руку своей дочери Епифании. Зиебил, чрезвычайно польщенный, отдал в распоряжение императора 40 000 человек. К счастью для Епифании, каган к концу года умер.

Пока Ираклий и его новая хазарская армия занимались опустошением Азербайджана, Феодор записал на свой счет победу над Шахином в Месопотамии, после которой персидский военачальник впал в глубокую депрессию и умер. Хосров распорядился упаковать тело, обсыпав его солью, и доставить ему. По прибытии груза Хосров приказал освободить труп от одежд и сечь до тех пор, пока не превратится в бесформенное месиво. С некоторых пор члены персидского двора начали испытывать сомнения в душевном здоровье великого шаха. После этого случая сомнений у них уже не осталось.

29 июня 626 г. персы и авары пошли на Константинополь. Обитатели пригородов поспешили найти себе убежище за городскими воротами, которые за ними сразу же закрылись и были заперты на засов; началась давно уже ожидавшаяся осада. Войско варваров численностью примерно в 80 000 человек растянулось вдоль стен от Мраморного моря до бухты Золотой Рог. Стены защищал двенадцатитысячный кавалерийский отряд византийцев; поддержку ему оказывало все население, в котором патриарх Сергей поддерживал религиозный энтузиазм, доведенный до состояния неистовства. Днем и ночью катапульты метали булыж-

ники в крепостные валы, но стены выдерживали удары и защитники держались стойко. Осада продолжалась на протяжении всего знойного июля, Сергей со своим клиром ежедневно совершал торжественный обход стены по всему ее периметру, неся над головой чудотворную икону Пресвятой Девы.

7 августа персидские плоты, готовые забрать свежие подкрепления и переправить их через Босфор, неожиданно оказались окружены греческими кораблями. Все, кто находился на плоту, были убиты на месте или сброшены в воду. Почти сразу же после этого группа славянских судов, находившихся в бухте Золотой Рог, попала в засаду, устроенную византийцами, и тоже была уничтожена. Две катастрофы подряд повергли осаждающих в панику. Их осадные орудия оказались бесполезными, их искуснейшие стратагемы не дали результата. Кроме того, до них дошли известия о победе Феодора над Шахином и о новом союзе Ираклия с хазарами. Всему этому могло быть только одно объяснение: Византия находилась под божественной защитой. Персам ничего не оставалось, кроме как снять осаду.

В начале 627 г. император решил идти с войском прямо на дворец самого великого шаха, находившийся в Дастагирде, вблизи Ктесифона. Ираклий же двигался осторожно; персидская армия находилась неподалеку. Ее новый командующий Рахзад решил не выступать навстречу Ираклию, а подождать, пока тот сам не приблизится.

Лишь к концу года у руин Ниневии состоялась битва. Она продолжалась одиннадцать часов. В самый разгар сражения Рахзад неожиданно вызвал Ираклия на поединок. Император принял вызов, прищепил боевого коня и, как повествуют хронисты, снес голову персидского полководца одним взмахом меча. Бой тем не менее продолжался, и император оставался в строю, несмотря на несколько полученных ран. Лишь когда село солнце, греки осознали, что им уже никто более не противостоит.

Прибыв в Дастагирд, Ираклий обнаружил, что великий шах бежал, а его роскошный дворец опустел. Византийцы не пощадили дворец, предав его и все, что в нем было, огню. Бежавший в Сузиану Хосров призвал подданных сплотиться для защиты Ктесифона, но персы уже устали от безумств шаха, и для Ираклия не составляло особого труда сбросить его с трона. Через одну-две недели император с армией направился домой, а Хосров был брошен в темницу своим сыном Сировом. Отставному шаху выдавалось ровно такое количество хлеба и воды, чтобы он только не умер с голоду. На пятый день он обрел смерть – в него выпустили несколько стрел.

Известия об этом дошли до Ираклия, когда он находился в Тебризе. Затем последовало заключение мирного договора, согласно которому персы отдавали все завоеванные территории и всех захваченных пленных наряду с Честным Крестом Господним и другими реликвиями.

В Троицын день, 15 мая, патриарх Сергей взшел на высокий амвон в соборе Св. Софии и зачитал послание императора своему народу, которое скорее представляло собой благодарственный гимн, нежели торжественное провозглашение победы.

Ираклий же после окончания войны прибыл в свой дворец в Иерии, местности, находящейся по ту сторону Босфора, напротив Константинополя, где обнаружил все население столицы, которое ожидало его, чтобы выразить свою благодарность и преданность. Во дворце находилась семья Ираклия: старший сын Константин, которому в ту пору было шестнадцать лет; дочь Епифания; жена Мартина с младшим сыном Ираклеоном, которому исполнилось тринадцать лет. Семья готовилась тотчас же переправиться в Константинополь, но император решил не входить в столицу без Честного Креста Господня, который было велено привезти его брату – так быстро, как только возможно. Только в конце первой декады сентября Феодор прибыл в Халкидон, и начались приготовления к торжественному возвращению императора домой.

14 сентября 628 г. Ираклий триумфально вошел в столицу. Впереди него несли Честной Крест Господень; за императором шли четыре слона – в Константинополе их вообще видели в первый раз. Хотя Ираклий был еще только на середине шестого десятка, выглядел он старым и большим. Но истошил он свои силы не на княжьих пирах, а на службе империи – благодаря ему Византия раз и навсегда избавилась от персидской угрозы.

Процессия продвигалась к собору Св. Софии. Во время состоявшегося там благодарственного молебна начали медленно поднимать Честной Крест Господень, пока он не встал вертикально перед главным престолом. Возможно, это был самый волнующий момент в истории великого собора, и многие полагали, что теперь должен начаться новый золотой век.

Увы, ничего подобного не произошло. Всего лишь за шесть лет до этого, в сентябре 622 г. – в год, когда Ираклий начал персидскую кампанию, – пророк Мухаммед бежал из враждебной Мекки в дружественную Медину, что ознаменовало начало эпохи мусульманства. И всего лишь через пять лет после этого, в 633 г., армии ислама выступили в свой поход, который в итоге приведет их к воротам Константинополя. До начала VII в. Аравия была неизвестна Западу, а ее обитатели не проявляли интереса к христианскому миру, не оказывали на него никакого воздействия и, конечно, не представляли никакой угрозы, но затем в мгновение ока все изменилось. В начале 633 г. мусульмане начали действовать за пределами Аравии. Через три года они захватили Дамаск; еще через два года – Иерусалим; через год – всю Сирию. В течение первого десятилетия они овладели Египтом и Арменией; в течение второго – персидской империей; в течение третьего – Афганистаном и большей частью Пенджаба. Затем, после короткого перерыва, арабы обратили взоры к Западу.

В 711 г., захватив все побережье Северной Африки, они вторглись в Испанию, а к 732 г., менее чем через сто лет после своей первой вылазки за пределы родной Аравийской пустыни, перешли через Пиренеи и направились на север, к берегам Луары, где были наконец остановлены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.